



Эстер Розенталь-Шнайдерман (Трана-Эстера Фукс; 1900 (1896), Ченстохов Петроковской губернии — 1989, Иерусалим) — педагог, публицист. В 1926 г. эмигрировала в СССР. Окончила аспирантуру Института еврейской пролетарской культуры при ВУАН. Автор многих статей на педагогические темы. Работала в Киеве и Институте еврейской пролетарской культуры, в Биробиджане и на Северном Кавказе. Публиковалась в журналах «Ди ройте велт», «Ратн-билдунг», «Висншафт ун революцие», «Фармест», в газетах «Дер эмес», «Биробиджанер штерн» и др. Автор нескольких учебников для еврейских школ, изданных на Украине и в Польше. В 1958–1962 жила в Польше, с 1962 — в Израиле. Печаталась в «Ерушолоаимер алманах». В 1974–1982 в Тель-Авиве вышли три тома воспоминаний Р.-Ш. «Аф вегн ун умвегн» («На путях и перепутьях»), в 1983 — «Биробиджан фун дер ноэнт» («Биробиджан вблизи»).

Эстер Розенталь-Шнайдерман

Биробиджан вблизИ

Биробиджан
2022

УДК
ББК

Розенталь-Шнайдерман Э.
Биробиджан вблизи. Воспоминания. Перевод с идиша Исроэ-
ла Некрасова. Вступительная статья И. Бренера.

ISBN 978_5_6047972_1_1

©Исроэл Некрасов — перевод

Биробиджанский след в жизни Эстер Розенталь- Шнайдерман

Имя Эстер Розенталь-Шнайдерман знакомо исследователям истории евреев России. К статьям и книгам писательницы, опубликованным в различных изданиях и странах, не раз обращались известные историки. Воспоминания о ее деятельности в Институте еврейской пролетарской культуры (ИЕПК), участии в биробиджанском строительстве находят отражение в работах А. Гринбаума, П. Новака, Х. Словеса, Ш. Липшица, М. Альтшулера, Я. Рои, Л. Бергер, Л. Бренера, А. Авнери и др.

Однако только единицы могли знать, что с 1926 по 1958 год в Советском Союзе под этим именем скрывалась Трана-Эстера Фукс, рожденная 7 июня 1896 года в городе Ченстохове. Девочка из большой и небогатой еврейской семьи, наделенная тягой к познанию мира, сумела окончить Варшавский университет, стать видным активистом в местном отделении еврейской сионистско-социалистической рабочей партии. В связи с угрозавшим за революционную деятельность арестом она выехала по фальшивому паспорту на имя Шнайдерман Сары Моисеевны в СССР.

Личная жизнь Эстер в советской политической атмосфере наполнилась новым содержанием, у нее появились влиятельные знакомые в Польском представительстве Коминтерна, в том числе Софья Дзержинская, жена Ф.Э. Дзержинского. Коминтерн направил молодую преподавательницу в Киев с целью подготовки польских кадров для будущей социалистической Польши. Эстер начала работать в Киевской польской трудовой школе учителем польского языка. Прекрасно зная

идиш, она одновременно поступила научным сотрудником в ИЕПК, где окончила аспирантуру по педагогике и была принята в сентябре 1933 года в Киевский польский педагогический институт заведующей кафедрой педагогики. Но развернувшаяся в тот период компания «чистки» в отношении поляков, куда попала ее школа, профессорско-преподавательский и студенческий состав института, привели к тому, что он был закрыт, более половины преподавателей и аспирантов, более трети студентов подверглись репрессиям, которые, к счастью, обошли стороной Эстер.

В биографии Э. Розенталь-Шнайдерман более известен период работы в ИЕПК, где в 1920–1930-х годах она опубликовала ряд методических брошюр и пособий, а также статей в периодических изданиях «Ди идише шпрах», «Форпост», «Ратнбилдунг», в коллективных сборниках по вопросам школьного обучения и педагогики.

В своих воспоминаниях Эстер рассказывает об огромном интересе ученых ИЕПК к результатам научной экспедиции КомЗЕТА, исследовавшей в 1927 году Биро-Биджанский район. Она оказалась непосредственным свидетелем зарождения биробиджанского проекта, о чем повествует в книге «Биробиджан вблизи», написанной живо и правдиво. В ней отражены мечты советских евреев о строительстве еврейской страны и их разбитые надежды, о деятельности ИЕПК и о переписке с руководителями экспедиции — профессором Бруком и академиком Вильямсом. Подробно и ярко описывается праздничное собрание в институте, посвященное первому Биробиджанскому районному съезду, вылившееся в подлинный национальный триумф, в котором приняли участие представители еврейской и украинской науки, писатели, партийные руководители. Каждая из глав этой книги требовала исторической правды и документального подтверждения, что было сложно сделать, так как доступ к архивам КГБ в СССР был закрыт.

Мемуары проливают свет на историю региона, включая описания антиеврейских кампаний. В исторических документах нигде, кроме воспоминаний Шнайдерман, не упоминается визит директора ИЕПК И. Либерберга и его заместителя Б. Губермана в 1932 году в Биробиджан. С искренним восторгом Эстер передает царившую в Украинской академии наук атмосферу радости и воодушевления, когда они, вернувшись в Киев, отчитывались на собрании о поездке в Биробиджан. Призыв Либерберга ехать в Биробиджан, как рассказывает Эстер, поддержали многие ее знакомые из Киева, Харькова, Одессы. Среди них были экономисты, врачи, педагоги, журналисты, библиотекари, работники дошкольных учебных заведений.

После принятия Декрета о преобразовании Биробиджанского района в Еврейскую автономную область, на I съезде Советов Иосиф Либерберг был избран председателем исполкома. Вслед за ним и другими учеными института Эстер в мае 1935 года выехала «...в связи с откомандированием ЦК ВКП(б) на работу в Еврейскую Автоном. Область ДВК». Она была назначена заведующей Биробиджанским областным педагогическим кабинетом, а также вела занятия в средней школе № 1 имени Калинина, преподавала математику в шестых классах.

В описаниях биробиджанского периода жизни уже нет пафоса и восторга. Практически сразу Эстер столкнулась с недоверием со стороны первого секретаря обкома ВКП(б) М. Хавкина, который через короткое время выдал ей прозвище «профессорша». В исторической хронике биробиджанского проекта приводятся довольно подробные характеристики главных действующих лиц с 1927 года и до сталинских репрессий 1937–1938 годов.

Немногим более двух с половиной лет Эстер прожила в Биробиджане, став свидетелем грандиозных планов и травли Либерберга, его ареста в Москве, последующих репрессий, кото-

рые прошли и по ней, дважды исключённой из партии. Она тяжело переживала, узнавая об арестах ее коллег и знакомых. Как о настоящей трагедии в главе «Опустевшие фанзы» она повествует о депортации из ЕАО корейцев. В главах «Реквием» и «Уничтоженные биробиджанские деятели» Эстер приводит имена своих знакомых, оказавшихся в застенках НКВД. Это одно из редких повествований, содержащих описание судеб жертв сталинских репрессий.

После этих арестов Эстер с мужем Нисеном Розенталем приняли решение уехать туда, где их никто не знал. Этим местом стал Кавказ. Город Нальчик и Кабардино-Балкарский педагогический институт открывают новую главу ее жизни, наполненную драматическими событиями: бегством от наступающих на Кавказ фашистских войск, активной педагогической и научной работой, подготовкой к защите кандидатской диссертации и общественной деятельностью.

В конце сороковых — начале пятидесятих годов развернувшаяся в борьба с космополитизмом, буржуазным национализмом не оставили надежд на восстановление еврейской жизни. Возможно, это и повлияло на решение возвратиться в 1958 году в Польшу, где Эстер включилась в преподавательскую деятельность, издала несколько методических учебников. Но в конце 1950-х — начале 1960-х годов в Польше усилились антисемитские настроения, способствовавшие массовому выезду польских евреев в Израиль. Эстер и Нисен в 1962 году репатрировались в Израиль.

В Иерусалиме Э. Розенталь-Шнайдерман работала в Центре исследования и документации восточноевропейского еврейства Еврейского университета. Именно тогда она поняла, что её душа не успокоится, пока она не расскажет правду о своём детстве, о надеждах и разочарованиях, бегстве из Польши, о навсегда потерянных друзьях, о крахе биробиджанского проекта и многом другом, что не давало покоя её сердцу. Она на-

чала публиковаться в Нью-Йоркском ежемесячнике «Ди цукунфт», в Тель-Авивском периодическом сборнике «Ба зих», в литературном альманахе «Иерушолаимер алманах», где вышло более 10 публикаций. Всего опубликовано около 30 ее творческих работ на идише, не менее семи из них переведены на иврит. К сожалению, так и не собрана библиография всех её публикаций, вышедших в других изданиях.

Произведения Розенталь-Шнайдерман, написанные на идише, занимали одно из центральных мест в мемуаристике тех лет. По признанию историка Мордехая Альтшулера, эти воспоминания идут из самой «...гуци советского эксперимента в его недолгом еврейском изводе», повествуют живо и достоверно, отмечал он в рецензии на её публикации.

Эстер была активным участником создания советской еврейской культуры в сфере образования и просвещения в Украине, она знала почти всех светил «отечественной» идишистики, включая Нохема Штифа, Эли Спивака, Меира Винера, Макса Эрика и многих других, и замечательно описала их в своих воспоминаниях.

К изучению творческого наследия Розенталь-Шнайдерман почти в один и тот же период времени обратились ученые Израиля, США и России. Мне довелось поработать с личными архивами Эстер и ее мужа, хранящимся в Центральном Архиве Истории Еврейского народа. Личные документы, письма, фотографии, вырезки из газет и журналов на иврите, идише, английском, польском, русском языках позволили впервые открыть неизвестные страницы ее биографии и творческого пути. Все это нашло отражение в моей монографии: «Эстер Розенталь-Шнейдерман. Личный архив и Биробиджанский след» (Биробиджан, 2022).

К мемуарам Э. Розенталь-Шнайдерман обращались в своих исследованиях Эмма Зохар, доктор философии Еврейского университета в Иерусалиме, Г. Эстрайх, Б. Котлерман, А. За-

ремба. Знакомство с творчеством Розенталь-Шнайдерман вызвало у доктора философии Пола Стивенсона (США) живой интерес, и благодаря ему книга «Биробиджан вблизи» скоро станет доступна в переводе на английский. Ну а к русскоязычным читателям эта книга попала благодаря переводчику из Санкт-Петербурга Исроэлу Некрасову.

Дов-Бер Керлер, профессор Индианского университета, США, неоднократно встречавшийся с Э. Розенталь-Шнайдерман в Израиле, считает ее одной из пяти крупнейших еврейских мемуаристок конца XIX – XX вв., напрямую связанных с культурой идиша. По его мнению, Эстер была не просто интеллигентом, педагогом, мемуаристом. Её метод документально выверенной мемуаристики обеспечил фактическую достоверность её эмоционально и индивидуально насыщенных воспоминаний.

Творческий дар Эстер был по достоинству оценен в Израиле. В 1969 году она получила премию журнала «Ди голдене кейт» («Золотая цепь»), а в 1979-м стала лауреатом государственной премии Союза писателей на идише в Израиле.

На крупнейшем в Иерусалиме кладбище Ар а-Менухот обрели свой последний приют Нисен и Эстер. Их могилы находятся рядом. На ее плите — надпись, сделанная на иврите: Эстер-Трана Розенталь-Шнайдерман, дочь Файвела Фукса. Ниже три простых слова: «ПИСАТЕЛЬНИЦА, ВЫДАЮЩАЯСЯ УЧИТЕЛЬНИЦА».

Для биробиджанцев же Эстер Розенталь-Шнайдерман навсегда останется человеком, запечатлевшим *наше* время.

Иосиф Бренер

**Почему
именно
Биробиджан**

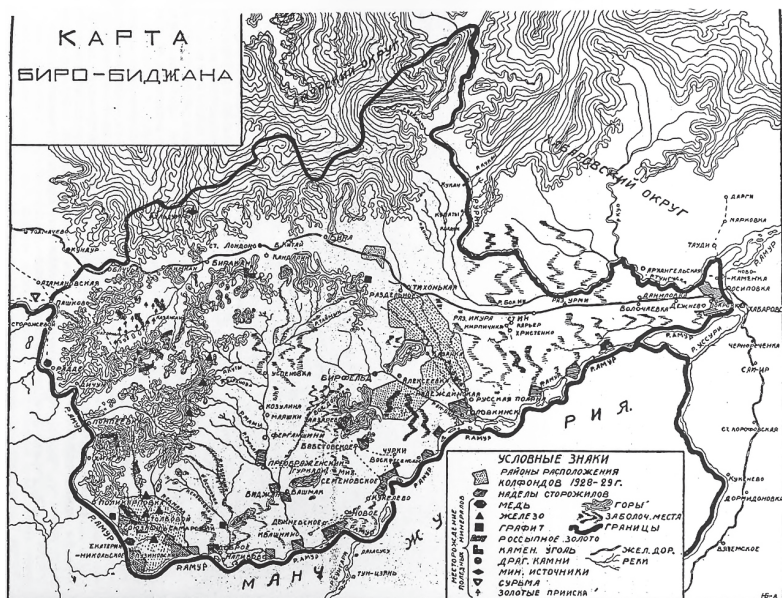


Загнанные в угол

Вы удивляетесь: почему они, почти все лидеры советско-еврейского культурного строительства, вдруг так загорелись Биробиджаном? В дремучей тайге, где-то у черта на куличках, и чтобы добраться туда из Москвы, даже избранным вроде меня надо сначала просидеть не девять, как говорят официально, а целых одиннадцать-двенадцать суток в самом быстром международном экспрессе, который отправляется аж из капиталистического Парижа, летит через столицы враждебных государств — Германии и Польши, и только потом прибывает в нашу красную Москву. И тут начинается долгий путь, с постоянными опозданиями, на советский Дальний Восток, а из Владивостока — опять во враждебные государства — Японию и Китай. А если ты простой переселенец, ты тащишься в Биробиджан в той самой знаменитой советской теплушке нередко целый месяц, тридцать долгих дней и ночей, а то и дольше.

Чего не хватало нам, крепко стоявшим на ногах строителям «цветущей советско-еврейской культуры», в центрах коммунистической страны, Москве, Киеве, Минске, уже тогда, в начале тридцатых? Как-то не вяжется со старой мудрой пословицей: от добра добра не ищут.

Однако наше стремление в Биробиджан было неслучайным. Хотя в то время всевозможные еврейские куль-



Карта Биро-Биджана 1930 года

etomesto.ru

турные организации еще росли как на дрожжах, а советская и даже иностранная пресса, причем не только левая, с восторгом писала о наших достижениях, и на первый взгляд у нас всё цвело и пахло, уже тогда тем, кто непосредственно занимался этой работой, не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы начать понимать: только издали кажется, что хорошо там, где нас нет, и больших радостей от дальнейшего развития еврейской культуры в Советском Союзе мы не дождемся. И мы начали понимать еще кое-что поважнее, а именно, что даже достигнутые успехи вызывают большие сомнения. И это пугало нас сильнее всего. Вот мы и схватились за Биробиджан,

как утопающий за соломинку. Почему? Потому что в Еврейской автономной области, обещанной коммунистической партией, не может угрожать опасность, как здесь, на Украине или в Белоруссии, опасность, которая становилась всё явственнее, что советско-еврейская культура вдруг окажется загнанной в угол. Невероятно, думали мы, чтобы «там» партия не предоставила нам возможности дальше расти и развиваться. Более того, там, и только там откроются все двери для нашего вечного советско-еврейского существования. Там мы перестанем быть национальным меньшинством, и нам не будет грозить опасность, что мы полностью исчезнем как народ. Там партии придется перестать смотреть на нас как на пешку в игре, название которой звучит так благородно и гуманно: «*национальная политика** коммунистической партии». Вот это и была самая основная, самая главная причина подумать о Биробиджане.

Но давайте попробуем расшифровать вышесказанное и изложить конкретные факты.

Как бы странно и противоречиво это ни выглядело, но это факт: расцвет еврейско-советской науки, то есть бурный рост исследовательских институтов еврейской культуры при Украинской академии наук в Киеве, Белорусской академии в Минске, а также увеличение числа других важных еврейских образовательных и культурных учреждений совпадает с безжалостной ликвидацией всех без исключения евсекций партии, административно-государственного и образовательного аппарата. (То же самое случилось с секциями других национальных меньшинств, не имевших собственной территории.)

См. пояснения на стр.

После ликвидации евсекций остается обширная сеть еврейских культурных и учебно-воспитательных организаций: ясли, детские сады, школы, техникумы, учебные и исследовательские институты, театры, музыкальные ансамбли, курсы, клубы для взрослых и молодежи, издательства, широко разветвленная еврейская пресса — и все они остаются без собственного руководства. Руководство еврейскими институциями сваливается, как снег на голову, на людей, которые, как правило, не имеют ни малейшего понятия о специфике работы с еврейским населением (точно так же как они не имеют понятия об особенностях других национальных меньшинств: поляков, болгар, немцев, греков и т. д.). Работа почти что брошена на произвол судьбы. Мы кусаем губы и молчим, а сердце кровью обливается от досады.

Лично мне тогда очень повезло: ведь я была предпоследним заведующим крупнейшей евсекцией на Украине — в отделе образования Киевского окружного избиркома. Когда меня отправили учиться в аспирантуру Института еврейской культуры, на мое место партия посадила переведенного из Уманского округа Гришу Розентойла. Ему и выпало по приказу партии в 1930-м собственными руками закрыть лавочку. Сколько не хватило, чтобы я оказалась на Гришином месте и сама стала палачом? Передать все дела евсекции в чужие, равнодушные, а то и враждебные руки... Я родилась в рубашке. В тот раз судьба уберегла меня от глубоких переживаний. Но при каждой встрече с симпатичным, очень способным Гришей я чувствовала себя виноватой: он сделал грязную работу за меня... Кстати, и его, последнего евсека в Киевском отделе образования, НКВД сослал в лагерь, и, отбыв срок, Гриша остался жить «на

свободе» где-то очень далеко от еврейской культурной среды.

Наше глубоко скрытое отчаяние, когда партия одним росчерком пера ликвидировала евсекции, было вызвано не только недоверием к нашим новым хозяевам. Ведь те, в чьи руки передают судьбу еврейской культуры, разбираются в ней, как свинья в апельсинах...

Ладно, скажете вы, со временем они научатся вести работу. Но не в этом дело. Гораздо хуже, что бóльшая часть из них открыто презирает еврейскую культурную работу, а в душе и вовсе ненавидит и ее, и нас. Проще говоря, они антисемиты. Может, мы преувеличиваем? Нет, это не обостренное национальное чувство, которое партия так не любит. Ведь мы годами работали с ними бок о бок и знаем их как облупленных.

Но партия приказывает: «Не молчать, а говорить!» А что говорить? Истолковывать приказ как доброе предзнаменование: мы, люди из ликвидированного еврейского руководства, должны объяснять всем и каждому, что «евсекции уже выполнили свое историческое задание, и поэтому они больше не нужны». Более того, ликвидация означает: еврейская культурная работа поднялась на следующую ступень!.. Да-да, «на следующую ступень»! Так нам приказали воспринимать случившееся несчастье. И мы трусливо согласились и крикнули «Ура!» И хотя мы чувствуем себя как побитые, через силу заставляем себя улыбаться.

Еще долго после несчастья мы не можем прийти в себя. Мы чувствуем, что это начало конца, и все-таки говорим: «Аминь!» Спасибо барину за милость! Выше я уже сказала: наиболее умные и дальновидные из нас уже тогда, в 1930-м, сравнили политику партии с игрой

в шахматы, в которой мы не более чем пешки. Хочет партия — двигает пешку туда, хочет — сюда. А если надо, просто сбрасывает пешку с доски...

И где же выход из новой ситуации, полной опасностей для дальнейшего существования еврейского культурного строительства? И тут судьба посылает нам спасение, буквально чудо для советских евреев: Биробиджан станет единственным местом, где проблемы, быть евсекции или не быть, вообще не существует. Там евсекции просто не нужны, потому что там мы перестанем быть национальным меньшинством, и всё делопроизводство, и вся культурная деятельность будут вестись на родном языке советских евреев. И самое главное: вся национальная работа будет в наших собственных, надежных, руках.

Наша фантазия разыгралась: мы и оглянуться не успеваем, как осуществится обещание юдофила Калинина: «Что касается преобразования области в республику, это вопрос времени. Если соберется население в сто тысяч, можно будет провозгласить республику» (из речи Калинина, произнесенной перед рабочими московских фабрик и заводов 28 мая 1934 года).

Между нами говоря, какую роль может сыграть для тех, у кого за спиной огромный опыт работы в советской еврейской среде, такая «мелочь», как переселение ста тысяч евреев? Надо просто засучить рукава, взяться за дело и выполнить план Калинина.



Но ликвидация евсекций была только одним звеном в цепи мрачных, тревожных событий. Теперь мы были совсем не так близоруки, как считала партия. Было ясно

как день: советская власть проводит политику, чтобы молодежь, которую мы воспитываем в еврейской средней школе, не сохраняла еврейскую культуру, но уходила от нее, особенно те, кто идет учиться в высшую школу.

Давайте поясним, как, какими средствами достигается эта цель. В Советском Союзе еврейские отделения существовали только на педагогических и литературных факультетах, еще еврейское отделение было в киевском Музыкально-драматическом институте имени Лысенко. Немного позже Новополтавский сельскохозяйственный еврейский техникум получил статус высшего учебного заведения.

Но сколько учителей необходимо еврейским школам? Сколько актеров нужно еврейским театрам? И нет причины ждать, что положение изменится, потому что любую попытку заговорить о создании еврейских отделений в технических, медицинских и других институтах душили еще в двадцатые годы, объявляя ее еврейским шовинизмом.

Подавляющее большинство выпускников еврейской средней школы вынуждено продолжать образование на русском, украинском или белорусском языке. Так мы теряем нашу молодежь. Будущую интеллигенцию систематически отрывают от еврейской культуры, погружают в русскую среду, и нам абсолютно нечего этому противопоставить.

И где же выход? Что может спасти нашу молодежь от постепенной ассимиляции? Разумеется, только Еврейская автономная область! Потому что Биробиджан станет единственным местом, где советским евреям не будет угрожать опасность русификации. Там мы построим полноценную еврейскую культуру от яслей, детских

СОВХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В БИРОБИДЖАНЕ

Из Хабаровска в Биробиджанский район выехала комиссия Наркомзема, которой поручено разработать план совхозного строительства в Биробиджане в течение 5-летия 1931—1935 гг. В план предстоящего строительства входят 3 зерносовхоза, 3 льнопенькосовхоза, рисовые совхозы, мясо-молочный совхоз, два пчеловодных совхоза, птицеводный и кролиководческий совхозы. Недоумение вызывает то обстоятельство, что среди намеченных совхозов не предусмотрены свеклосахарные совхозы между тем, проведенные Бирской опытной станцией в 1929 г. опыты посева свеклы, доказывают наличие благоприятных условий для разведения свеклы. Почему-то забыли о совхозах по соевым бобам, несмотря на исключительное значение этой культуры для Биробиджанского района.

КУСТАРНЫЕ ФАБРИКИ И ПРОМЫСЛЫ В БИРОБИДЖАНЕ

Первого мая в Тихонькой пущена в ход фабрика гнутой мебели, организованная артелью кустарей из Коростенского округа. Первого же мая в Тихонькой организована артель обострения, рассчитанная на 100 человек, из коих 12, пятого мая уже приступили к работе. Приступлено также к организации первого смолочуренного завода на ст. Биракан. 8-го мая подписан договор с Дальколониза-

цией о переезде в Биробиджан 375 кустарей с семьями. В первую очередь должны быть организованы артели по изготовлению металлических кроватей на 30 человек и артели цепьевиков на 20 человек.

ТРЕБОВАНИЯ НА ЧЕРНОРАБОЧИХ ИЗ БИРОБИДЖАНА

Вслед за строительной рабочей и рабочей по отдельным специальностям в биробиджанском совхозе в настоящее время выявилась потребность в чернорабочих для корчевальных работ и работ по уборке после корчевания в количестве по 350 человек каждой категории. Работа в обоих случаях сдельная с минимальной суточной оплатой первых в 2 р. 33 к. и вторых — 1 р. 90 к. Ко вторым работам могут быть допущены и женщины. Таким образом здесь могут найти работу в полном составе такие семьи, где нет нетрудоспособных членов. Семьи в которых имеются дети не могут поехать по этому наряду, так как в совхозе совершенно нет помещений для того, чтобы поселить неработающих членов семей.

Работа эта сезонная, рассчитанная на 4—5 месяцев. По окончании работы переселенцы-чернорабочие будут частично устроены на других работах, частично зачислены в биробиджанские колхозы.

Все 700 мест распределены следующим образом: Украина получает 500 мест, Беларусь — 100 мест и Зап. область — 100 мест.

Лохвицкий коллектив

„Найэр Вег“, выезжающий

в Биро-Биджан.



садов, школ до университетов, политических организаций, исследовательских институтов и только на государственном языке Биробиджана, то есть на идише. Даже если она, Партия, сделает это не от чистого сердца, всё равно она вынуждена будет это сделать, так же как во всех национальных республиках.



И теперь я перехожу к рассказу о другой, более важной и трагической причине наших тяжелых чувств. В каком состоянии пребывает еврейское школьное образование? То есть *основа*, на которой строится и должна строиться дальше широко разветвленная сеть еврейских культурных организаций? Какие у нас перспективы для дальнейшего существования и роста этого базиса?

Нужно отметить, что даже в самый расцвет еврейской школы добровольно, более того, охотно своих детей туда отдавала только еврейская беднота, в основном местечковая, а у нас, в Киеве, — переехавшая из местечек. В отличие от нее, значительная часть еврейских родителей не хотела отдавать детей в еврейские школы.

Обычно родители указывали, что главная причина, почему они не хотят отдавать детей в школу, где все уроки ведутся на идише, чисто формальная: выпускники недостаточно хорошо знают русский, украинский или белорусский язык, а это препятствие для поступления в высшее учебное заведение. (Кстати, так бывало далеко не всегда. Были еврейские школы, выпускники которых блестяще владели также государственным языком.)

Основные причины лежали глубже, а именно: ежедневная практика показывала родителям, что еврейская

школа активнее, чем нееврейская, борется с хедером, который годами нелегально, подпольно существовал тут и там, несмотря на преследования не только меламедов, но и родителей, отдававших туда своих детей.

Школа, где преподают на еврейском языке, борется смелее и упорнее, чем нееврейская, не только с религией, но и с национальным влиянием, которое семья оказывает на детей и собирается оказывать дальше.

Нееврейская школа, наоборот, вела агитацию в основном против православной религии, но избегала борьбы с так называемой «еврейской плесенью», опасаясь обвинений в антисемитизме, о чем открыто говорилось на собраниях.

Также было известно, что именно в нееврейских школах на еврейских учеников кое-где всё еще тайно влияет халуцианское молодежное движение, несмотря на угрозу тюрьмы или ссылки.

Вот в чем заключалась главная причина неприятия еврейской школы, хотя родители боялись открыто говорить нам об этом, и их страх был абсолютно обоснованным.

Во втором томе моей книги «На путях и перепутьях», в главе «Впервые лицом к лицу с советско-еврейской работой», читатель может найти более подробные сведения об этой проблеме. И пусть читатель не забывает, что времена, когда мы позволяли себе оказывать давление на эти слои населения, чтобы они отправляли своих детей именно и исключительно в еврейские школы, уже миновали, и от принуждения не осталось ни следа. Только в самом начале третьего десятилетия мы, не считаясь с желанием родителей, просто-напросто перевели на еврейский язык ряд русских, белорусских и украинских школ. Тогда критерий был такой: если дома

говорят на идише, значит, дети обязаны учиться в еврейской школе.

Тогда у нас в Киеве, на Подоле, в Демиевке, то есть в районах, густо населенных евреями, с согласия партийного руководства мы открывали в первую очередь школы на идише, и почти автоматически каждый еврейский ребенок оказывался записан в еврейскую школу. Чтобы отдать ребенка в нееврейскую школу, упрямому отцу приходилось обращаться в районный комитет образования и, как правило, безуспешно. Количество русских школ в еврейских городских районах было ограничено, и в них просто не было мест для всех желающих туда поступить. Не будем себя обманывать, пора посмотреть правде в глаза. Значительная часть говорящего на идише населения делала всё возможное, чтобы отдать детей в русскую школу или, если не получалось, хотя бы в украинскую. Было немало случаев, когда не только в крупных городах, но и в местечках дети, против воли записанные в еврейскую школу, не хотели ее посещать. Начались общественные скандалы, родителей наказывали, но те часто всё равно стояли на своем: не отдавали детей в еврейскую школу.

Местами возникла парадоксальная ситуация: русская школа в еврейском районе переполнена детьми, говорящими по-еврейски, а еврейской школе угрожает закрытие, потому что в ней полупустые классы... Каждый год дрожали: вот закрывают еще один класс и еще один класс.

О сопротивлении, которое некоторые родители оказывают принудительной идишизации, в первые годы открыто говорили в руководящих кругах и на партийных совещаниях. Вот только один пример: «Идишизации

школ и других культурных учреждений, проведенной в этом году, со стороны отдельных групп еврейского населения было оказано значительное сопротивление» (из резолюции всеукраинского совещания евсекций КП(б)У, Харьков, октябрь 1925 г.).

Тогда руководители еврейской работой не боялись протестов, потому что за принудительной идишизацией стояла партия: «Надо ожидать, что и в дальнейшем мы столкнемся с определенным сопротивлением, но это не должно удерживать нас от идишизации. В ответ необходимо развить большую просветительскую работу...» (из той же резолюции).

Нет нужды объяснять читателю, что для нас означало «развить большую просветительскую работу». Фактически мы продолжали принудительную идишизацию.



Такое положение сохранялось несколько лет, но со временем еврейские начальные и средние школы стали важным, существенным фактором: постепенно они укрепились, стали национальным достижением. Национальным по нашим большевистским представлениям. Достижением не только количественным, но и качественным. И — да, было чем гордиться. Ведь то, чего не смогло сделать принуждение, сделала любовь еврейских учителей. Самоотверженный труд большинства еврейских педагогов, теплая, душевная атмосфера, которую они создавали в детских коллективах, их отношение к родителям учеников буквально сотворили чудо.

Моя собственная работа, сначала в школе, потом ру-

ководительницей секции национальных меньшинств в отделе образования Киевского округа, дала мне возможность узнать изнутри не только еврейскую начальную и среднюю школу. И я очень не хотела бы, чтобы читатель думал, что я преувеличиваю, заявляя, что только русские и украинские школы Киевского округа могли конкурировать с высоким качеством педагогической и воспитательной работы в еврейских школах. Учителя там дневали и ночевали, и это сказано не только о воспитателях еврейских детских домов в начале двадцатых, но и об учителях еврейских школ в более поздние годы. Такие еврейские школы, как киевская 17-я, 5-я, 64-я, 34-я и другие — и в Киеве, и в небольших городах, — прославились в советском нееврейском педагогическом мире, стали примером самых современных, интереснейших педагогических экспериментов и методов, в том числе детского самоуправления. На педагогических конференциях (районных, городских, окружных, республиканских) они обычно играли главную роль. Постепенно не только ученики, но и многие родители искренне привязались к советской еврейской школе.

Каких достижений еврейское образовательное и культурное строительство добилось в Советском Союзе, я рассказала в вышеупомянутой главе второго тома «На путях и перепутьях». Там читатель также может найти таблицы, показывающие, как велико было количество различных еврейских учреждений, несмотря на трудности, которые им пришлось преодолевать.

Наша официальная установка заключалась в том, чтобы убрать из школы традиционное национальное содержание, и эта антинародная, вредительская работа нам в

значительной мере удалась. И всё же советская еврейская школа успела воспитать целую плеяду выпускников, которые продолжили обучение на еврейских факультетах и стали еврейскими учеными, писателями, журналистами, общественными деятелями и просто еврейской молодежью, душой и телом преданной еврейском культурному строительству.



Но теперь настали другие времена, и надо петь совсем другие песни, а именно: мы еще не пришли в себя от шока после ликвидации еврейских секций в 1930-м, как через три года получили новый удар, и у нас опять началась тихая паника.

В 1933-м Народный комиссариат просвещения издает указ, что не приемные комиссии, а только родители имеют право решать, на каком языке их детям учиться. В распоряжении прямо сказано: «Принуждать родителей отдавать детей именно в ту школу, где преподают на их национальном языке, *запрещено*».

Первые пару лет везде, где только возможно, самые отчаянные притворялись, что ничего не знают, и продолжали работать в старом стиле. Но постепенно, с каждым годом всё чаще и чаще стали происходить случаи, когда членов приемной комиссии строго наказывали за попытку оказать малейшее давление на еврейское население, чтобы оно отдавало детей в еврейские школы. Попробуешь приложить руку к «искусственному развитию еврейского школьного образования» — получишь по первое число. Теперь мы, еврейские культурные деятели, боялись этого греха больше смерти, ведь он назывался

«еврейский шовинизм» — пятно, от которого уже ничем не отмоешься.

Теперь на специально организованных собраниях родителей, которым надо было записать детей в первый класс, мы говорили так: «Приемные комиссии часто искажали национальную политику партии, пытаясь принудить родителей отдавать детей в еврейскую школу. Больше такого не повторится. Партия будет строго наказывать виновных».

Пусть читатель обратит внимание, что каялись и били себя в грудь те самые деятели, которые недавно от имени партии проповедовали и делали прямо противоположное. Думаю, читатель сам понимает: хорошо же мы выглядели в глазах тех, к кому обращались...

И пресса, особенно еврейская, всё чаще и чаще освещала случаи «антипартийной» принудительной идишизации. Цитируя Ленина и Сталина, доказывали, что «в теории и практике еврейской школы преобладает националистическая тенденция принудительной идишизации», что «это было диким искажением», что «для социализма это совершенно не нужно, и подобная шовинистическая практика *вредна* для диктатуры пролетариата». Перечитайте, пожалуйста, последние четыре слова еще раз: «Вредна для диктатуры пролетариата...» Ни больше ни меньше!

И вот естественный результат! Во многих годах ми формировавшихся еврейских детских садах и школах младшие группы и классы, то есть только что поступившие дети, начинают обучаться на русском языке. И только в старших классах уроки ведутся, как раньше, на идише.

Но сколько это будет продолжаться? Нетрудно сосчитать: пока старшекласники, которые еще учатся на иди-

ше, не окончат школу. То есть через несколько лет школы, в которой сегодня преподают по-русски только в одном первом классе, постепенно превратится в русскую. Еврейские детские сады, в которых сегодня одна-единственная русская группа, не позднее чем через два-три года превратятся в естественный резерв для русских первых классов вчерашней еврейской школы.

Точно такой же процесс деидишизации идет и будет идти дальше в еврейских яслях, которые в большом количестве существуют не только при кооперативах кустарей, но и при еврейских фабриках и даже домовых комитетах. Ясли будут поставлять детей исключительно в русские младшие группы еврейских детских садов. Что это значит, даже объяснять не буду, и так понятно.

У нас в Киеве всё это очень рано и совершенно отчетливо проявилось в яслях, детских садах и школах № 25, № 30, № 60 и даже на еврейском Подоле — в средней школе № 9.

Из провинциальных городов всё чаще приходили известия о скандалах: родители устраивали их, даже когда им только казалось, что приемная комиссия хочет повлиять на их выбор.

Почти все мои товарищи переживали тогда тяжелый нравственный кризис. Ходили в расстроенных чувствах и боялись... сделать очевидный вывод. Однако уже никто не сомневался, что время не на нашей стороне, потому что такова воля партии и потому что партия делает вид, что интересы родителей совпадают с ее интересами. Постепенно нашим затуманенным мозгам стало ясно, что в итоге вся ее национальная политика направлена против национальных интересов советских евреев; что советская еврейская школа умирает: систематически вырыва-

ют один корень за другим. Уже в начале второй половины тридцатых годов началась ликвидация советских еврейских научно-исследовательских институтов. Каждый год искусственным путем закрывается то еврейский детский сад, то школа, то профтехучилище, клуб, театр и так далее, и так далее.

И их уничтожению активно помогает часть советских евреев, в том числе и мы сами, потому что мы, как всегда, послушно выполняем лицемерный приказ партии, как подобает дисциплинированным большевикам... Целая плеяда еврейских учителей ищет работу в нееврейских учебных заведениях, куда их, как правило, берут очень неохотно, а те, кто недостаточно хорошо владеет государственным языком, вынуждены переквалифицироваться, получать другую профессию.

Тут хочется немного забежать вперед и сказать, что печальный конец не заставил себя ждать: когда началась Вторая мировая война, сеть еврейских образовательных и культурных учреждений была уже очень редка, а многие ее руководители были сосланы в лагерь, и мало кто вернулся домой.

Конец оказался еще ужаснее, чем могла тогда нарисовать наша фантазия. Когда мы, мой муж Нисен и я, в 1958-м покинули Советский Союз, там уже не существовало ни одной еврейской культурной организации, и не то что ни одно произведение — ни одна еврейская буква не могла быть напечатана.

Но давайте вернемся в те годы, о которых идет речь в этой главе.



Наверно, сейчас самое время сказать: сколько я пишу эти воспоминания о своем участии в советско-еврейском культурном строительстве, столько боюсь, как бы читатель, узнавая о нашей деятельности, не подумал, что я пытаюсь обелить себя и таких, как я.

Нет, не пытаюсь. Глупо было бы так изображать тогдашнюю действительность: с одной стороны — какие-то высокие, недостижимые инстанции, ЦК партии и НКВД, виновные во всех преступлениях против советских евреев, а с другой стороны — мы, партийные и беспартийные труженики из еврейского квартала, невинные овечки, чуть ли не жертвы, против воли выполнявшие приказы сверху.

На самом деле мы все без исключения делали одно и то же. Сначала, в первые годы, осуществляли искусственную экспансию идишизации среди значительной части населения, которая этого не хотела. Потом, когда партия сказала «Стоп!», так же послушно начали проводить новую линию — уничтожать разветвленную сеть образовательных учреждений, которые в значительной мере уже укоренились в еврейской среде и могли бы дальше развиваться при надлежащей поддержке ЦК партии.

И пусть мы разрушали неохотно, с болью в сердце, но факт, что мы даже не пытались сопротивляться. Собственными руками мы послушно уничтожили всё, что построили с таким энтузиазмом, с такой самоотверженностью.

Точно так же, как раньше, послушно, но с радостью мы карабкались в гору, теперь мы, правда, с тяжелым

сердцем, со всех ног бежали вниз, всё глубже в пропасть.

Выше я уже говорила: не так уж и трудно прийти к выводу, что иначе и быть не могло, ведь мы были воспитаны лицемерной системой, которую создала коммунистическая партия. Ни намека на бунт! Я не знаю ни одного случая, чтобы кто-нибудь добровольно положил партбилет на стол. Лишь несколько самоубийств сверкнули, как искры в темном небе, над нашей толпой еврейско-советских культурных деятелей, добровольно давших себя поработить. Сейчас, когда я смотрю издали на себя и своих товарищей, я вижу еще кое-что: даже тогда, «во время расцвета советско-еврейской культуры», мы фактически были не только трусами, но и трагическими фигурами, которые делали вид, что они абсолютно счастливы. Причем мы притворялись не только перед еврейскими врагами по ту сторону западной границы, но и перед своим еврейским населением. Более того, мы притворялись даже друг перед другом, если тот, другой, не был проверенным, надежным товарищем, с которым можно не боясь вести крамольные разговоры.

Я не пытаюсь разжалобить читателя. Это было бы смешно и глупо. Я только хочу заявить, что даже самые порядочные, достойные люди, вступив в компартию, очень часто начинали проповедовать не то, что думали. Проще говоря — лгать. Некоторые глгали во имя великого идеала, в который всё еще верили. Другие — во имя большевистского тезиса, что цель оправдывает средства. Третьи — опасаясь за свою жизнь и жизнь близких. Были и те, кто не хотел потерять теплое место.

Но партия считала, что мы еще не сыграли свою роль до конца. Мы были нужны партии, и она бросила нам новую косточку, имя которой — *Биробиджан*.

Националистические рецидивы и наивные фантазии

О своей жизни в Еврейской автономной области я рассказываю сейчас с тяжелым чувством. И чтобы на душе стало легче, я обращаю взор к своим товарищам, для которых тогда сверкнул луч надежды: Биробиджан! С теплом вспоминаю те считанные годы, когда большинство из нас было очаровано «двумя Б» (ББ — Биробиджан), «заразилось микробом ББ», как мы в шутку о себе говорили. В своих предыдущих работах я рассказывала, что перед тем как переметнуться в коммунистический лагерь, большинство деятелей советско-еврейской культуры состояло в «Бунде» и еврейских территориалистических партиях — «Поалей-Цион» и «Фарейникте», и что в последней состояла и я. И теперь я расскажу о нашей величайшей радости: шутка ли сказать, *еврейское* государство! И какое! *Пролетарское* еврейское государство! *Социалистическое* еврейское государство! Осуществляется наша давняя мечта, наш идеал! Неспроста мы перешептывались: что тут, собственно, происходит? А происходило вот что: большевистская партия выполняла лучшую из наших старых программ, делала то, о чем мечтали и за что боролись пролетарские сионисты и территориалисты, ни больше ни меньше... Именно компартия создавала то, что ненавидела, и потом, придя к власти, уничтожала огнем и мечом, отправляя людей в тюрьмы и лагерь! Но ей — всемогущей коммунистической партии — пришлось открыто признать, что правы были они — «контрреволюционные еврейские партии». Значит, так тому и быть!

Пусть и ей, и нам, советским евреям, это пойдет на пользу. В добрый час!

До того как мы увлеклись «витамином В-2», меньше всего, даже между собой, мы говорили о нашем «грешном» прошлом... Слишком дорого мы за него заплатили. Но теперь? Только посмотрите: не успели оглянуться, как то, о чем мы несколько лет молчали, стало ежедневным содержанием наших тихих-тихих бесед. Кто-то даже робко попытался взбунтоваться. «Партия осуществляет программу “Поалей-Цион”», — повторяют, якобы в шутку, Александр Заблудовский и Хаим Шиф (оба — бывшие поалей-ционисты). «Партия воплощает на практике теорию территориалистической партии, — возражаю я. И тут же спохватываюсь: — Эстер, ты серьезно?» И не могу сказать, что я сама немного не шокирована своими мыслями...

Но прекраснее всего тот факт, что обещанный Биробиджан освежил — незаметно для нас самих — забытое чувство близости между поалей-ционистами и территориалистами. Какое-то тихое, не называемое по имени общее дело теперь объединило нас, доброе общее дело, глубоко запрятанное от посторонних. И еще кое-что: мы почувствовали себя настоящими родственниками на празднике освобождения, которое компартия несет советским евреям и — кто знает? — может, и угнетенным еврейским труженикам всего мира? Ведь неслучайно в выступлениях главы правительства Михаила Ивановича Калинина, в речах и статьях руководителей ОЗЕТа и КомЗЕТа всё чаще и чаще звучал лозунг, что Биробиджан должен стать домом для трудящихся евреев из-за границы...

В том, что неожиданная, еретическая точка зрения Калинина продиктована с самого верха, лично Иосифом Виссарионовичем Сталиным, никто даже не сомневался!



Наш энтузиазм и вера в реальность Биробиджана основывались на почти невероятных фактах: крупные фигуры, великие еврейские писатели из-за границы, которые до тех пор оставались противниками советского режима или были к нему равнодушны — Хаим Житловский, Йосеф Чернихов, Залман Рейзен, Шолом Аш и многие другие, даже видные сионистские деятели, как, например, Рувен Брайнин, заявляли о своих симпатиях к Еврейской автономной области и готовности помочь с реализацией этого исторического проекта.

А когда до нас доходили известия, что в крупнейших еврейских центрах капиталистических стран постепенно создаются под разными названиями общества, которые собираются помогать переселению в Биробиджан, и даже с собственными периодическими изданиями, у нас голова начинала идти кругом: ведь мы становимся чем-то вроде центра мирового еврейского движения по созданию еврейской коммунистической родины!

Сейчас это звучит смешно, как горькая шутка. Но такими политическими мудрецами мы были...

О том, что в капиталистических странах действуют пробиробиджанские общества, советские евреи узнавали из новостей, иногда появлявшихся в советской еврейской прессе. С 1927 года издание «Трибуна» стало важным источником сведений о таких иностранных организациях, и только некоторые избранные деятели, получившие особое разрешение, имели доступ к архиву мировой еврейской прессы при Киевском институте еврейской пролетарской культуры. Там мы черпали эти сведения напрямую из строго запрещенной иностранной периодики. (Какой белой вороной этот архив был в запертой за семью печатями Советской России, я рассказала во втором томе своей книги «На путях и перепутьях»).

Те, кто жил тогда за рубежом, в свободных странах, больше знают об этих пробиробиджанских обществах и их деятельности, чем знали мы за железным занавесом. Кстати, я сама многое узнала, только когда оказалась далеко от Советского Союза.

Но для тех, кто не знаком с этим движением, наверно, стоит подбросить немного информации, которая даст о нем определенное представление. Мы знали, что в Соединенных Штатах и Канаде существуют общества «Икор»

חודש־ישראל. ארויטע
 געבן פון דער נאצ. עק
 זעקסטווע פון "איִקאר".
 געעלשטעס צו העלפן
 דער אידישער קאלאניזאצ
 ציע אין סאוועט־פארבאנד.

"איִקאר"

Icor A Magazine published every month (except August) by
 the ICOR, Association for Jewish Colonization in the
 Soviet Union, at 799 B'way, N. Y., N. Y. Tel. Stuy. 0867
 Entered as second class matter May 14, 1930, at the post office
 of New York, N. Y., under the Act of March 3, 1879.

Subscription, 50 cents per year

Single Copy, 5 Cents

VOL. V—No. 11 (39)—December, 1932.



פרייו 5 סענט.

ניו יארק, דעצעמבער, 1932.

איין דעם נומער :

אונזערע כאַליקע אויפֿ
 נאָבן.

מ. ראַשקעס

לענינגראַדער און באַסק
 ווער אַרבעטער רוסן בירגֿ
 בידזשאַן צו נייע נאַחזונט.

אַפּעניער בריוו פון בעלֿ
 גיישע איבערוואַנדערער.

דער סֿיאַריקער יוביליי
 פון קאלינינגראַד.

סערגעו ראַדאָמסקי.
 דער סאַוועטן פאַרבאַנד
 מיימיטע דעם אַנטיסעֿ
 מיטיזם.

ביראָבידזשאַנער נייע.

איין דער איִקאר באַוועֿ
 גונג.

ענגלישע אַפּטיילונג.

איִקאר \$50,000 סאַנע
БИРОБИДЖАНСТРОЙ
פיראָ-בידזשאַן בוי
סערטיפיקאַט
 ON THE OCCASION OF THE
 FIFTH ANNIVERSARY
 OF BIRO-BIDJAN
 the holder of this certificate
 M. _____
 has contributed the sum of: _____ dollars
 to the ICOR for the building of
 the JEWISH AUTONOMOUS
 SOCIALIST SOVIET REPUBLIC
 IN BIRO-BIDJAN, U.S.S.R.
 S. Shmagin
 Secretary

יעדער פריינד פון
 דער אידישער קאָ
 לאַניזאַציע אין סאָ
 וועטן פאַרבאַנד מוז
 קויפן אזא סערטיפֿ
 פיקאַט!

הערפֿט שאַפן 50,000 דאָלאַר פאַר מאַשינען און אינסטרומענטן פאַר די
 אידישע פיאַנערן אין ביראָ-בידזשאַן!

Страница журнала «Икор» №11 1932 г.

Фото предоставлено

и «Амбиджан», и так же называются их периодические издания. В Аргентине и Уругвае — «Прокор», их журнал — «Найвелт». Бразильское общество называлось «Бразкор» и регулярно выпускало одноименный бюллетень. Мы знали, что даже в далекой Африке, в Австралии и в Палестине существуют организации под названием «Гезэрд» со своей периодикой.

О польской организации «Агройд» и ее издании «Ибербой» я рассказываю в конце этой книги, в главе «Нищий».

В Латвии несколько лет существовал «Омек» с его изданием «Найэрд». Изданием фактически руководили доктор М. Шац-Анин и мой муж Нисен Розенталь (Бен-Дов), пока он не уехал из Латвии и не поселился в Биробиджане. В Латвии он подписывался литературным псевдонимом Р-н. *Официальными* же редакторами могли быть только люди, политически «кошерные» с точки зрения латвийской полиции. Во Франции и Бельгии общества назывались «Гезэрд», и их ежемесячный журнал назывался «Гезэрд-трибунэ». Даже в Швеции и Дании действовали пробиробиджанские общества. И в Германии до прихода нацистов существовало пробиробиджанское общество со своей газетой. Некоторые из этих обществ были организованы еще до того, как советская власть заявила о биробиджанском проекте, и успели собрать средства в помощь советских еврейских земледельческих районов на Южной Украине и в Крыму. В это время туда из Палестины даже прибыла группа коммунистов-переселенцев. К этому событию я не имела прямого отношения.

Потом, когда я стала жителем Биробиджана, мы, переселенцы из-за границы, с ностальгией рассказывали о

самоотверженной работе пробиробиджанских обществ в тех странах, откуда мы приехали.

Если бы я услышала эти рассказы немного раньше, в Киеве, они доставили бы мне и моим товарищам огромную радость. Но теперь? В биробиджанской действительности?..

Но не будем забегать вперед. Я напишу об этом позже, в более подходящем месте.



Величайшую радость нам доставила сенсационная новость, что в Биробиджан прибыло два с половиной десятка переселенцев из Палестины. Пресса только об этом и писала. Рассказы о помпезной встрече, которую КомЗЕТ и ОЗЕТ устроили этой группе в московском еврейском клубе «Коммунист», у нас в Киеве передавали из уст в уста. Речи против контрреволюционного сионизма, причем произнесенные не советскими руководителями, а приезжими палестинцами, цитировали наизусть.

Киевского активиста, который в Москве с огромным трудом пробрался на эту встречу, мы засыпали вопросами: как они выглядят, палестинские евреи? Какие чувства они у вас вызвали?

Кто никогда не жил в герметично закрытом Советском Союзе, наверно, никогда не поймет, как его граждане изголодались по общению с иностранцами. Потом, в Биробиджане, встречи переселенцев из-за границы уже не становились такой сенсацией.



И мы совсем забыли или сделали вид, что забыли, что наша величайшая надежда — сделать Биробиджан родным домом и для еврейских переселенцев из-за границы — противоречит коммунистическому тезису, что единого еврейского народа не существует, а также противоречит утверждениям евсеков, что советские евреи не имеют никакого отношения к евреям, живущим в капиталистических странах.

Кстати, а ведь наша надежда основывалась на выступлениях, устных и письменных, авторитетных государственных деятелей и официальном решении властей пустить иностранцев в Еврейскую автономную область.

Более того, это факт, что КомЗЕТ и ОЗЕТ отправляли за границу специальных посланников (например, Михозла Рашкеса в Литву) вербовать переселенцев для Биробиджана.



И тут я должна добавить, что меньше всего мы думали о том, как еврейскую культурную работу там, на еврейской земле, сделать по содержанию более национальной, чем та, которая ведется в центре коммунистической страны.

Другими словами, мы видели в Биробиджане еврейское коммунистическое государство, где точь-в-точь как здесь, в центре Советского Союза, будет строжайше запрещено соблюдать еврейские религиозные обычаи и

даже справлять национальные праздники, такие как Ханука и Пурим. Точно так же для нас было очевидно, что там будет считаться контрреволюционным шовинизмом любая попытка воспитывать молодое поколение на древнем духовном наследии еврейского народа, что в воспитании не будет ни малейшей связи с нашим богатым прошлым.

Как видели национальное будущее Биробиджана его другие горячие сторонники, я не знаю. Наверняка были такие, кто тихо мечтал, что Еврейская автономная область со временем превратится в истинно национальную еврейскую страну. Но в советской действительности такая мечта — не более чем утопия, о которой даже заикаться не стоит.



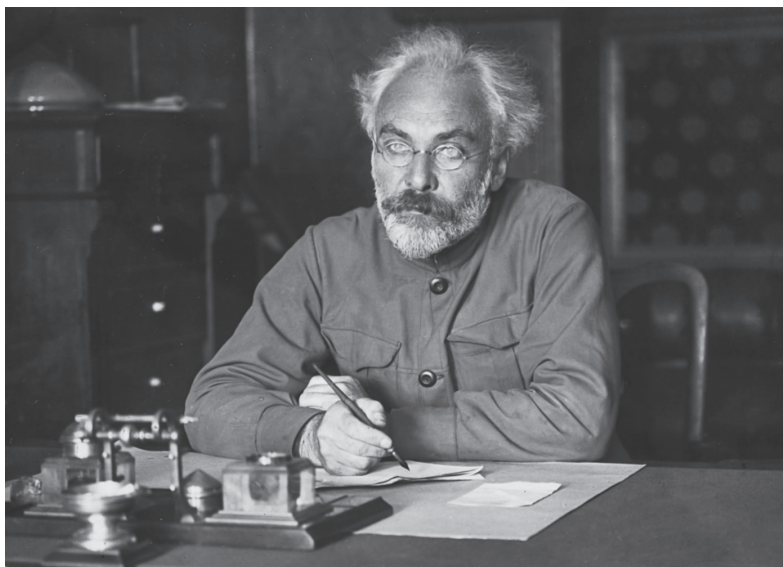
И еще я должна сказать, что официальный призыв и наша бурная агитация переселяться в Биробиджан совпали с окончательной ликвидацией партии «Поалей-Цион» — тайными массовыми арестами ее руководителей и рядовых членов и жестоким истреблением молодежи из организации «Гехалуц». И также нужно добавить, что и у нас в Киеве, и в других городах по всем еврейским клубам тогда проводились массовые антисионистские митинги. Полистайте прессу того времени, и вы увидите: в одном и том же номере любой ежедневной газеты (харьковской «Штерн», московской «Дер эмес», минской «Октябэр») друг за другом идут статьи, восхваляющие переселение в Биробиджан, пламенные обличения «контрреволюционного сионизма» и кое-как состряпанные «открытые письма» напуганных ребят из «Гехалуц»,

которые не успели сбежать и теперь «выступают против этой шовинистической организации и клянутся верой и правдой служить коммунистическому молодежному движению». Именно тогда с особой жестокостью стали преследовать родителей, чьим детям удалось в 1924 году уехать с известной крымской «Гахшарой» в Палестину.

И хотя излюбленными методами НКВД были аресты и садистские допросы не только арестованных, но и просто «подозреваемых», проходившие под покровом ночи, эти «преступления» ни для кого не являлись секретом, в том числе и для нас. Так мы, горячие сторонники Биробиджана, косвенно, не желая того, *объективно* способствовали преступлениям, которые советская власть систематически совершала по отношению к советским евреям, о которых мы совершенно искренне заботились.



Уже в 1926 году на Первом Всесоюзном съезде ОЗЕТа Калинин официально заявил, что в ближайшем будущем компартия хочет короновать всё еврейское землеустройство, проводимое советской властью: надо *где-нибудь* организовать автономную еврейскую территориальную государственную единицу. С той поры мои товарищи гораздо чаще стали наведываться в национальные еврейские районы Южной Украины и Северного Крыма. Мы ездили туда, потому что видели в них *прелюдию* великого исторического события, которое вскоре должно произойти: партия подарит нам еврейское социалистическое государство с цветущей еврейской культурой, которое превратит советское еврейство в нормальный народ, такой же, как остальные народы огромного Советского Союза.



Петр Германович Смидович

wikipedia.org

Скептиков, людей поумнее нас, среди советских евреев было немало. Они и раньше не восхищались средствами, которые советская власть применяла для решения еврейского вопроса, и теперь не поверили в идею Биробиджана. Опять же, те, кто стремился к ассимиляции, этой проблемой вообще не интересовались. Но благодаря идее Биробиджана советская власть завоевала симпатии многих так называемых попутчиков — еврейской интеллигенции, которую держали в резерве для проведения всяких новшеств в еврейской среде.

Тут я должна оговориться: я рассказываю не о дискуссии, которая уже тогда началась между различными группами деятелей еврейской культуры вокруг этой проблемы. Это тема отдельного исторического исследования. Я описываю только то, в чем участвовала я сама и мои товарищи.

С колоссальным интересом мы следили за результатами научной экспедиции, которая в 1927-м исследовала удаленный район вокруг станции Тихонькой (будущего Биробиджана) на Дальнем Востоке. Экспедицию организовал КомЗЕТ — Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР. Это государственное учреждение было создано 29 августа 1924 года. Его цель — организовать еврейские сельскохозяйственные поселения. Отделения КомЗЕТа существовали во всех советских республиках с большим еврейским населением. Председателем КомЗЕТа стал Петр Германович Смидович, известный своим добрым отношением к еврейскому народу. Отчеты и выводы, сделанные экспедицией, что район Тихонькой лучше, чем другие исследованные территории, подходит для массовой еврейской колонизации, были для нас недостаточно ясны. Мы хотели узнать больше подробностей, особенно о природных богатствах исследованной местности. Недостающие сведения мы получали из оживленной переписки, которую от имени Института еврейской культуры вели с руководителями экспедиции: профессором Л. Бруком и академиком Вильямсом из Тимирязевской академии. Письма подписывает Иосиф Либерберг, он ведь официальное лицо, директор Института. Он просит у них как можно больше данных о природных богатствах исследованного района, потому что мы хотим знать мнение ученых о возможностях превратить будущее еврейское государство в промышленный центр. У нас к ним претензии, почему они так мало говорят об этом в своем отчете. «Что они себе думают? Это же глупость — пытаться сделать из нас исключительно земледельческий народ!»



Председатель-облисполкома Иосиф Либерберг

Харьковский альбом

Мы изучаем старые и новые географические и геологические карты Дальнего Востока. Но рекорды бьют Либерберг и Борух Губерман. Их личные библиотеки постепенно пополняются каждым печатным словом, даже художественными произведениями о Дальнем Востоке. Но в це-

лом картина неясна, потому что Дальний Восток, в том числе район Тихонькой, тогда был очень мало изучен.

Весной 1928-го в Киев приходит весть, что правительство постановило исследованный район Тихонькой заселить евреями, и именно там в ближайшем будущем родится еврейская автономная административно-территориальная единица.

В тот вечер мы вихрем носились по городу, бегали друг к другу: очень хотелось поделиться великой радостью с теми, кому невозможно было рассказать о будущем историческом событии по телефону. (Мало у кого из нас в то время был домашний телефон.) Взволнованные, разговаривали до поздней ночи. Дни наполнились новым содержанием. Ведь для нас не только забил свежий источник веры, что мы сможем *сохранить* уже достигнутое, но и открылись радужные перспективы для дальнейшего развития еврейской культурной работы. И это самое главное: мы поверили, что вот-вот настанет день, когда советское еврейство переродится. Даже часть тех, кто скептически относился к «советско-еврейской государственности», была взволнована радикально новым толчком, который партия дает жизни советских евреев.

Нашим спорам и рассуждениям нет конца. Мы не так наивны, чтобы не понимать: конечно, было бы лучше, если бы наше многовековое изгнание закончилось где-нибудь поближе — в европейской части России. Но мы знаем: ни в Белоруссии, ни в Северном Крыму, ни на Украине нет свободных территорий для еврейской автономии. И потом, зачем нам наступать кому-то на пятки? Зачем создавать почву для будущих претензий со стороны украинцев, татар и белорусов, векам живших на своей земле? Мы делаем вывод: действительно, лучше избе-

жать антагонизма, который имеет место между евреями и арабами в Палестине. На пустующие территории советского Дальнего Востока ни у кого не будет исторических притязаний просто потому, что там почти отсутствует население.

Даже скудные сведения, которые наш Институт получил о тамошних природных ресурсах, дают уверенность, что еврейская социалистическая территория будет не только сельскохозяйственной, но станет важным промышленным центром на Дальнем Востоке, в то время как, например, у Крыма на это гораздо меньше шансов. И разве Тихонькую с ее богатыми окрестностями можно сравнивать с палестинской пустыней, за которую проливается еврейская и арабская кровь?

Ну вот и хорошо! Лучше не придумаешь!



Но дальнейшие события особой радости уже не доставляют. До наших горячих голов доходит, что куда проще исследовать землю и восхищаться ее богатствами, чем эти дикие просторы освоить ограниченными средствами, выделенными советской властью, и руками приезжающих туда людей. Колонизация шла ужасно медленно и тяжело. В 1928-м приехало до смешного мало переселенцев — человек шестьсот-семьсот! Уже ни для кого не секрет: городская беднота боится ехать на край света, больше чем за десять тысяч километров от Москвы! Да еще и китайская граница рядом, от Тихонькой какая-то сотня верст...

Боятся евреи и дикой тайги, где на квадратный километр ни одного человека, и где всё население крупней-

шего «города», столицы Тихонькой, насчитывает примерно шестьсот жителей с их ста двадцатью землянками. И кто они, те, с кем местечковым евреям предстоит жить по соседству? Только в конце 1931-го Тихонькую официально переименовывают в Биробиджан, по названиям двух рек, Биры и Биджана, опоясывающих выделенную территорию.

Итак, немного бывших казаков, теперешних земледельцев и таежных охотников, — это понятно. А корейцы? Деклассированный местечковый кандидат в переселенцы прежде в глаза не видел корейцев. А еще гольды и некое племя под названием удэгейцы. Такие ему и во сне присниться не могли. Как с ними поладить, на каком языке разговаривать?

Поэтому в дорогу отправлялись только те, кто помоложе, посильнее, похрабрее, которым на обжитом месте ничего не светило. У большинства из них просто не было выбора. Три раза на дню помирать с голоду, а о том, чтобы найти работу в полуразрушенном местечке, и речи быть не может. Хватало и всякого рода авантюристов.

Вскоре стали приходиться дурные вести: переселенцев пожирает гнус, заливают дожди, которые идут здесь всё лето. Большинство сбегает обратно, в родные края, и на чем свет стоит прокликает Еврейскую область и ее руководство. Их объявляют дезертирами, преследуют милиция и НКВД, население боится иметь с ними дело.

Мы не на шутку встревожены. Хотим точно узнать о причинах провала. При первой возможности Либерберг и Губерман отправляются в окрестные местечки, посещают бывших биробиджанцев. Нужно добиться от них истинной картины. Приветливость Либерберга и Губермана, их простое, дружеское обращение вызывают

доверие у вернувшихся, уменьшают их страх (в Советском Союзе любой незнакомый человек мог оказаться агентом НКВД), и они изливают душу, разумеется, проклиная при этом всё и вся, стараются представить мрачную картину еще более мрачной. Часами оба выслушивают рассказы о том, чего возвращенцы там натерпелись. И все-таки? И все-таки делают вывод, что Тихонькая и ее окрестности — это то, что надо! Что она годится для еврейской колонизации. Там действительно подходящее место для еврейской автономии. Не земля плоха, а люди, которым отдали бразды правления. Их рабочие методы не подходят. И Либерберг, и Губерман глубоко в этом убеждены. И они хотят это доказать. Не вернувшимся, но КомЗЕТу и ОЗЕТу — Обществу по земельному устройству трудящихся евреев в СССР, существующему с 17 января 1925 года. Задача ОЗЕТа была в том, чтобы помогать КомЗЕТу популяризировать среди евреев в стране и за рубежом занятие сельским хозяйством. Правление ОЗЕТа находилось в Москве, отделения существовали почти во всех советских республиках, ячейки — на всех фабриках и во всех учреждениях. Как во всех остальных «добровольных» общественных организациях, в ячейках ОЗЕТа «добровольно» состояло огромное количество членов евреев и неевреев. В 1927-м начало выходить его собственное периодическое издание на русском языке «Трибуна», ликвидированное в 1937-м. в 1938-м НКВД закрыло ОЗЕТ, и почти все его руководители и сотрудники попали в лагеря, и лишь немногие оттуда вернулись.

Из-за претензий, которые Либерберг и Губерман предъявляют КомЗЕТу и ОЗЕТу, в 1928–1930-м часто происходят конфликты на пленумах и заседаниях украинского ОЗЕТа, где они оба состоят. И мы, влюбленные в

Биробиджан, часто являемся туда, иногда даже без приглашения, и высказываем мнение, которое обычно оказывается не по душе руководству обеих организаций.

Чрезвычайно медленный темп переселения и, тем более, отток обратно в местечко вызывают беспокойство. Мы не уверены, что решение правительства не будет отменено из-за того, что колонизация выделенной территории с треском провалилась.



Прошло больше двух лет, пока наконец-то не настал долгожданный час: жарким августовским днем 1930 года провозглашен Еврейский национальный район на Дальнем Востоке, а еще через полтора месяца, в последний день сентября, благополучно объявляется открытым I съезд Советов Еврейского района. Такие же энтузиасты, как мы, с радостью видели: вот уже всходит посеянная рожь в будущей еврейской автономно-территориальной единице. И в первом съезде района мы хотели видеть наш настоящий национальный триумф и хотели, чтобы весь мир понял и почувствовал, как велик этот праздник! В Институте еврейской культуры (недавно созданном на месте кафедры Украинской академии наук) мы устраиваем собрание, приглашаем еврейских и украинских академиков, писателей и партийных руководителей. Настроение приподнятое. Официальная часть закончилась, но гости не хотят расходиться по домам. Проводят время за дружеской беседой о великих перспективах нашей заграничной еврейской автономной территории. Горячее поздравление, которое мы телеграммой послали съезду, дышит радостью и верой.

На всех собраниях, которые в честь этого первого еврейского съезда проводились на крупнейших заводах, в государственных учреждениях, кооперативах и институтах, точно больше никто не обращался к народу с таким пафосом, как мы — бывшие территориалисты и поалейционисты. И читатель, наверно, понимает, что на этих собраниях мы говорили о Биробиджане совсем не то, что втайне говорили между собой, но прямо противоположное: в первую очередь мы восхваляли партию и выносили смертный приговор сионизму и всем направлениям территориализма. Звучало это примерно так: «Сионизм получил от Биробиджана сокрушительный удар... Мы горды, что будущая еврейская страна будет построена не на средства филантропов. В Советском Союзе это государственное дело, такое же, как все государственные дела социалистической многонациональной страны. В капиталистическом мире такая проблема не может быть решена. Ясно, что сионизм обанкротился!.. Биробиджан — это неоспоримый факт, который доказывает, что только в стране победившего социализма можно решить такую грандиозную задачу, как создание государства для народа без территории... Жизнь доказывает, что ни Декларация Бальфура, ни подачи еврейских миллионеров не в силах совершить такое!»

И только покончив с принципиально важной коммунистической риторикой, мы позволяем себе перейти к чисто практическим, организационным вопросам. Теперь мы абсолютно искренни, мы говорим от чистого сердца, с любовью, приблизительно так: «Ни от кого, кроме как от нас самих теперь зависит, чтобы долгожданный час настал как можно скорее! Каждый труженик и каждый интеллигент обязаны впрячься в работу! Давайте дружно за-

сучим рукава и собственными руками совершим историческое чудо: приведем деклассированную еврейскую бедноту к собственному советскому государству!»

Наш энтузиазм передается слушателям, после каждого митинга растет число активистов и членов ОЗЕТа — евреев и неевреев.



Часами мы просиживаем над новой геологической картой природных богатств еврейского района и не перестаем восторгаться. Карта составлена геологической исследовательской организацией «Дальгеострой» по данным ее специальной экспедиции в 1932–1933 гг. Мне кажется, я и сегодня с закрытыми глазами могла бы показать на этой карте, где находятся золотые жилы Сутары, где — чудесные месторождения мрамора и остальные сокровища, пробуждающие фантазию у таких, как я. Ведь теперь всё это принадлежит советским евреям!..

До сих пор в моей памяти остались несколько тяжелых месяцев, которые тянулись для нас, как годы. По ориентировочным планам Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) Биробиджанский еврейский район должны были официально преобразовать в автономную область уже в 1933-м. Мы с огромным нетерпением ждали этого счастливого дня. Прошла осень, подошел к концу 1933 год, но ничего в волнах не видно... Мы изнываем от тоски. Уже 1934-й наступает! Почему всё вдруг затихло? Почему тянут с декретом?! При любой возможности мы пытаемся узнать у сотрудников Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета: может, им что-то известно?

Копия. 5

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДИУМА ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
КОМИТЕТА

О преобразовании Биро-Биджанского района в автономную
Еврейскую национальную область".

Учитывая быстрое хозяйственное развитие Биро-Биджанского района, Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета п о с т а н о в л я е т :

1. Преобразовать Биро-Биджанский район в автономную еврейскую национальную область, с центром в рабочем поселке Биро-Биджане, входящую в состав Дальне-Восточного края.
2. Предоставить автономной Еврейской национальной области все права, установленные действующим законодательством для автономных областей, входящих в состав РСФСР.

и. п. Председатель Всероссийского
Центрального Исполнительного Комитета - М. Калинин

Секретарь Всероссийского
Центрального Исполнительного Комитета - Киселев

Москва, Кремль

7 мая 1934 года

В е р н о :



Постановление Президиума ВЦИК от 7 мая 1934 г.
«О преобразовании Биробиджанского района в автономную
Еврейскую национальную область»

ГАЕАО

И Центральный совет ОЗЕТа тоже будто воды в рот набрал...

Только в мае мы облегченно вздохнули: в декрете от 7 мая 1934 г. черным по белому написано:

«Преобразовать Биробиджанский еврейский национальный район в Еврейскую автономную область в составе Дальневосточного края.

Председатель Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета — Калинин.

Секретарь — Енукидзе».

В октябре 1934-го область уже получает собственный бюджет из Совнаркома. Еврейская область — свершившийся факт!

Для нас наступило прекрасное время: по указу ЦК ВКП(б) не кто иной, как «профессор Иосиф Либерберг назначается председателем оргкомитета Еврейской автономной области». Это значит, что на I съезде Советов Еврейской области он будет «единогласно избран» ее хозяином — председателем исполнительного комитета! Нашей радости нет границ.

Кто мог подумать, что именно на него, на человека, который очень жестко критиковал работу прежнего биробиджанского руководства, будет возложена почетная обязанность стать первым председателем Еврейской автономной области?!

Разве могли даже заклятые враги догадаться, какая беда ждет там его и почти всех, кто туда стремился? Только сам черт мог предвидеть, что мы спешим — добровольно, с энтузиазмом — в заранее заготовленную западню!

Прямо «Тысяча и одна ночь»!

А время не стоит на месте: партия лицемерно создает и создает новые искусственные препятствия для еврейского культурного строительства. И чем больше беспокойства вызывают у нас дальнейшие перспективы работы здесь, в центрах страны, тем больше наш интерес к биробиджанскому проекту и забота о его реализации. Нас интересует любая мелочь, которая происходит там, в далеком еврейском районе. Малейшая победа радует нас, каждая неудача огорчает.

Начало 1932-го. Два года до провозглашения Еврейской автономной области.

Какое-то время мы носимся с таким планом: пусть кто-нибудь, кто в состоянии трезво оценить ситуацию, посетит Биробиджан, побывает там в каждом уголке, увидит своими глазами, что там происходит. Наиболее подходящие люди — Иосиф Либерберг и Борух Губерман: оба занимают высокие посты, оба — прекрасные организаторы.

Профессор Иосиф Либерберг — историк, блестящий ученый, оратор и организатор. Заведующий кафедрой еврейской культуры Всеукраинской академии наук в Киеве, позже — Научно-исследовательского института еврейской культуры. В юности — сионист. Потом — убежденный коммунист. В мае 1934г. по воле Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии избран первым председателем областного избирательного комитета Еврейской автономной области.

Подробнее о его добиробиджанском периоде — в моей книге «На путях и перепутьях», третий том, первая часть.

Борух — так называли Боруха Губермана в широких еврейских и нееврейских культурных кругах — бывший левый поалей-ционист, как и Либерберг. Приехал в Советский Союз из Польши в начале двадцатых. Имел большие заслуги перед коммунистической партией в СССР. Несколько лет служил в разведке Красной Армии на польской территории. Поселился в Биробиджане в начале 1935-го. Потом оба, Либерберг и Губерман, были расстреляны НКВД.

Как сказано выше, мы сейчас говорим о 1932 годе.

Оба кандидата пользовались огромным авторитетом и получили поддержку, но в те годы такая поездка была нелегким делом. От Киева до Биробиджана одиннадцать тысяч километров. Гражданского авиационного сообщения с Дальним Востоком, можно сказать, нет. Надо ехать на поезде. Дорога туда и обратно занимает примерно двадцать два дня, даже если ехать на международном экспрессе «Париж — Варшава — Москва — Владивосток — Пекин», и стоит бешеных денег. В конце концов мы собрали средства в ОЗЕТе, Институте, Академии и еще где только смогли. И в 1932-м удалось предпринять долгожданное путешествие. Губерман и Либерберг все-таки поехали в Биробиджан.

Думаю, в большом актовом зале Всеукраинской академии никогда не царил такое приподнятое настроение, как на собрании, где Либерберг и Губерман отчитывались, что видели и делали в Биробиджане.

Затаив дыхание, мы слушаем их рассказы о заседаниях, которые они там провели почти со всеми руководителями района, и о их выступлениях на массовых митингах, на которые приходило почти всё городское население и часами стояло под открытым небом, прислушива-



Тайга

Харьковский альбом

ясь к спорам, которые Либерберг и Борух вели с некоторыми руководителями области.

Посланники вернулись, очарованные бескрайними просторами еврейского района, ведь его площадь — свыше семидесяти тысяч квадратных километров, больше, чем Бельгии, Голландии и Люксембурга вместе взятых, с их 18-миллионным населением.

Они с восторгом рассказывают, как посещали Биробиджанскую сельскохозяйственную опытную станцию. Там они видели собственными глазами, как на тучной биробиджанской земле произрастают всевозможные культуры, от тех, что цветут только в жарком климате, до тех, которые растут только на холодном севере.

Хотя мы знаем об этом из отчетов, которые собираем уже не один год, мы засыпаем посланников вопросами:

«А помидоры растут на опытной станции? А арбузы там еще не пробовали культивировать?» Даже скептически настроенные сидят и слушают с открытыми ртами.

Посланники не могут нахвалиться богатейшими водными ресурсами Биробиджана. Засуха там абсолютно исключена. А какие там леса! Они занимают шестьдесят процентов площади, это девять миллионов гектаров. Оба посланника провели несколько дней в дикой, девственной тайге. Погостили у гольдов, а также у корейских и тунгусских старожилов-охотников. Побывали там, где не ступала нога человека...

Вековые кедры, ели, пробковые деревья, гигантские сосны и липы — благословение еврейской страны. Они гарантируют быстрое и дешевое строительство предприятий и домов для переселенцев, а кроме того — доходы от экспорта ценной древесины, который может принести миллионы. А охота на редкого таежного зверя даст возможность экспортировать меха, которые стоят дороже золота.

Слушатели стараются не пропустить ни слова, когда Либерберг и Борух рассказывают, как они со старожилами-рыбаками плыли по великой реке Амур. Эта одна из крупнейших рек мира ждет, чтобы на ней организовали механизированную рыбную ловлю, ведь амурская рыба может прокормить весь Дальний Восток. Амур ждет, когда еврейские переселенцы пустят по нему пароходы и построят на нем мощные гидроэлектростанции.

Народ слушает как зачарованный. Прямо «Тысяча и одна ночь»!

Когда Либерберг и Борух начинают описывать сокровища, скрытые в недрах биробиджанской земли, мы ясно



Золото-есть

Харьковский альбом

видим дым, поднимающийся над трубами металлургических заводов, и снопы искр из мартеновских печей заграничного еврейского социалистического государства...

И сердце наполняется радостью. Шутка ли сказать! Последняя научная экспедиция доказала: горный хребет Малый Хинган хранит в себе полмиллиарда тонн железной руды! Несколько миллиардов тонн высокосортной извести! Мрамор высшего качества, причем редких сортов (его вывозят украшать дворцы Кремля и метро, которое начали строить в Москве). А золотые жилы! Они тянутся от реки Сутары аж до Амура... А колоссальные запасы графита и магнезита! Всё это дремлет до поры в земле Биробиджана и ждет наших еврейских рук!

В общем, именно на Дальнем Востоке — счастливая судьба советских евреев. Нужны только еврейские рабо-

чие руки, еврейские мозги и еврейская инициатива, помноженные на советский патриотизм, и советское много-миллионное еврейство станет таким же народом, как все остальные!..

Пятна на солнце

Наши посланники не замалчивают и недостатков Биробиджана. На солнце тоже есть пятна, хотя оно так ярко светит...

И какие же пятна есть на нашем биробиджанском солнце? Летом неделями льют дожди, а гнус жрет людей и скот до крови. Ничего, гнус исчезнет, когда разрастутся города и поселки. А дождь? Наоборот, это же благо для урожая! Зимой температура достигает сорока-пятидесяти градусов мороза! Да, это правда. Но мороз мягкий, ветра почти нет, а яркое восточное солнце сияет почти всю зиму, в середине дня можно загорать, как на пляже...

Большую часть площади занимают болота. Но мы осушим их и превратим в цветущие сады, поля и города.

Биробиджан находится ужасно далеко от Европы и крупных советских центров! Зато он расположен прямо на важнейшей транспортной артерии — железной дороге, которая идет из Парижа через Берлин и Варшаву в Москву, а из Москвы во Владивосток и оттуда — аж в Китай и Японию... Уже сегодня поезда останавливаются на сонной станции Тихонькой. Правда, только на минуту, но недалек тот день, когда Биробиджан благодаря еврейскому труду станет важным железнодорожным узлом мирового значения.

Всякие скептики за рубежом и у нас, в СССР, твердят, что Биробиджан лежит у самой границы с враждебными азиатскими государствами, что еврейское население будет подвергаться опасности и примет на себя первый удар! И это как раз нравится многим сторонникам Биробиджана: советская власть и партия оказывают нам, евреям, большое доверие. Они доверяют нам, проверенным еврейским патриотам, быть форпостом на Дальнем Востоке. И мы оправдаем доверие. Нашу готовность в первых рядах защищать социалистическую Родину от любого агрессора мы уже доказали в Гражданскую войну. Да и вообще, что нам бояться каких-то врагов? Ведь во всем мире нет такой силы, которая может противостоять нашей могучей защитнице — славной Красной Армии. Но лучший способ избежать интервенции наших дальневосточных врагов — это густо заселить приграничные районы верными советскими гражданами.

Итак, нам, советским евреям, предстоит решить одновременно две важные задачи: возродить еврейскую нацию и укрепить наши дальневосточные границы. С этими двумя заданиями мы должны справиться как можно быстрее. Это обязанность советских евреев.



Но пока задача решается неудовлетворительно, с волнением рассказывают посланники. В Биробиджане почти не заботятся о новоприбывших. Посланники видели, что переселенцы живут в ужасных условиях. Питание хуже некуда. Профессиональные навыки приехавших не применяются как должно. К тому же приезжает много старых и больных, которые становятся обу-

зой... В руководстве района есть люди, которые строят переселенцам бюрократические препятствия. КомЗЕТ и ОЗЕТ бессильны что-либо сделать, и переселенцы в массовом порядке бегут обратно. Хорошо, если половина останется. Колоссальные деньги растрачиваются впустую.

Вывод ясен: так продолжаться не может. Как ни сильно наше радостное возбуждение, беспокойство еще сильнее.

Либерберг и Борух обращаются к высшему партийному руководству и там, на Дальнем Востоке, и здесь, в центре, с меморандумами: переселенцы живут в недопустимых условиях. Кандидатов в переселенцы, пишут они, отбирают неправильно. Агитация ехать в Биробиджан ведется недостаточно серьезно и недостаточно активно. Поэтому и невелико число тех, кто туда едет, но высок процент возвращающихся. Теперь КомЗЕТ и ОЗЕТ должны направить свою деятельность на Биробиджан, но они не делают этого в достаточной мере.

Меморандумы вызвали недовольство как среди биробиджанских руководителей, так и в верхушке КомЗЕТа и ОЗЕТа. После долгих препирательств Мойше Литваков согласился опубликовать в «Дер эмес» статьи, где Либерберг и Губерман, помимо прочего, отмечали, что массовое бегство переселенцев нельзя списывать только на проливные дожди, которые шли всё лето 1932-го. Причина того, что восемьдесят новоприбывших сбежали, — плохая работа районных руководителей. В доказательство приводятся цифры: многие уехали до того, как начались дожди, а двадцать пять процентов возвращенцев приехали туда еще в предыдущие годы. Две статьи надедали немало шуму.

Тогда, в тридцать втором, нам казалось: весь план

строительства Биробиджана получил такой удар, что партия, не дай бог, может и вовсе от него отказаться...

Мы не можем успокоиться: сколько еще переселение будет идти такими медленными темпами? Голос агитатора еще не достиг далеких, заброшенных еврейских местечек, где нужда столь велика, что им буквально угрожает физическое исчезновение. Вести в них разъяснительную работу должны все, и в первую очередь мы, еврейские ученые. Нам беднота поверит.

А теперь представьте себе такую картину: специальное общее собрание в Институте еврейской культуры. На повестке дня только один вопрос — Биробиджан. Либерберг произносит пламенную речь: «Мы обязаны создать новый контингент еврейских переселенцев!» Он так зажигает аудиторию, что вскоре в зале начинают раздаваться голоса: «Давайте вместе включимся в практическую работу! Прямо сейчас!» Со всех сторон доносится: «Запишите меня!» Слышен голос Нохума Штифа: «И меня отправьте!» И еще кто-то, и еще: «Я мобилизуюсь собрать новых переселенцев!»

Мы на целый месяц прерываем исследовательскую работу Института. Делимся на бригады по два человека: один старший, другой младший. И более шестидесяти ученых отправляется по голодным, полумертвым местечкам Украины. Они едут агитировать еврейскую бедноту переселяться в Биробиджан. И чем местечко меньше и дальше от центра, тем больше в нем уважения к ученому посланнику Института.

В памяти всплывает еще одна трогательная картина. Агитаторы уже готовы в путь. Весь персонал, и молодые, и старые, собрались в Институте. Либерберг проводит последний инструктаж. И тут у нас опять возникает воз-

можно убедиться, как велики его знания о Биробиджане — будто он родился там, в дальневосточной тайге. С верой и любовью он еще раз наставляет уезжающих.



Это было в 1932–1933 годах с их ужасными последствиями принудительной коллективизации, от которой еврейская деклассированная местечковая беднота зачастую страдала больше, чем украинская деревня. Мы с Нохумом Штифом поехали в еврейско-украинское местечко Олевск, и даже не знаю, кого из нас — меня, партийную активистку, или его, беспартийного крупного ученого, — сильнее потрясла разруха, которую мы там увидели. Об этой трагикомической поездке я расскажу в другой раз.

Многие кабинетные ученые впервые столкнулись лицом к лицу с печальной действительностью и вернулись, потрясенные увиденным. И теперь никто из них не сидел сложа руки, но все помогали, помогали чем могли.

Но еврейская интеллигенция, даже увлеченная Биробиджаном, психологически еще не была готова туда ехать.

Нелегко расстаться с большим городом, с хорошей должностью и поменять всё это на тяжелые, примитивные бытовые условия. Главное, трудно заставить себя покинуть культурный центр.

Но надо апеллировать к интеллигенции. Либерберг и Губерман снова отправляются в путь.

Люди стремятся на отчетные собрания, которые они устраивают во всех крупных городах Украины. Приходят услышать живой привет из Биробиджана. Интересно

узнать мнение двух таких авторитетных свидетелей. Они обращаются с горячим призывом к еврейской образованной молодежи, к учителям, писателям и ученым: не бойтесь трудностей, добровольно поезжайте строить заветрашнее еврейское государство. Там каждого из вас ждет широкое поле нужной и интересной деятельности. В Биробиджане для любого еврейского интеллигента открываются прекрасные возможности, есть где проявить инициативу. Там не хватает высококвалифицированных деятелей культуры, недостает учителей и агрономов, в больнице мало врачей, а в некоторых поселках нет даже медсестер. Газетам нужны журналисты, нет экономистов и бухгалтеров...

Горячие призывы находят соответствующий отклик. Абитуриенты, только что окончившие аспирантуру нашего Института еврейской культуры, отправляются в Биробиджан. Едет дипломированная интеллигенция из Харькова, Одессы и Киева. Поселяются там и абитуриенты еврейского отделения Второго московского университета, молодые писатели и учителя.

Мои товарищи добровольно покидают насиженные места, оставляют хорошие должности, берут жен и детей, пакуют самые необходимые вещи и спешат, спешат туда: Борух Губерман с женой — врачом Региной Розенблюм; Александр Заблудовский; Хаим Шиф с женой Шифрой — квалифицированной учительницей начальных классов; И. Элиович с русской женой — врачом; Исроэл Рабинович с педагогом Дворкиной; Носен Корман, Биньёмин Гольдфайн, семейная пара Хаим и Ривка Гусовские — он экономист, она библиотекарь; из Харькова — Мойше Левитан, брат Михла Левитана, с женой, опытным врачом; И. Квитный, автор этих строк и другие. Еще раньше нас

— Генех Казакевич с семьей, немного позже — Бузи Гольденберг и другие. Остальные готовились в путь: ждали от нас вестей оттуда. Ведь мы поехали с надеждой создать им хотя бы минимальные условия для научной работы.

Мы радуемся, потому что уверены: их приезд будет иметь для Биробиджана большое значение. Ведь это живой поток энергичных, высококвалифицированных молодых людей, который взбодрит там провинциальную культурную жизнь. Они будут руководить образованием, театром, прессой, библиотеками, техникумами, радио и придавать культурной работе новый, столичный стиль и широкий размах.

О боже, как же мы ошибались! О, как быстро, как скоро испарилась глупая надежда, прямо там, в Биробиджане... Именно там, в «национальной» еврейской области, свалились шоры, которые так долго и крепко держались на наших партийных глазах...

Секция биробиджановедения

Наше глубочайшее убеждение: в будущем Биробиджан должен превратиться в крупнейший центр советско-еврейской культуры, и наш Институт еврейской культуры при Всеукраинской академии наук обязан непосредственно этому способствовать. А значит, в Институте надо создать специальное отделение, единственная задача которого — помогать преобразованию Биробиджана в крупный культурный центр.

Так как Биробиджан находится не на Украине, а в РСФСР, прежде всего нужно получить от украинских властей официальное разрешение открыть учреждение, которое будет работать не для Украины, но исключи-

тельно для другой республики. Необходимы огромные суммы, необходимо найти подходящих людей, которые захотят и смогут заниматься такой работой.

От имени президиума Института разрабатывается проект создания при Институте специальной «секции биробиджановедения». Здесь не место перечислять все трудности, с которыми мы столкнулись. В конце концов добились не только одобрения, но и определенной материальной помощи. Официально секция начинает работать в феврале 1934-го, но и до официального открытия она существовала и делала немало. Руководить секцией приглашен известный знаток Биробиджана, который уже давно там живет, — М. Кадышевич, автор ряда работ о Биробиджане.

Цели, поставленные перед секцией, сформулированы так:

1) Собирать старые и новые документы о еврейском районе на Дальнем Востоке, чтобы создать базу для ученых, которые в будущем станут изучать историю еврейского советского государства.

2) Организовать дальнейшие исследования природных богатств Биробиджана, к чему привлечь соответствующие научные ведомства.

3) Помочь организовать постоянную научную работу в самом Биробиджане, чтобы подготовить там почву для создания самостоятельного исследовательского института. (Уже в 1932 г. Либерберг поднимает вопрос об организации в Биробиджане еврейского отделения при дальневосточном филиале Академии наук СССР.)

4) Подготовить ученых и лекторов для Биробиджана, для чего создать в секции специальную аспирантуру.

Институт заключает договор с Биробиджанским райисполкомом, по которому последний выделяет стипендии

группе аспирантов (историков, педагогов и экономистов), — после аспирантуры они будут обязаны отработать в Биробиджане не менее трех лет. Всесоюзный ОЗЕТ тоже материально поддерживает нашу секцию биробиджановедения. Группа ученых и аспирантов всерьез увлечена своим новым, важным делом. Но не только они — все мы влюблены в эту секцию. Ни одна секция так не привлекает ученых и аспирантов, как биробиджанская. На ее семинары приходят даже те, чья область очень далека от специфического вопроса, которым там занимаются.

Вот что сделало волшебное слово «Биробиджан»: мы и оглянуться не успели, как стали знатоками его географии, природных ресурсов, населения и т. д.

За относительно короткое время секция связалась со всеми советскими учреждениями, исследовавшими Дальний Восток, и получила от них множество материалов: результаты геологических экспедиций и почти всех исследований, которые когда-либо проводились, даже в царское время. Всё бережно собирали и постепенно обрабатывали. Секция становится центральным хранилищем материалов и документов, до сих пор разбросанных по всей стране, по разным учреждениям и почти не обработанных, зачастую похороненных в пыльных архивах. Секции симпатизируют видные нееврейские исследователи Дальнего Востока, сотрудничают с ее изданиями, помогают подготовить книгу о природных ресурсах Биробиджана. Вносит вклад и Ленинградская публичная библиотека: вместе с нашей секцией подготавливает первое библиографическое собрание литературы о Биробиджане на разных языках. К печати готовы два сборника, показывающих историческое развитие Биробиджана и переселение туда в разные времена.



Президиум Института еврейской пролетарской культуры.
Октябрь 1934 года

Директор Института Либерберг придает работе секции широкий, истинно либерберговский, размах. Остается душой и сердцем секции даже тогда, когда он, тридцатипятилетний еврейский ученый, становится первым председателем исполкома Еврейской автономной области, провозглашенной 7 мая 1934 года.

Уже в начале 1936 года он предлагает высшим государственным инстанциям готовый, конкретный план в ближайшее время перевести секцию со всеми сотрудниками и собранными материалами из Киева в Биробиджан. В своем плане Либерберг указывает, что «секция биробиджановедения — это основа широко разветвленного советско-еврейского научного института, который вскоре должен быть создан в Еврейской автономной области».

Но жестокие руки сталинских палачей прервали его молодую жизнь и уничтожили этот план — его мечту.



Кстати, для руководящей педагогической работы в Биробиджане *специально* готовили аспирантов также в педагогической секции, которую возглавлял профессор Яков Резник. Их было трое: Мойше Диамант, Шац и Липман. Но поскольку катастрофа и в Киеве, и в Еврейской автономной области началась уже в 1936 году, этим планам тоже не суждено было реализоваться. Липман, кажется, все-таки приехал в Биробиджан и работал там инспектором в области образования. Его дальнейшая судьба мне неизвестна.

Самым интересным и способным из этой троицы был Мойше Диамант. Аж из далекой Канады летом 1933-го он приехал в Советский Союз строить Биробиджан. В Канаде он работал наборщиком в типографии. Потом был учителем в левых еврейских школах, принадлежавших Интернациональному рабочему ордену, которым управляли коммунисты. Печатал стихи и статьи в канадской и американской так называемой прогрессивной прессе под псевдонимом М. Волинер.

Мойше Диамант тяжело переживал ужасные дни, когда НКВД разгонял Институт и арестовывал его руководителей (апрель 1936-го). Он немало испытал как «дважды нечистый»: бывший иностранец и бывший аспирант «контрреволюционного» еврейского учебного заведения. Сейчас Мойше Диамант и его жена Гинда Кипнис (сестра известного советского еврейского писателя Ицика Кипниса) живут в Рамле. Он ведет большую работу среди репатриантов из России, пишет для израильской прессы, а главное — самоотверженно издает собрание со-

чинений своего шурина и друга Ицика Кипниса. Двое талантливых сыновей Мойше, Эмануэль и Арье Диаманты, — блестящие организаторы, строители и руководители научно-промышленного поселения Аршах — очень много делают для развития Государства Израиль.

Терминологическая комиссия

Что это за еврейский район, где в органах управления, суде, на почте и т. д. используется почти исключительно русский язык? А как они могут там устно и письменно использовать идиш, если, несмотря на филологические работы, которые ведутся в Минском институте еврейской культуры и в нашей филологической секции, для еврейского языка до сих пор не созданы необходимые слова и термины, а существующие, зачастую еще не укоренившиеся, — нередко противоречивые или просто неблагозвучные, искусственные, деревянные? Наши посланники приводят примеры неказистых слов, наскоро придуманных в Биробиджане, и эти слова вызывают у нас смех. Наверно, в Институте не осталось ни одного сотрудника, который не был бы убежден, что мы обязаны взять на себя инициативу и решить эту проблему, чтобы Биробиджан скорее стал не только официальной еврейской государственной единицей, но настоящим еврейским культурным центром.

Филологическая секция нашего института уже не один год ведет лексикографическую работу, но теперь она должна продвигаться более быстрыми темпами. Прежде всего надо убедить (и мы действительно убежда-

ем) нашего непосредственного хозяина, президиум Всеукраинской академии наук, что создание еврейской терминологии — одна из первоочередных задач. Ускоренная деятельность требует больших денег. И Министерство финансов Украины специально выделяет Институту дополнительные средства. Также и финансовый отдел Дальневосточного края в Хабаровске, и даже новорожденный исполком Еврейской автономной области (как уже говорилось, она была благополучно провозглашена 7 мая 1934 г.) выделяют для этой цели определенные суммы. Не могу вспомнить, велась ли эта работа совместно с филологической секцией Минского института еврейской культуры. Помню только, что создание единой еврейской терминологии признается настолько неотложным делом, что часть штатных сотрудников нашего института во главе с самыми уважаемыми — Нохумом Штифом и Элиёгу Спиваком — берется за эту работу, несмотря на другие темы, запланированные ранее. Поэтому сотрудники получают за эту срочную работу специальную надбавку к зарплате.

В одном из финансовых отчетов указано, что только за один месяц (сентябрь 1934-го) специальную надбавку за работу в четырех терминологических комиссиях получили не только шесть специалистов, приглашенных со стороны, но и восемь постоянных сотрудников филологической секции.

Работа настолько велика и сложна, что штатные сотрудники сами не могут с ней справиться. Надо приглашать специалистов со стороны. Начинают искать... Найти можно, но тут опять возникает проклятый вопрос: как специалист человек подходит, но он... политически неблагонадежен.

И пусть читатель не забывает, что в филологической секции сильны те, кто считает, что, создавая новые еврейские слова, не надо бояться славянизмов. Более того, чем взять одно нужное слово из древнееврейского языка, лучше взять десять из русского или украинского... Всё это тоже создает трудности в лексикографической работе для Биробиджана.

В конце концов отобрали полтора десятка специалистов в разных областях.

Для Биробиджана требовалось в первую очередь разработать юридическую и административную терминологию. И как раз в этой области трудно было найти подходящих специалистов, знающих идиш. Но все-таки нашли трех человек (Пекер, Файгенбаум и Комаровский), которые стали добросовестно помогать советами нашим филологам. Еще двое приглашенных — Фришерман и очень авторитетный Шлосберг — помогают пополнить уже существующую географическую терминологию. Ее тоже ждут в Биробиджане с большим нетерпением.

Чтобы унифицировать ботаническую терминологию, приглашают И. Буртянского, Л. Фрусмана и И. Щупака. (Не путать со Щупаком, о котором я рассказываю во втором томе «На путях и перепутьях»!)

Все трое — высококвалифицированные, популярнейшие методисты на Советской Украине. Все они авторы учебников для советской еврейской школы и научно-популярных книг по биологии для еврейской молодежи.

Душой этой тройки становится Щупак, обаятельный человек с постоянной доброй улыбкой. Он любимец киевских еврейских студентов. Наверно, в городах и местечках Украины не было ни одной еврейской школы, где бывшие ученики Щупака из еврейских педагогиче-

ских училищ не прививали бы детям любви к природе и не давали бы им практических навыков для сельского хозяйства. Романтик Щупак влюблен в свою профессию. Его лицо светится, когда он читает лекцию по ботанике на еврейском отделении Киевского педагогического института. И теперь он счастлив. Он знает: сельскохозяйственная опытная станция в нашем еврейском Биробиджане, которая, кстати, своими экспериментами славится уже на весь Дальний Восток, тоже нуждается в его помощи. И он трудится день и ночь, стараясь побыстрее закончить работу.

Наши филологи чувствуют себя людьми, на которых держится мир. Это и правда было время великой радости не только для них, но и для всех нас: почти все сотрудники Института приложили руку, чтобы Еврейская автономная область стала национальным домом для советских евреев.

**В Еврейской
автономной
области**



Есть чему радоваться

Седьмого мая 1934 года телеграфные агентства пяти континентов мгновенно оповестили весь мир об удивительном, гуманном историческом событии: советское правительство исправило двухтысячелетнюю несправедливость, которую человечество допустило по отношению к еврейскому народу. Только оно, коммунистическое правительство, создало национальную административно-территориальную единицу для советских евреев. А именно: Биробиджанский район на Дальнем Востоке официально преобразован в *Еврейскую автономную область* со столицей в Биробиджане¹.

Резонанс в капиталистическом мире огромен, и Всесоюзная Коммунистическая партия очень заинтересована, чтобы мы, советские евреи, об этом знали. Приведу всего несколько примеров.

Официальный орган Всесоюзной Коммунистической партии газета «Правда» 14 июня 1934 г. публикует по-

1 На момент провозглашения Еврейской автономной области там проживало всего двенадцать тысяч еврейских переселенцев (*прим. автора*).

здравление, отправленное Калинину американским еврейским ПЕН-клубом:

«Мы, члены еврейского ПЕН-клуба, горячо поздравляем Вас, уважаемый Михаил Иванович, председатель ЦИК СССР, с историческим событием — провозглашением Еврейской автономной области. Мы глубоко благодарны Вам, что в то время, когда во многих странах усиливаются реакция и фашизм, сопровождаемые варварским антисемитизмом, Советский Союз добавил к семье советских социалистических республик Еврейскую автономную область.

Особенно мы приветствуем Вашу речь, в которой Вы подчеркиваете желание советского правительства консолидировать еврейскую национальность и сохранить еврейскую культуру.

Авербах, Менахем Белостоцкий, Глазман, Глатштейн, Гольденберг, Каган, Каганович, Левин, Леелес, Лейвик, Лерер, Луцкий, Нигер, Пинский, Файнберг, Фисенсон, Хаймович, Гордин, Авром Рейзен».

Нашей радости нет границ.

Двенадцатитысячный митинг в Нью-Йорке

В нью-йоркском Мэдисон-сквере прошел митинг, в котором участвовало двенадцать тысяч человек, представителей различных еврейских организаций. Митинг был посвящен созданию Еврейской автономной области. В резолюции отмечалась огромная заслуга СССР в решении национального вопроса.

Мы узнаём об этом из телеграммы, которую ТАСС рассылает по всем газетам 21 июня 1934 г. Немного раньше — 5 июня 1934 г. — тот же ТАСС распространил по всему миру сообщение, как новость о создании Еврейской автономной области приняли в Англии:

«Лондон. В Уайтчепеле (еврейском квартале Лондона) создано общество, цель которого — помогать еврейским переселенцам в Биробиджане. Вчера прошло первое заседание общества. Обсуждался вопрос о закупке техники и инструментов для переселенцев».

Выходит номер американского журнала «Икор», целиком посвященный возникновению Еврейской автономной области. Такой праздничный, красочный, с полными энтузиазма стихами об области, с горячими поздравлениями не только пролетарских, но и других американских еврейских общественных организаций.

«...Парижские рабочие готовят технически оснащенную мебельную фабрику, комплект станков и ручного инструмента», — читаем мы в телеграмме из Франции, и наши сердца переполняются благодарностью нашим еврейским братьям за границей.

Телеграммы из-за границы идут без конца — восхваления ленинско-сталинской национальной политики вы найдете во всех советских газетах на разных языках.

А в моей родной стране — в капиталистической Польше? В главе «Нищий», в конце книги, я рассказываю о движении вокруг Биробиджана, которое тогда началось в Польше. И сейчас хочу добавить еще одну деталь: мои иерусалимские друзья Хава и Авром Пшемиславские 21 декабря 1979 года на праздничном ханукальном вечере у них дома рассказывали мне, что один их знакомый по фамилии Гриншпан, простой лодзинский рабочий, в те

дни дал новорожденной дочке имя Бира в честь реки, протекающей в Еврейской автономной области. И вдруг мои друзья захлопали в ладоши и весело запели:

*Где Менахем-Мендл, а с ним и весь нэп?
Поле, наше поле дарит нам хлеб.
Нам теперь на счастье дан
Биро-Биро-Биро-Биробиджан,
Биро-Биро-Биро-Биробиджан...*

Потом они объяснили, что эту песенку пела в Лодзи коммунистическая молодежь.

Разные формы народного творчества, выражающего симпатию к Еврейской автономной области, тогда были широко распространены среди лодзинской бедноты, особенно в еврейском квартале Балуты.

Трудно даже представить невероятное количество подарков, которые посылали в Биробиджан после провозглашения Еврейской автономной области. Шефство над Биробиджаном стало интернациональным движением почти во всех советских республиках. Все народные комиссариаты заявляют о конкретной помощи для области — людьми, оборудованием для школ, клубов, больниц и т. д. Снимают грандиозный фильм о Биробиджане — позже ставший широко известным киноспектакль «Искатели счастья» с великим Вениамином Зускиным.

Нееврейские школы со всех концов страны берут шефство, пишут письма, вызывают биробиджанских школьников на соцсоревнование.

Бродский, великий советский еврейский художник, посылает своих учеников из Всероссийской Академии художеств написать серию картин о Биробиджане: она

должна стать основой постоянного художественного музея в области.

По всей стране, даже там, где евреев в глаза не видели, проводятся торжественные собрания, посвященные рождению новой области. Шлют и шлют поздравления, прежде всего лично товарищу Сталину. Благодарят его за заботу о еврейской нации, заверяют его, что советские евреи не опозорят героический Дальний Восток, станут там надежным форпостом. Отбивают телеграммы Калинину, секретарю Дальневосточного крайкома Лаврентьеву, Молотову, Крутову — председателю Дальневосточного крайисполкома и т. д. и т. д.

Советская пресса на всех языках страны печатает поздравления от всех республик, от всех больших и малых областей. И сердце переполняется радостью.

Не знаю, было ли во всем СССР хоть одно предприятие, фабрика или завод, откуда не пришла бы помощь в Биробиджан. Посылали всё — от спичек, карандашей, тетрадей, белья, одежды, обуви до промышленного оборудования. Шлют комбайны, трактора, оборудование для больниц, лабораторий. Вагонами отправляют цемент, стекло, гвозди, кровельное железо, пилы, напильники, топоры...

И пусть читатель не забывает, что всё это — дефицитный товар, купить его сложнее, чем рукой до неба достать.

28 августа 1934 года меня делегировали на особое совещание киевской городской комсомольской организации. Обсуждалось, как поспособствовать развитию культуры в Биробиджане. Огромный зал набит до отказа, в основном украинские и русские комсомольцы, среди них затерялось немного еврейских. Принимают решения: ни



ГОСЕТ
Харьковский альбом

один комсомолец не должен остаться вне рядов озетовского актива; собрать пятьдесят тысяч рублей (тогда это была большая сумма) на строительство Дома культуры в Биробиджане, для чего каждый комсомолец отработает по полдня.

«Московская фабрика “Парижская коммуна” посылает восемь ящиков кожи и сапожные инструменты» («Биробиджанер штерн», 11 сентября 1934 г.).

В августе 1934-го ячейка ОЗЕТа в Академии наук СССР посылает специальную группу ученых, чтобы способствовать развитию науки в Еврейской автономной области.

И из Биробиджана приходят радостные новости: «11 мая 1934 г. открылся областной еврейский государственный театр. На открытии присутствовали представители советской власти...» «С 15 августа 1934 г. газета “Биробиджанер штерн” становится ежедневной!»

А как можно остаться равнодушным к таким известиям: сельскохозяйственная опытная станция в Бирофельде превратилась в важное научное учреждение, которое станет гордостью всего Дальнего Востока. Теперь она называется «Биробиджанский комплексный сельскохозяйственный институт».

28 июня 1934 г. там прошло научное совещание, посвященное развитию сельского хозяйства в области. В совещании приняли участие специально приехавшие сотрудники краевого филиала Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина... А это значит, что в Еврейской области будут основываться на самых передовых научных достижениях.

Нам прекрасно знаком скрытый, тихий антисемитизм, царящий в академиях, особенно у нас в Киеве, но все-таки... Более того, прочитайте заметку, напечатанную в августе 1934-го: «Ячейка ОЗЕТа при Всеукраинской академии наук взяла шефство над Еврейской автономной областью. Научные деятели, которые сейчас находятся на Дальнем Востоке, посетят Биробиджан и окажут непосредственную практическую помощь населению, учреждениям и, в частности, Комплексному сельскохозяйственному институту».

В общем, есть чему радоваться! И нельзя стоять в стороне! Освобождение близко! Буквально рукой подать! Так что пора мне собраться в путь. Хватит болтаться в Киеве. Я должна быть там, давно надо засучить рукава и взяться за работу не на словах, а на деле! А с Гершоном Гороховым считаться необязательно. Он, теперешний директор Института еврейской культуры, всё твердит мне: «Что за спешка? Нельзя оставить Институт без членов партии!»

Я была уверена: надо просто обратиться к руководителю культурпропа в Киевский областной партком, и я получу поддержку. И я не ошиблась.

Мне подыграла судьба

Когда я начинала работать над этой книгой, существовала опасность, что факты и события, которые я помню и хочу описать, мне придется извлекать в основном из памяти, потому что документов в моем распоряжении было очень мало. Материалы, которые мне, несмотря на опасность, удалось тайно или открыто вывезти из СССР, — это капля в море. И документов, которые я за четыре года, пока мы с Нисеном ждали в Варшаве разрешения польских властей выехать в Израиль, получила из московских и ленинградских библиотек благодаря посредничеству Польской национальной библиотеки в Варшаве, тоже было недостаточно, что по количеству, что по качеству. И здесь, в Израиле, я не нашла того, что нужно, хотя потом увидела, что здесь у нас есть больше, чем я думала.

И меня беспокоило, что читатель поверит мне на слово, а моя память — не очень надежный источник.

И все-таки счастье мне улыбнулось. Несколько лет назад, когда я посетила Соединенные Штаты, я нашла множество документов, и среди них — годовые подшивки «Биробиджанер штерн». Это великое сокровище я отыскала в Нью-Йорке, в богатейшем архиве Библиотеки Батлера при Колумбийском университете. Чтобы использовать это сокровище, мне пришлось провести в

Америке целых пятнадцать месяцев. И здесь, думаю, подходящее место выразить мою глубокую признательность и благодарность руководству и сотрудникам Колумбийского университета за их теплое отношение ко мне, за огромное внимание, которое они мне уделили, за помощь, которую они ежедневно оказывали мне от всего сердца. Только благодаря им я получила документы, подтверждающие всё, что я рассказываю в настоящей книге.

«От воздуха Биробиджана умнеют...»

Первые дни на биробиджанской земле я ходила совершенно потерянная: боже, ведь я будто уже видела всё это раньше, в кошмарном сне! На каждом шагу я вижу те же вопиющие факты, о которых наши киевские посланники Либерберг и Губерман еще три года назад, в 1932-м, рассказывали с таким возмущением, когда вернулись отсюда. Точно так же, с этими же деталями, они описывали биробиджанскую действительность. Но теперь всё это выглядит куда мрачнее!

Мои потрясение и возмущение не знают границ! Как они оба могут оправдывать то, что так резко осуждали?! Ведь они оба, и Либерберг, и Борух, теперь законные хозяева области! Либерберг — председатель областного исполкома. Борух Губерман занимает высокую государственную должность: он ни больше ни меньше как официальный представитель Центрального КомЗЕТа — государственного Комитета по земельному устройству еврейских трудящихся! КомЗЕТ суще-

ствовал при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР в Москве.

Нет, вы только послушайте: все уверяют меня, что положение в области, которое я вижу в таком мрачном свете, в последнее время стало гораздо лучше, чем года два-три назад, и что нынешний, 1935, год — это год «значительных побед». Такую оценку официально дают не только местные, но и центральные, московские власти. Об этом рассказывают в газетах. Об этом пишут в отчетах. Так что же все-таки тут происходит?

Я не могу и не хочу скрывать свою боль. Пристаю к ним обоим: в чем дело?

А они? Они опускают глаза. Разговаривают со мной, как с тяжелобольной: «Имей терпение! Присмотрись по-лучше, сама поймешь, в чем причина...»

Но я не могу ждать и прихожу к ним каждый раз с новыми фактами, новыми претензиями.

И вскоре раздражение сменяется жалостью: «Дорогие мои друзья! Вы пытаетесь беречь меня, хотя бы первые дни. Вы хотите, чтобы я сама увидела, что за опасная игра здесь идет...»

И тут я впервые услышала странную фразу: «Авейро де-Биробиджан махким» Так с горькой улыбкой обо мне, новенькой, сказал остроумный Генех Казакевич, редактор «Биробиджанер штерн», когда, вскоре после того как я приехала, увидел мое раздражение, граничившее с отчаянием, с которым я восприняла открытую игру, ту, что ведется под маской борьбы с так называемым еврейским национализмом именно здесь, в Еврейской автономной области. По своему великому невежеству я поняла из всей фразы Казакевича только одно слово — Биробиджан. Привязалась к Боруху Губерману: «Что это зна-

чит?!» И он на ухо объяснил мне: есть на арамейском языке выражение «Авейро де-Эрец Исроэйл махким» — «От воздуха Земли Израиля умнеют».

Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять ироническую перефразировку Казакевича. Он сравнил мое теперешнее душевное состояние с радостным воплем «Ну, пора засучить рукава и взяться за работу!», который он услышал от меня буквально несколько дней назад, когда они с товарищами встретили меня из Москвы на биробиджанском вокзальчике.

Биробиджанская действительность очень быстро открывала глаза тем, кто еще верил, что партия всерьез собирается строить тут еврейский национальный дом. И именно здесь быстрее, гораздо быстрее, чем в центре страны, с глаз спадали шоры — очки, которые надевают глупым лошадям.

Да, Казакевич оказался прав: только здесь я политически созрела до конца. Мой отупевший, выдрессированный партией мозг наконец-то понял всю ложь, которой пропитана биробиджанская действительность. Генеху Казакевичу «повезло»: после непродолжительной болезни он умер на свободе, в биробиджанской больнице, и так ускользнул из лап НКВД. Сколько же его друзей, и я в том числе, ему завидовали...

Разочарование, которое я пережила в Биробиджане, было так велико, что даже сегодня, когда я об этом вспоминаю, у меня щемит сердце, и мне становится жалко ту молодую идеалистку, на которую удары сыпались один за другим.

Конечно, мне было бы легче начать рассказывать об идеологической борьбе, разгоревшейся вокруг вопроса: *какой ей быть, Еврейской автономной области? Такой,*

как черным по белому написано в программе партии: по содержанию — интернациональной, то есть коммунистической, а по форме — национальной, то есть еврейской? (И мы, энтузиасты строительства еврейской социалистической области, из принципа соглашались с этим большевистским суррогатом, еще и благодарили партию за эту «милость»). Или еврейская область будет просто пародией?

Но прежде чем я расскажу о самом важном в Биробиджане, я должна попробовать остановиться на ежедневных «мелочах», с которыми я столкнулась сразу, как только приехала.

Тут я должна признаться, что немного понимала в хозяйственных делах, всю жизнь была от них далека и, пока не увидела в Еврейской автономной области единственный путь освобождения советских евреев, занималась в основном вопросами культуры. Но в Биробиджане я быстро увидела, что от этих бытовых мелочей главным образом и зависит существование области, и, хочу я того или нет, я должна как следует к ним присмотреться. Я жила в СССР с 1926 года, то есть уже девять лет. Уже привыкла к убогому советскому быту, часто бывала в умирающих местечках и разграбленных колхозах. Теперь этот опыт помог мне увидеть вопиющие различия между жизнью в центре страны и еще более бедной жизнью здесь — в Биробиджане.

Буханка хлеба, щепотка соли и прочие мелочи...

Хотя две биробиджанские газеты, как и другие газеты по всей стране, пестрят рапортами в высшие инстанции о «великих достижениях» народного хозяйства, и малейший успех раздувается до «исторического события», страшная правда лезет из всех щелей. Лишь изредка в местной прессе, в какой-нибудь стенгазете прорывается слабый намек на ужасные бытовые условия, в которых живут переселенцы. Это коротенькое письмо рабочих или кустарей в редакцию, небольшая заметка какого-нибудь журналиста посмелее о том, как выглядит настоящая жизнь. Бывает, несмотря на строжайшую цензуру, вымарывающую любое слово критики.

Хлеб. 14 января 1935 года государство отменило хлебные карточки во всей стране. Это означало, что хлеб теперь можно покупать свободно. Также ввели свободную продажу муки. Пресса ликовала. Но в Биробиджане еще в мае 1935-го найти буханку хлеба было невозможно, а кило муки — тем более. За хлебом выстраиваются огромные очереди — всю ночь стоят на холоде перед магазином. А утром большинство, отстояв, уходит ни с чем. Но из-под полы в том же государственном магазине можно приобрести буханочку или пачку муки. Надо только знать, кому дать на лапу несколько монет.

В пекарнях грязь по щиколотку. В хлебе, который можно ложкой зачерпывать, попадают какие-то создания, нашедшие в нем свою смерть. Что-то странное про-

исходит у нас в области: газета отправляет в пекарни специальных корреспондентов, и после чтения их отчетов противно кусок хлеба даже ко рту поднести.

Тебе нужна соль? Её уже не один месяц в продаже нет. Ты такой привередник, что не можешь привыкнуть к несоленой пище? Проси друга, который едет в Хабаровск: «Привези мне соли немножко!»

Помню, как через несколько недель после моего приезда мы с подружкой доктором Региной Розенблюм-Гоберман бегали на рынок подивиться на великое достижение — только что открытую палатку, где по заоблачной цене можно купить немного конфет и повидла, четверть кило сахара и... горстку соли.

Керосин? Это и вовсе редкость. Опять надо идти на поклон к тому, кто едет в столицу края. А ездят туда только те, кого государство отправляет в командировку, или... жулики.

Раздобыть примус невозможно. А если ты привез его из дома, он стоит как украшение: керосина, чтобы готовить, всё равно нет. А дети дрожат от холода. Дети страдают больше всех.

«Разбилось стекло от лампы. Комендант общежития Энгель говорит: “Не моя забота”. Сидим в темноте, не можем делать задания, которые дают в кружках... Так живут рабочие в общежитии “Биробиджанстроя”» («Биробиджанер штерн», 4 июня 1935 г.).

Прошел еще год. Первая половина 1936-го. В здании педагогического техникума работает вечерняя школа для взрослых. Милая, замечательная рабочая молодежь тянется к знаниям, а лампы нет. Занимаются в темноте. Ученики жалуются: «Не можем записать что-нибудь важное, приходится только слушать, что говорит учитель».

Весной 1936-го на вокзале появилось объявление: «К поезду № 97/98 Биробиджан — Хабаровск прицеплен дополнительный жесткий вагон». Биробиджанцы счастливы: теперь будет проще сорваться в Хабаровск за самым необходимым.

До сих пор сесть в поезд было очень трудно даже командированным. Кассир и вокзальные носильщики гребли деньги лопатой. Хочешь билет? Давай на лапу! Кстати, это делалось почти в открытую, все знали, как провести такую транзакцию. Между прочим, дополнительный вагон появился благодаря стараниям лично Иосифа Либерберга, председателя Еврейской области. И добился он этого не от кого попало: распоряжение пришло аж из Москвы, из Народного комиссариата путей сообщения.

Ботинки продырявились? Это почти трагедия. Частники в СССР запрещены, а в биробиджанской сапожной артели очереди огромные. Вот и жди несколько месяцев, пока тебе ботинки починят. Грязь повсюду, даже в центре города. Подойти к горсовету — задача не из легких, перед ним всё время стоит глубокая лужа. Через нее переброшена дощечка. «Мостик» качается, один неверный шаг — и падаешь в жидкую грязь. Один из шефов, не помню кто, именно тогда прислал подарок — хорошее оборудование для сапожной мастерской, но это капля в море. Сначала чинят обувь «начальникам» и тем, кто знает, кому дать взятку.

Когда начинаются трескучие морозы, в магазине появляются летние балетки. А в жаркие летние дни появляются калоши и валенки, но их моментально сметают с прилавка.

Дождливой осенью тридцать шестого разнеслась важ-

ная весть: в артели «Колесо революции» будут брать на ремонт разные вещи: запаяют кастрюлю, вылечат сломанный стол или стул, починят примус. Город счастлив: уже легче жить! Правда, нужно неделями стоять в очереди, но кто ждет, тот дождется.

А где и как биробиджанцы *моются*? На весь город одна-единственная баня. Окна в ней такие грязные, что внутри темно даже в ясный, погожий день. Если она вообще работает, на улице выстраивается очередь, особенно в субботу вечером и в выходной, в воскресенье, потому что в будни баня обычно закрыта. Сначала отстаиваешь на улице в кассу за билетом, потом — другая очередь, чтобы с этим билетом попасть внутрь. Повезло, попал внутрь — наберись терпения и жди, когда освободится полка для одежды. Душа нет. Моешься в деревянной лохани без ручек, которую может поднять только здоровый мужик. А вода? Или ледяная, или кипяток. Возникают комичные ситуации: стоишь, например, намыленная, а теплой воды нет. Ты уже согласна на холодную, но тут и она кончается. И вдруг потоком начинает литься горячая и в одну секунду обваривает тебя до пузырей на теле.

28 февраля 1935 года «Биробиджанер штерн» с гордостью написала: «В биробиджанской бане только что открылась дезинфекционная камера», то есть для уничтожения вшей в одежде. Но камера всё еще закрыта. Кое-как помывшись, идешь домой в одежде с теми же вшами. Полгорода болеет сыпным и брюшным тифом. Смертность очень высокая, потому что больница переполнена. Она обслуживает больных со всей области. Многие остаются лежать дома, в общежитиях.

А в больнице? Когда стоит холодная погода, в палатах изо рта пар идет. Летом 1936-го в городе Биробиджане



Первый дворник. Биробиджан

Харьковский альбом

насчитывалось пятнадцать тысяч жителей, а коек — шестьдесят шесть, врачей — восемнадцать. Каждый врач обслуживает минимум пятьдесят пациентов в день. Ра-

диус города семь километров, а скорая помощь — одна бричка, в которую запряжена старая кляча. И это в столице. А в районах еще хуже. Вату, марлю, бинты нужно ехать выпрашивать в Хабаровск. Но и там с этим беда, посланники часто возвращаются с пустыми руками.

Я и сама подхватила брюшной тиф. Но я же из привилегированных, лежу себе, как графиня, в пустой квартирке, которую только что освободил изгнанный из области Гершл Бриль (подробнее о нем — ниже). И только благодаря тому, что Ньюша Либерберг несколько суток не отходит от моей кровати, я опять встаю на ноги.

Добавлю для ясности, что лично я почти не голодаю. Я не пользуюсь своим правом питаться в специальной столовке для партийного актива области. Мне противно сидеть за одним столом с партийными хозяевами Еврейской области, в которых я вижу ее могильщиков. Мне хватает сухого пайка, который я получаю из специальных фондов для научных работников, потому что мама Ньюши Либерберг, милая Фрида Осиповна, которая относится ко мне как к дочери, готовит из него королевские яства.

Так и живем...

Мне надо найти двух учителей начальной школы, которые скоро приступят к работе. Сейчас они живут в пункте для новоприбывших. Иду туда с ними встретиться. Пункт — это несколько деревянных бараков, вокруг непролазная грязь. В каждом бараке только одно длинное помещение. На семью по паре метров вдоль стены. Есть семьи по восемь человек. Очень шумно: орут взрослые,

плачут дети, копят примусы. Уже давно несемейные просят выделить им два барака: один для парней, другой для девушек. Заведующий пунктом буквально валится с ног, правая рука не знает, что левая делает. Клозеты во дворе. (В них тоже очередь.) За водой надо идти черт-те куда. Еда отвратительная, и ее недостаточно. Клопы и тараканы жрут несчастных детей, а химических средств от насекомых во всей области днем с огнем не найдешь. Постели грязные, простыней и одеял не хватает.

Многие переселенцы уже работают, но предприятия не дают им квартир. Хотя в бараках переселенцы должны оставаться не дольше чем на два-три дня, многие живут тут месяцами. Пункт превращается в постоянное место жительства. Для новоприбывших места нет, а из Москвы идут телеграммы: «Сегодня выехало столько-то и столько-то человек...»

Положение ужасное. Большинство людей думает: «Как вырваться из этого ада?..»



Оставшиеся в бараке очень завидуют тем, кто уже из него выбрался. А что у тех счастливиц, которые благополучно перебрались в дом, принадлежащий фабрике или артели, где они работают?

Письмо гражданки Городецкой в «Биробиджанер штерн», 11 февраля 1935 г.:

«Мы спим на швейной фабрике втроем в одной кровати. Мой муж — сторож. Он часто дежурит ночью. Когда я встаю идти на работу, он ложится в мою кровать. А когда я прихожу с работы, моя кровать превращается в кухню, и не только для меня, но еще для трех семей, которые

живут в комнате. Стола нет. Едим на кровати, а когда ложимся спать, из моей кровати делают сушилку: все соседи сушат на ней валенки...

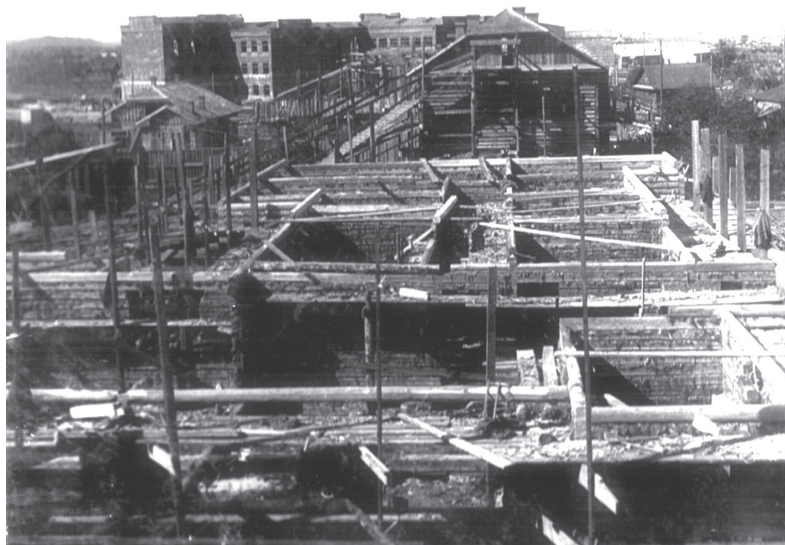
Городецка».

Когда я встретила с этой Городецкой, причем в той самой комнате, кажется, был уже конец тридцать пятого или начало тридцать шестого. Я уговаривала ее: «Идите к начальству, жалуйтесь!» Она насмешливо посмотрела на меня и с грустной улыбкой протянула свое пожелтевшее письмо: «Нате, читайте!»

Гражданка Черкас работает уборщицей в конторе «Биробиджанстрой». «С моими четырьмя детьми (*все они учатся в еврейской школе. — Э. Р.-Ш.*) мы занимаем угол в доме моего деверя, тоже рабочего строительной конторы, а у него самого семья из пяти человек», — пишет она 9 мая 1936 года в редакцию «Биробиджанер штерн»...



Я нигде не видела таких пустых жилищ, как в Биробиджане. Если вам все-таки повезло и удалось получить на всю семью крохотную комнатку, обычно она пуста, и ваши несчастные пожитки годами валяются на полу. Вы удивляетесь? Ведь Биробиджан — центр мебельного производства. Так-то оно так, но... «В Еврейской области негде купить даже табуретку. Почему? Потому что наша мебельная фабрика имени Димитрова рассылает свою продукцию по всему Дальнему Востоку. Из-за этого мебель очень дорогая, недоступная для простого рабочего» (из письма в редакцию «Биробиджанер штерн», 3 марта 1936 г.).



Строительство улицы Ленина

Харьковский альбом

«В Амурбирском совхозе уже восемь месяцев работают переселенцы: часовщик, коваль и др. А у них в квартирах ни кровати, ни стола, ни стула» («Биробиджанер штерн», 1 марта 1936 г.).



Работал на биробиджанском вокзале носильщиком Арон Клурфельд. Мужчина средних лет, полноватый, широкоплечий, по лицу видно — простой человек. И очень ему не нравилось творящееся вокруг свинство. Малограмотный, он больше диктовал, чем сам писал коротенькие заметки в прессу. Биробиджанские рабочие выбрали его депутатом горсовета. И стал он популярнейшим депута-

том: сразу замечал любой беспорядок. Начальство вскоре пожалело, что *позволило* его выбрать. Об этом простом еврее стоит рассказать подробнее. Для начала — несколько его заметок о так называемых «мелочах»:

«Зимой не заготовили льда, и летом продукты портятся. Так было в прошлом году, так же будет и в этом», — сигнализирует он в «Биробиджанер штерн» 3 марта 1936 г. И в том же номере: «Есть в Биробиджане так называемый поселок Партизанский, который находится на том берегу Биры, в трех километрах от центра города. Там живут около ста пятидесяти семей, но нет даже хлебного ларька, за хлебом приходится ходить за 3 км.

Депутат горсовета Арон Клурфельд».

Халупки бывшей Тихонькой исчезают, и на их месте появляются ровные ряды двухэтажных домов. Но стоит ли радоваться? Присмотритесь к ним и к тому, что творится вокруг. Не верьте мне на слово, лучше почитайте, что пишет об их качестве Арон Клурфельд:

«В полу щели между досками. Летом еще куда ни шло, но зимой через щели тянет ледяным холодом. Одеял нет, многие спят в одежде. Полы ужасно холодные. На втором этаже получше: через щели из нижнего помещения идет какое-то тепло. А когда жилец второго этажа моет пол, вода хлещет на голову соседям снизу. Когда на улице оттепель, течет по стенам. Печи плохо сложены и очень велики, жрут столько, что на дрова уходит немалая часть заработка, а комнату всё равно не натопить».

Форточек в окнах нет. Значит, нет и вентиляции? Да почему же? Есть естественная вентиляция: оконные рамы плохо подогнаны, и двери тоже.

«Не комната, а морозильная камера», — шутят о своих новых квартирах счастливые жильцы.

Дровников не построили, дрова приходится хранить в доме. Для семьи места не остается: дрова под столом, дрова под кроватью, дрова во всех углах единственной комнаты...

Квартиры построены так: все комнаты, кроме последней, самой удачной, проходные. Кто живет во второй комнате, ходит только через одного соседа. Остальные — через нескольких. Кто живет в последней, шестой, попадает к себе через пять комнат.

Через много лет, в 1972-м, меня разыскала в Нью-Йорке Мэри Вайнер-Ахтерман, бывшая воспитательница детского сада в Биробиджане и диктор радио на идише. Грустная встреча. Немало слёз. Бесконечные воспоминания. О судьбе ее семьи в Еврейской области читатель узнает из главы «Иностранцы в Еврейской автономной области». Но я думаю, что и здесь подходящее место привести ее одно маленькое воспоминание:

«Однажды среди ночи стена в моей комнате просто рухнула наружу. У этой стены я спала с ребенком. Если бы стена, не дай бог, упала внутрь, в комнату, нас обоих раздавило бы».

Но давайте вернемся в тридцатые годы, когда Клурфельд с горечью писал в своих коротких заметках: «Далеко не везде в столице области есть мусорные ямы, не говоря уже о баках... Даже общественные уборные — большая редкость... Колодцы стоят открытые, без крышек. Постоянных ведер нет». И с грустью спрашивал: «Стоит ли удивляться, что дети постоянно болеют?»

Любую мелочь замечает носильщик Клурфельд. За это я люблю его и очень ценю. И он тоже хорошо ко мне относится, всегда не прочь со мной побеседовать.

Семена

Я приехала в Биробиджан весной 1935 года. Не знаю, забуду ли когда-нибудь страх, который увидела в глазах переселенцев: «Я не успею! Где взять хоть немного семян? Чем мы будем зимой кормить детей?!»

Дело было вот в чем: каждый работающий получает от горсовета участок земли под личный огород. Обычно это целина, к которой никогда не прикасались человеческие руки. А находится она далеко. В выходной вместо отдыха целые семьи тащатся туда, потом обратно. На другой день, в понедельник, взрослые еле стоят на ногах, но надо идти на работу. А в школах это уже правило: дети из семей, которые вчера, в воскресенье, не успели закончить работу на огороде, сегодня не придут. Надо приложить огромные силы, чтобы победить землю, непреодолимо твердую и испокон веков заросшую густыми сорняками. Обещают вспахать целину трактором или лошадью, но это пустые слова. В большинстве колхозов лошади еле живы, их плохо кормят, нечем. Кстати, это относится не только к пахоте, но и к строительству. Эти несчастные лошади — основной биробиджанский транспорт. Грузовиков пока слишком мало.

Не лучше ситуация и в пригородных сельских хозяйствах, существующих при каждой фабрике, артели или учреждении. Эти хозяйства — чуть ли не единственный поставщик продуктов в их столовки, где обедают рабочие. Кстати, рабочие сами пашут, сеют и собирают урожай собственными руками. Правда, если они делают это в будни, это засчитывается им как рабочий день. Но



Опытная станция ЕАО, научный работник Гитлиц

Харьковский альбом

основную работу они фактически выполняют бесплатно, не получая ни копейки, в свой воскресный выходной, на так называемом воскреснике. После каждого такого воскресника они приходят на работу смертельно усталые, но план обязаны выполнять. Попробуй не выполни. И оглянуться не успеешь, как твоя фамилия окажется на доске позора, висящей на самом видном месте.

Правда, весна в Еврейскую автономную область приходит поздневатю, но до 20 мая надо закончить посевную ранних культур. А как раз в этом году май выдался дождливый, надеялись на чудо: может, все-таки будет несколько хороших дней? И, может, все-таки удастся раздобыть немного семян? Но напрасно: Биробиджан остался без картофеля для посадки, а ведь картошка здесь — основная еда!

Директора фабрик и артелей ходят хмурые, озабоченные: «Чем я буду кормить своих людей?»

В сталинском совхозе

14 января 1936 г. тогдашний председатель всесоюзного ОЗЕТа в Москве Шимен Диманштейн с гордостью заявил: «В Еврейской автономной области проведена полная коллективизация» и «Еще предстоит освоить миллионы гектаров новой, прекрасной целины» (из его речи в ЦИК СССР). В июне того же 1936 года у нас в области уже существовало пятнадцать еврейских переселенческих колхозов. Что в биробиджанских колхозах жизнь мрачна и горька, никого не удивляет. Чем они лучше колхозов в центре страны? (Кто-то и правда верит в экономические и правовые привилегии, которые обещали переселенцам?) Когда в области (с опозданием) провели всеобщую коллективизацию, и в ее столице Биробиджане жизнь стала тяжелее и сложнее.

Но есть и кое-какое утешение. Советское правительство создало на бескрайних, плодородных просторах области и другие хозяйства — советские (совхозы). Земля и всё остальное в совхозе принадлежит государству и рабочие получают зарплату, как на государственных заводах и фабриках. Формально сельскохозяйственные рабочие имеют все права и привилегии пролетариев, занятых в государственной индустрии.

Я знаю несколько совхозов у нас в области: молочно-огородный в Покровке, свиноводческий в Волочаевке, зверсовхоз в Биробиджанском районе и зерновой со-

вхоз в Сталинском районе. В этих совхозах существовали все объективные условия, чтобы занятым в них переселенцам был гарантирован хотя бы самый необходимый минимум. Я не хочу перегружать сою книгу лишними подробностями, поэтому из всех записанных мною фактов приведу только один.

В 1936 г. Еврейская автономная область была разделена на пять районов: Биробиджанский, Смидовичский, Бирский, Блюхеровский, Сталинский.

Сталинский — важнейший сельскохозяйственный район. Тут находится около 60% всех пахотных земель нашей области. Сельское хозяйство — основа экономики района. Здесь создан один из крупнейших зерновых совхозов. Его директором тогда был Дубнов, главой политотдела — Шапиро. Давайте послушаем, что рассказывают рабочие этого грандиозного совхоза.

«Отношение к людям совершенно недопустимое. Месяцами не выплачивают зарплату. После работы десятки человек стоят в очереди в контору: хоть бы десятку авансом. Нет сахара, чая, колбасы, кондитерских изделий и т. д. Об одежде и говорить нечего. За любой мелочью нужно ехать в Амурзет или Биробиджан. Антисанитария, отвратительная еда, не хватает хлеба, посуды. Во многих домах ужасно холодно. Чтобы найти полено, надо не один час побегать, но и то не всегда найдешь. Школу до сих пор не построили, ученики теснятся в здании Сталинского техникума. Из-за холода уроки часто прерываются...» («Биробиджанер штерн», 10 февраля 1936 г.).

Так обстояли дела в самом богатом совхозе, и, думаю, нет смысла описывать условия, в которых жили переселенцы в совхозах поменьше.

Охота

Каждый раз, когда я вспоминаю, как Шимен Димантштейн с торжеством заявил, что в Еврейской автономной области проведена полная коллективизация, я невольно начинаю думать об охоте, точнее, об охотниках.

Почти все переселенцы живут здесь в других условиях, не таких, как раньше. Для нас, городских, это на грани с экзотикой. Куда ни повернись, повсюду первозданная тайга, в которой обитают всевозможные звери, чей мех дороже золота. Значительная часть идет на экспорт. Охотиться можно почти в каждом районе. До того, как мы, евреи, приехали сюда, охота была здесь хорошим источником дохода для старожилов, особенно в Пузино, Бирском районе, Волочаевке, Биджане, Бабстово. Охотятся круглый год, но в январе и феврале можно отловить наиболее редкие экземпляры. Тут водятся уникальные животные, которых продают в музеи и зоопарки страны, а также за границу — за иностранную валюту.

Но еврейским переселенцам это занятие совершенно чуждо. Опытные охотники не хотят делиться знаниями. Еврею, который отважился отправиться с наставником в таежные дебри, нередко приходится выслушивать в свой адрес пакостные антисемитские шуточки.

До сих пор охотник всё, что он поймал или застрелил, считал своей собственностью и свободно продавал на рынке. Но с той минуты, когда охотников принудили сдавать все трофеи в специально организованный кооператив, этот источник заработка начал иссякать. А что, в тайге зверей меньше стало? Ими там кишмя кишит. Но

охотники всё реже и реже ходят в тайгу, а те, кто все-таки ходит, пытаются спрятать трофеи от посторонних глаз...

Каждый охотник получает индивидуальный план по добыче пушнины, которую он обязан сдать государству. Те, кто состоит в колхозе, в те дни, когда охотятся, освобождаются от другой работы. И всё равно возвращаются из тайги с пустыми руками. И у них всегда проверяют не только ягдташи, но и далекие заимки. Такое унижение гордых таежных людей вызывает возмущение даже у членов партии, а у охотников усиливается ненависть к еврейскому руководству области, а заодно и к замученным рядовым переселенцам, хотя отрасль почти полностью в нееврейских руках.

Мое хобби

Еще в Киеве я носилась с идеей, что сразу, как только приеду, начну собирать материалы по истории еврейского культурного строительства в Еврейской автономной области. Это желание появилось не вдруг. Я не хотела, чтобы здесь произошло то же, что в центре, а именно: там не сохранили важные материалы и аутентичные документы, на которых должно основываться серьезное исследование возникновения и развития еврейского культурного строительства в СССР. Осталось очень мало материалов о разногласиях и разных направлениях, существовавших у тех, кто делал эту работу. А если вы возьмете в расчет, что в Советском Союзе принято уничтожать документы о «нежелательных» явлениях, вы

поймете, почему у нас тогда не могло быть основательных исследовательских работ об истории советско-еврейского культурного строительства.

В Биробиджан я приехала с чувством, что Еврейская автономная область — моя, чуть ли не мое личное имущество. Поэтому я должна как можно скорее всё узнать о своем имуществе: какие еврейские культурные и образовательные учреждения у нас тут уже есть, что они собой представляют, откуда взялось то, чем сегодня обладает Биробиджан. И я сразу бросилась собирать материалы — чтобы не пропали ни один факт, ни одна попытка, предпринятая тут на ниве еврейского национального культурного строительства. Я очень хотела узнать и зафиксировать для будущих поколений, как вместе с первыми еврейскими переселенцами здесь проклюнулись ростки еврейской культурной работы. Это и становится моим «хобби».

Работы здесь много, а людей мало. Были в Биробиджане культурные деятели, гораздо более загруженные, чем я. Но и я ужасно занята: работаю в научно-исследовательской комиссии, я лектор в педагогическом техникуме и руководитель методического кабинета. И все-таки каждую свободную минуту возвращаюсь к своему хобби.

И хотя вскоре пришло горькое разочарование, буквально на грани с отчаянием, хобби осталось. Оно доставляет мне удовольствие и даже помогает ненадолго забыть о печальной действительности.

Мои товарищи рады, что я оставляю себе так мало времени задумываться о тяжелом моральном состоянии, в котором мы все находимся. В шутку они называют меня «первый историограф еврейской культуры в Еврейской

области». Но я знаю, что между собой, говоря обо мне, они часто используют старинную русскую поговорку: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Я собираю документы, в первую очередь те, которые *случайно* сохранились в учреждениях разных поселений, а главное — у частных лиц. Меня интересует, как начинали идишизировать почту, суд, делопроизводство в сельсоветах, колхозах, кооперативах, профсоюзах и т. д. Я уже собрала множество живых свидетельств, которые второпях записываю от переселенцев, когда встречаюсь с ними в разных поселениях, куда приезжаю при первой возможности. Эти воспоминания о ранних событиях, пережитых переселенцами, яркие и поучительны.

Во втором томе книги «На путях и перепутьях» я уже рассказывала, с какими трудностями было связано мое хобби. И еще я рассказывала там, как аккуратно, тщательно эту почти законченную исследовательскую работу я своими руками сожгла в своей биробиджанской печке...

Остается только добавить, что пепел я залила водой и перемешала палкой. Мешала, пока от моей любимой работы не осталась горстка серой кашицы.

Вы, наверно, подумаете: «С ума сошла, что ли?» И ошибетесь. Я уничтожила свою работу, находясь в здравом уме. Зачем? Чтобы энкавэдэшники, которых я каждую ночь ждала уже во второй половине 1936-го, не нашли и следа собранных материалов. Потому что для кого, если не для японских врагов, такой человек, как я, мог их собирать?

Школы, детские сады, педагоги и униженные книги

Когда в мае 1935-го я приехала в Биробиджан, во всей Еврейской автономной области существовало девяносто школ. Правда, «школы» — это одно название. Маленькие, убогие, бедные — русские, еврейские и корейские. Училось в них 10 200 детей.

В школах старых русских поселений были организованные еврейские классы для детей переселенцев. Потом, когда приехало больше еврейских семей с детьми, открыли уже и еврейские школы. Но не всё в них благополучно, особенно с учителями.

Через два года, в 1937-м, я побывала в районных школах, где по-прежнему не хватало не только учебников и тетрадей, но даже перьев, чернил и карандашей.

Особенно удручает вид школьных зданий. В основном это старые, покосившиеся избышки, которые еще помнят былую станцию Тихонькую. Грязь в школах, особенно в маленьких поселках, обычное дело. Оконные стекла едва пропускают свет. Обвалившаяся штукатурка, облезлые стены в классах, в учительской, но никто не обращает внимания на такие «мелочи». Туалетов в школьных зданиях нет. Дети бегают на улицу, а морозы достигают сорока градусов. Количество учеников, отсутствующих по болезни, ужасающе велико.

Правда, нельзя забывать и радостный факт: в столице, Биробиджане, уже строятся два новых, больших, просторных здания — для русской и еврейской средних школ. На душе становится легче, когда видишь рабочих



Педагогический техникум Биробиджан

Харьковский альбом

на стройплощадке. Еще возводится здание интерната на восемьдесят детей, окончивших семилетку в поселках, где нет полноценных десятилетних школ. И еще одна русская школа поменьше строится на окраине города — у сопки, где живут пограничники с семьями. К 1 сентября 1936 г. также должны закончить здания еще двух русских школ — одно в Сталинске, другое в Лондоко.

В области есть прекрасные педагоги, пожилые и молодые. Некоторые из них пользовались хорошей репутацией еще там, в центре, откуда добровольно переехали. Они всей душой преданы своей работе. Но их число невелико, и они, за небольшим исключением, сконцентрированы в столице области.

Нехватка учителей очень велика. Областной отдел образования разослал письма в три народных комиссариата просвещения — РСФСР, Украины и Белоруссии —

с убедительной просьбой прислать нам 233 учителя и культурных деятеля. А пока? А пока мы здесь, в области, подготовим нескольких учителей сами. Биробиджанский педагогический техникум наскоро организовал в 1935-м и 1936-м подготовительные курсы учителей для еврейской и русской начальных школ. Но для курсов не хватает кандидатов с окончанным образованием. Что ж, значит, надо обходиться тем, что есть: на курсы принимают юношей и девушек, не окончивших... шести или даже пяти классов. Мы кусаем губы от досады и беспомощности: как они смогут учить детей? Есть серьезная опасность, что молодое поколение в Еврейской области вырастет совершенно безграмотным.

Кое-как набрали в педагогический техникум семьдесят шесть студентов, и только в 1935-м он выпустил первую маленькую группу. Второй выпуск — в 1936-м. На этот раз выпустили всего тринадцать человек. Кстати, среди них было трое иностранцев: Шмуэл Вайнер из Польши, Лейба Шуб из Литвы и еще один, фамилию не помню. Способный, утонченный Вайнер и Шуб, впоследствии печально известный как доносчик, остались работать в средней школе в столице.



Валдгейм был одним из старейших и богатейших еврейских поселений. Валдгеймский колхоз имени Лаврентьева создан в 1930-м. Это лицо области. Колхозники живут в почти городских квартирах. Туда везут самых почетных гостей из центра и из-за границы. Там живут и переселенцы, прибывшие из-за границы, некоторые — с 1932-го. Я еле дождалась случая там побывать. Ведь я так

стосковалась хотя бы по маленьким радостям. Мой статус сотрудника Областной научной комиссии дает мне возможность заглянуть там в каждый уголок. Сразу бегу в валдгеймскую еврейскую школу и вижу (поверьте, я ничуть не преувеличиваю): и директор, и учителя достаточно грамотные.

Расстроенная, бегу из школы в валдгеймский интернат для учеников из поселков, где в школах нет старших классов. Там я наверняка увижу образцовый порядок и человеческие условия, которые создал для детей богатый валдгеймский колхоз. Невозможно представить себе, чтобы здесь было такое же тяжелое положение, как в биробиджанском интернате. Но и здесь, как и там, ужасно холодно и грязно. И здесь, как и там, дети готовят уроки при керосиновой лампе с закопченным стеклом. Здесь, как и там, еда некалорийная и невкусная...

В Валдгейме лопнул еще один из моих последних воздушных шаров.



Малограмотных педагогов тогда хватало не только в Валдгейме. Послушайте, что рассказывает руководительница Биробиджанского городского отдела образования товарищ Кельман, выступая на пленуме Биробиджанского горкома партии: «Тут недавно провели диктант для учителей, и некоторые из них сделали по тридцать ошибок». А я сама лично держала в руках диктанты, где было... больше сорока ошибок! Кстати, учителя писали не один, а два диктанта: один на идише, второй на русском. Текст русского диктанта прислал из Москвы Народный комиссариат просвещения. Еврейский текст

составили два очень квалифицированных филолога: Копилевич и гражданка Жезмер — известные преподаватели Биробиджанского педтехникума. Тут надо добавить еще одну деталь: русский диктант подошел бы для... пятого, максимум для шестого класса. Кстати, заведующая Биробиджанским городским отделом образования товарищ Кельман сама была не очень-то знающей. Зато заведующий областным отделом образования Биньёмин Гольдфайн был разносторонне образованным человеком, прекрасным преподавателем, хорошо известным в киевских педагогических кругах. И не только еврейских, но и украинских. Еврейское ремесленное училище № 33, которое он возглавлял, было гордостью киевской еврейской педагогики.

Так стоит ли удивляться, что в области огромный процент детей остается на второй год? И еще выше число учеников, которые должны пересдавать экзамены осенью.

Читатель уже знает, что тайга занимает в области колоссальную территорию, и почти от каждого поселка до леса рукой подать. Наверно, вы удивляетесь, когда я говорю, что одна из главных причин, почему дети остаются на второй год, это морозы. В мороз школы не работают, потому что... нет дров. Так и написано во всех отчетах, которые школы сдают в конце учебного года. Читаешь такой отчет, и возмущению нет границ.

Горячий завтрак для учеников и учителей, месяцами не получающих зарплату, — это вопрос жизни и смерти, особенно зимой. Заведующие отделами образования ходят мрачнее тучи: надо срочно организовать при каждой школе ферму, на которой будут работать не посторонние, а сами ученики и учителя. Будут выращивать для себя

овощи, потому что на централизованную поставку продовольствия надеяться не стоит. Но нет семян! И еще они мечтают: каждой школе — корову и несколько свиней. Обивают пороги сельскохозяйственных организаций, но безуспешно.

Педтехникум тоже страдает от голода. «Плохое питание сказывается на качестве обучения, — пишет один смелый студент в “Биробиджанер штерн” 18 мая 1935 г. — На кухне не хватает продуктов, а цены очень высокие». Подпись — студент Чумак. Кстати, газета очень редко осмеливалась ясно писать, что в области недоедают.



Детских садов в области я знала тридцать шесть, почти все — двуязычные, с русскими и еврейскими группами. Воспитательницы, за редким исключением, некавалифицированные девушки, которые не могут работать из-за своей малограмотности. Нет мебели, пособий, игрушек. О питании. «Дети ни капли масла, ни капли молока не видят», — жалуются родители и воспитательницы между собой, а иногда и на собраниях.

В детском саду при швейной фабрике воспитательница еврейской группы приехала из-за границы. Она еще не знает, что здесь опасно говорить что думаешь, за это можно поплатиться. И открыто заявляет: «Повариха варит для них суп из кусков гнилой тыквы, еще немного пшена в миске плавает. Я такого ни за что проглотить не смогу, а мои детишки добавки просят». Но этого мало иностранной «контрреволюционерке», и она заканчивает: «А после такого “обеда” они еще поют: “Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство”!» Кстати, за

свою наивность она потом заплатила жизнью — оказалась в числе первых жертв.



И все-таки, несмотря на все эти извращения и будто врагам назло, школьное образование в области развивается. Правда, тут я сразу должна заметить, что растет не столько качество национальных учебных заведений, сколько количество. Это серьезная проблема, о которой я расскажу в следующих главах. Доказательством прогресса, думаю, могут послужить определенные факты, отмеченные в моей статье «Два года Еврейской автономной области», напечатанной в «Биробиджанер штерн» 6 мая 1936 г. Там сказано:

«В 1929 г. на территории современного города Биробиджана существовала одна-единственная маленькая школа на 150 учеников. Теперь здесь две большие средние школы и три начальные, в которых обучаются две с половиной тысячи учеников...

К концу 1934 г. во всех школах Еврейской автономной области училось 9200 учеников. Теперь, в 1936-м, их количество достигло 13000...

В январе 1936 г. в области работает 450 педагогов и требуется еще 300».

К новому 1936–1937 учебному году заведующий областным отделом образования опубликовал радостные новости. Сообщается, что всего за три месяца, к 1 сентября 1936 г., количество школьников в области выросло с тринадцати тысяч до семнадцати и что к новому учебному году приехали сто сорок учителей, только что окончивших советские вузы и техникумы в Москве, Одессе и



Детсад Валдгейма

Харьковский альбом

других городах (см.: Гольдфайн Б., «К новому учебному году», «Биробиджанер штерн», 1 сентября 1936 г.).

Хотя мне прекрасно известно, что качество детских садов в области почти не изменилось в лучшую сторону,

я не могу нарадоваться, когда сижу на первой областной конференции деятелей дошкольного образования (июнь 1936-го). На ней собралось восемьдесят воспитательниц из сорока двух детских садов, которые посещают 1400 детей. Зал украшен детскими поделками, техническими средствами обучения, методическими материалами и специальной литературой для воспитателей. Пояснения написаны по-еврейски и по-русски. Это экспонаты первой педагогической выставки, организованной областным методическим кабинетом (а я его заведующая). Кстати, эта выставка и весь кабинет уже прославились в педагогическом мире огромного Дальневосточного края. Во время школьных каникул краевой отдел образования организовывал для учителей коллективные посещения нашего кабинета. Из Хабаровска охотно приезжали школьные инспекторы, чтобы перенимать наш опыт. И мои сотрудники ни разу не отпустили их с пустыми руками: делали для них копии наших методичек, дарили наглядные пособия и технические средства обучения, которые они, биробиджанские еврейские методисты, изготавливали сами.



Впервые в своей педагогической практике я столкнулась здесь с одной специфической трудностью, которую испытывали все без исключения школы в области. Заключалась она в том, что почти в каждой группе переселенцев были дети, поэтому ученики поступали в школу в течение всего учебного года. Это снижало качество работы и еще больше увеличивало количество отстающих учеников. А кроме того, негативно влияло на психику но-

веньких, вырабатывало у них разные комплексы. Эта проблема сильно меня заинтересовала. Когда я получила задание организовать и возглавить областной методический кабинет, мы вместе с моими сотрудниками стали искать способы, как эту трудность преодолеть. Помимо прочего мы организовали индивидуальные консультации, на которых встречались учитель и ученик, плохо усваивающий учебный материал. Эта работа в известной мере смягчила ситуацию и доставила значительное удовлетворение коллективу методического кабинета.

Кстати, тут мне помог опыт, который я приобрела раньше благодаря исследованию похожей проблемы, которым я занималась несколько лет назад в московской 125-ой русской средней школе по заданию Киевского института еврейской культуры (см.: Шнайдерман Э., «Работа с отстающими учениками», Государственное издательство национальных меньшинств УССР, 1934. Издание Института еврейской пролетарской культуры Всеукраинской академии наук, педагогическая секция).



Еще в Киеве я знала, что в еврейской автономной области есть огромная многоязычная библиотека. Неслучайно мы отправили туда эрудированного ученого-библиографа И. Элиовича, который руководил грандиозной академической библиотекой в нашем институте еврейской культуры. И все-таки я была поражена, когда увидела богатства Биробиджанской городской библиотеки. Море еврейской и прочей литературы, от старинных раритетов до новейших изданий. В читальном зале я обнаружила такое сокровище: около двухсот двадцати со-

ветских и иностранных периодических изданий — газеты, научные, технические и литературно-художественные журналы из разных капиталистических стран. Иностранные газеты и специальную периодику присылают сюда со всех концов света совершенно бесплатно те, кто симпатизирует Биробиджану. Сомневаюсь, что таким колоссальным количеством иностранной периодики тогда могли похвастаться даже всемирно известные московские и ленинградские библиотеки. Ведь это связано с отправкой за рубеж иностранной валюты, а добиться, чтобы власть согласилась на такие расходы, было практически невозможно. И еще одно. Советская цензура обязательно просеивала каждое печатное слово, приходящее из-за границы. Но Биробиджан какое-то время (весьма непродолжительное) оставался счастливым исключением.

В январе 1936-го библиотека уже насчитывает около ста двадцати пяти тысяч томов. Ее выездные филиалы обслуживают рабочих двенадцати предприятий. Количество взрослых читателей по отношению ко всему населению невероятно велико. В детском отделении яблоку негде упасть. В библиотеку записаны все школьники города, от начальных классов до выпускных. Смотришь и думаешь: «А ведь мы и правда народ книги».

Но как только увидишь старую, тесную избушку, в которой расположена библиотека, радость сменяется гневом. И с каждым днем всё теснее, потому что коробки с книгами продолжают прибывать из различных организаций, советских и иностранных. Так эти коробки, нераспакованные, и лежат во дворе зимой и летом, а книги приходят в негодность.

В такой тесноте невозможно навести даже минималь-



Детская библиотека в Биробиджане

Харьковский альбом

ный порядок. Библиотекари, преданные своему делу, буквально валяются с ног. Строительство нового здания идет черепашим шагом. Библиотекари помогают, чем могут, но результат ничтожный.

Каждый раз, когда я туда прихожу, меня охватывает чувство вины перед читателями, терпеливо стоящими в бесконечной очереди за книжкой, и я не могу избавиться от стыда перед несчастными книгами, которые кучами валяются по всем углам...

Нас ненавидят

Здесь, в столице, я буквально задыхаюсь. Начинаю свободно дышать, когда вырываюсь из накаленной и враждебной атмосферы маленького городка, которую областной партком создает вокруг «нежелательных шовинистических чуждых элементов», таких, как я. Мне нравится ездить по области с докладами, посещать учительские семинары. Там ждут от тебя помощи, там чувствуешь себя нужным человеком, там прислушиваются к твоим словам. Но мне тяжело смотреть в глаза местным русским, особенно в приамурской полосе на границе с Маньчжурией. Я ясно чувствую их ненависть. Знаю, что в казацком селе Дежнево дома высланных кулаков отдали еврейским переселенцам. Мало того, русских заставляют (как и в центре страны) разваливать собственные хозяйства и вступать в колхоз вместе с какими-то еврейчиками, которые лопаты в руках не держали.

Ну ладно, казаки примирились бы с горсткой беспомощных еврейских колхозников. Но беда в том, что новые группы евреев прибывают постоянно. И дежневские русские не могут скрыть от меня презрения и ненависти к «понаехавшим» евреям и еврейским властям в Биробиджане. А ведь я тоже оттуда. Я для них представительница этой ненавистной власти. И то же самое в Пузино и Квашнино.

Некоторые переселенцы здесь чувствуют себя увереннее, чем в центре страны: здесь власть все-таки еврейская. Лезут в драку, пишут жалобы в облисполком, обращаются в суд.

Но многие совершенно подавлены. Жалуются мне: «Та же история, что там, где раньше жили. Вредят нам, ненавидят. Не знаешь, что завтра будет. Вечером страшно из дому выйти...»

Те русские, которые поумнее, поступают иначе: боятся новых еврейских хозяев области, скрывают свою ненависть, льстят приезжающим представителям власти: «Присылайте к нам еврейских переселенцев, мы поможем им стать хорошими колхозниками». Но их симпатия к новоприбывшим евреям шита белыми нитками. Я их понимаю: евреи будут для них какой-никакой защитой от новых репрессий...

Нас ненавидят не только старожилы, но и новые нееврейские переселенцы, особенно украинцы. Время от времени что-нибудь выходит наружу: «Приехали украинские хлопцы, напились, ворвались в рабочее общежитие и с криками “Бей жидов!” напали на испуганных людей» («Биробиджанер штерн»).

Особенно выделяются обитатели барачной конторы «Биробиджанстрой». Тут доходит до открытых призывов к погромам. Твердят: «Вы не способны к строительным работам и отбираете у нас заработок». Сигнализируют наверх, но начальство слишком занято и обычно никак не реагирует. Это придает антисемитам храбрости, и они продолжают свое святое дело. Рабочий Л. Зуровский пишет в «Биробиджанер штерн» 2 июня 1937 г.: «Когда начали приезжать еврейские железнодорожники, они сразу столкнулись с антисемитскими выходками, даже со стороны местного руководства. Ведь приезжие не знают, как работать в незнакомых условиях, надо их обучить, а более опытные нееврейские коллеги не хотят этого сделать».

«В железнодорожном депо станции Ин бывший колчаковец в течение продолжительного периода притеснял рабочего Цыбенко, потому что тот — еврей. Антисемит и классовый враг до последнего времени безнаказанно работал в мастерских» (из статьи «Выше бдительность» С. Кремера в «Биробиджанер штерн» от 28 февраля 1935 г.).

Уже 1937 год, Еврейская область — свершившийся факт, а они всё бунтуют и не могут смириться, что бок о бок с ними работают еврейские железнодорожники.

В депо той же станции Ин пришла на работу довольно большая группа евреев. И вот что получилось: «До сих пор не ведется никакой борьбы с хулиганско-антисемитскими выступлениями отдельных лиц, которые часто пытаются даже издеваться над переселенцами. Жертвой притеснений стал переселенец Кабатянский. Свою антисемитскую ненависть к нему выказывают русские Левицкий и начальник депо, член партии Ширманов, а также другие русские в депо. Ширманов издевается над кочегаром Абрамовичем... Жестокое, нечеловеческое отношение к этим двум еврейским переселенцам тщательно скрывается», — жалуется еврейский корреспондент 28 апреля 1937 г. «Особенно дает о себе знать антисемитизм русских руководителей, которым подчинены переселенческие колхозы. Вместо того чтобы спокойно обучать переселенцев сельскому хозяйству, с которым они незнакомы, против них ведут антисемитскую агитацию: “Евреи ленивы, не хотят работать”» («Биробиджанер штерн», 11 марта 1937 г.).

Иногда подстрекатели попадают под суд, но это капля в море.



Переселенец из Польши Абелевич – монтажник в пос-Лондоко

Харьковский альбом



В приамурской полосе (в Блюхеровском районе, в Бабстово и других местах) есть школы, где дети разделились на два лагеря — русский и еврейский и систематически дерутся друг с другом.

Даже прямо у нас под носом, в русской школе Биробиджана, некоторые русские школьники давно ведут тихую войну против своих еврейских соучеников.

Раз в сто лет бывает, что какое-нибудь собрание идет на идише. И русские сотрудники протестуют: «Почему вы ведете собрание не по-русски? Не видите, что ли? Здесь же двое русских сидят, они вашего языка не пони-

мают!» Одни ведут себя более корректно, другие сопровождают свои выступления антисемитскими насмешками. Бывает, правда, что и русский член партии одергивает зарвавшегося антисемита, требует открытого суда над ним. Но такое происходит очень, очень редко.

«На собрании механических мастерских города Биробиджана, когда проводились выборы в горсовет (собрание шло на идише, но речи выступавших сразу переводились на русский), Иванов начинает черносотенную контрреволюционную антисемитскую агитацию и пытается сорвать собрание. Но и этот факт проходит для Иванова безнаказанно» («Биробиджанер штерн», 14 марта 1935 г.).

Кстати, антисемитские выступления часто идут рука об руку с пьянством, моральным разложением, прогулами, развратом и другими пороками.

До сих пор помню то горькое чувство. Когда я впервые столкнулась здесь с ненавистью к евреям, я была просто поражена: и здесь?! У нас в доме? Здесь, где мы — титульная нация? Даже здесь, где мы потом и кровью превращаем тайгу в цветущий край, кто-то гавкает на нас? Даже здесь нас считают лишними?

Здесь каждый случай антисемитизма более заметен, чем в центре страны. Здесь такое воспринимается гораздо тяжелее, гораздо болезненнее.

Но не всеми. Как правило, руководители притворяются, что ничего не видят и не слышат, а если и замечают, то делают вид, что это ерунда, мелочь, в лучшем случае трактуют это как «хулиганство, порожденное политическим невежеством». Только слепые не видят горькой правды: партийному руководству области не хватает смелости дать отпор антисемитским подстрекатель-

ствам, фактически обращенным против него самого. На первый взгляд казалось, что оно стыдится бороться с антисемитизмом. Но за этой сдержанностью скрывалось унижительное чувство страха, как бы их не заподозрили в «великодержавном еврейском шовинизме». Ведь мы же здесь не меньшинство, а главенствующая нация! И это глубоко оскорбляло еврейское население, а антисемитам прибавляло храбрости.

Тут я должна напомнить читателю, что большевистское учение требует: если ты осудил антисемитизм, немедленно, в той же фразе ты обязан осудить еврейский шовинизм. Разумеется, в Еврейской автономной области этот принцип соблюдался строже, чем где бы то ни было. Даже если в прессе изредка появлялась статья о вопиющих фактах антисемитизма, там всегда перевешивало предупреждение: «Но прежде всего не забывайте бороться с еврейским шовинизмом!»

Случалось, что после такой статьи устраивали специальное собрание фабрики, учреждения. Но о явных погромщиках говорили нежно, мягко, звали на помощь известного русского человека, чтобы он высказался о том, как это отвратительно — ненавидеть друг друга. Однако добром нужного результата добивались нечасто, и антисемит опять брался за свое. Бывало, — правда, совсем редко, — что заводили дело и осуждали за *хулиганство*. Один такой суд, который был сразу после моего приезда в область, произвел сильное впечатление и на еврейское, и на нееврейское население. Суд проходил в кимканском клубе железнодорожников. Судили некоего Кислидского. Он высказывался против евреев, угрожал убить еврейского рабочего Лошакова. Виновному назначили два года лишения свободы. Номер «Биробиджанер

штерн» от 6 июня 1935 г., в котором была статья об этом суде, полностью раскупили в тот же день.

Хорошо помню, с каким удовлетворением простые биробиджанские еврейки рассказывали мне о выездной сессии Биробиджанского городского суда в селе Казанка, прославленном антисемитскими эксцессами. Состоялся открытый суд над неким Манинковым, получившим полтора года тюрьмы. Суд был сразу после моего приезда в область. Через годы я нашла статью облпрокурора Александровского об этом суде и обрадовалась, будто встретила старого друга. Там написано:

«25–28 декабря 1934 г. Биробиджанским городским судом в селе Казанка был проведен показательный процесс по делу антисемита Манинкова. На вечере в честь Октябрьской революции 7 ноября 1934 г. он заявил: “Терпеть не могу жидов и их жидовские песни”. Среди присутствующих были трое евреев. Он опрокинул миску с едой на голову гражданки Гофман».

Но Манинков в Казанке не один такой. Читаем: «В той же Казанке на строительном участке №1 прокуратура вскрыла три подобных случая. Член партии Таченко защищает Манинкова, высмеивает евреев, рассказывает антисемитские анекдоты, не понимает, что плохого в слове “жид”» («Биробиджанер штерн», 25 января 1935 г.).

Хоть и очень редко, всё же бывают отвратительные случаи, когда, наоборот, евреи выступают против русских: «В переселенческом колхозе на каком-то празднике, когда пришел председатель сельсовета Шелковников, некий Плоткин крикнул: “Вот явился Фонька-квас, наша власть!” И тут же, пользуясь физическим преимуществом, схватил Шелковникова и стал заталкивать ему в

рот еду со стола» (из статьи Я. А. Александровского «В борьбе с великодержавным шовинизмом и местным национализмом», «Биробиджанер штерн», 25 января 1934 г.). В той же статье автор рассказывает об антисемитских нападках на евреев. Прокурор области Александровский был ассимилированным евреем средних лет, с красивой еврейской бородой.



Думаю, здесь необходимо сказать, что в Еврейской автономной области существовал не один, а два вида антисемитизма. Первый, о котором я только что рассказала, — старая, прекрасно известная ненависть к евреям, свойственная большей части нееврейского населения. Такой антисемитизм был в Биробиджане стихийным, неорганизованным, часто спонтанным, никем не поддерживаемым, более того, как и во всей стране, он был официально запрещен государством.

В противоположность первому второй вид антисемитизма, легальный, хорошо организованный, был специфическим биробиджанским явлением, и руководил им не кто иной, как... еврейский областной партийный комитет, то есть высшая инстанция.

Пусть читатель не думает, что эта антисемитская деятельность была случайной, неосознанной или что это была лишь злая воля биробиджанских партийных руководителей. Ничего подобного! Это было прямое, ясное задание, которое они получили в Москве, в ЦК ВКП(б), когда их назначали на должность. И, как мы увидим позже, приехав в Биробиджан, они выполняли этот заказ с величайшим рвением.

Если вы спросите меня, какой вид антисемитизма был для Еврейской автономной области вреднее, опаснее, я отвечу без колебаний: для нееврейского населения ненависть к евреям была «нормальным» явлением и принесла области и советским евреям меньше вреда, чем второй вид — официальный государственный антисемитизм.

Под какими «революционными» лозунгами велась эта антисемитская деятельность? Какие *средства* использовало партийное руководство, выполняя эту работу на практике, в повседневной жизни? И самое главное: чего хотела добиться коммунистическая партия своей систематической антисемитской деятельностью именно здесь, в «национальной еврейской области»? Даже точнее: какую *конечную цель* ставила перед собой ВКП(б)? И наконец: достигла ли она этой цели?

Об этом, опираясь не только на память, но и на конкретные события, факты и документы, я постараюсь рассказать в следующих главах.

**Из жизни
в Биробиджане**



Первый прием

Май 1935-го. Я в Биробиджане уже несколько дней, а Хавкин, первый секретарь партии, всё не зовет на аудиенцию. Нервничаю, места себе не нахожу. Наконец-то оповещают: «Ты должна явиться к Хавкину». Либерберг и Борух пытаются меня подготовить: «Ничего особенного не жди...»

Главное, что мне сообщает Хавкин (разговор ведется на ломаном русском): «Знай, что к нам приезжают с партийным билетом, а уезжают с железнодорожным билетом...» После каждого такого высказывания хохочет во всё горло. Обращается ко мне на «ты». Я сижу и молчу.

Прием окончен: берет со стола колокольчик, звонит, входит секретарша. Хавкин приказывает: «Выпиши ей пропуск в столовку для партактива». Ухожу как оплеванная.

На областном съезде учителей

Я выступаю с докладом по методике преподавания на большом областном съезде учителей. Уже под конец яв-

ляется Матвей Павлович Хавкин со своей свитой. Присутствующие аплодируют мне. И тут берет слово Хавкин: «Не слушайте, что она несет, пусть она вам голову не дурит.

Лучше спросите ее, почему у нас в школах такой низкий уровень».

Народ молчит. Все смотрят на меня... Домой возвращаюсь с жуткой головной болью.

Меня отправляют с поручением

Первая половина 1936-го. Вижу издали: идет мне навстречу. Рядом семенит Дикштейн, почтительно приотставая на четверть шага. Не успеваю перейти на другую сторону улицы. Меня заметили. «О, профессорша! — говорит Хавкин по-русски, разумеется, с чудовищным акцентом. — Ты чего по улицам болтаешься?»

Я только что отчитала два своих часа в педтехникуме, посоветовалась с Бейнфестом в Научной комиссии, а теперь бегу в методический кабинет, где меня ждут несколько учителей, чтобы получить консультацию.

— Чего такая грустная?

Я молчу. При нем всегда лучше молчать: что бы ты ни сказал, он тебя с грязью смешает. Он осматривает меня с головы до ног, зевает. И вдруг выдает (наверняка прямо сейчас придумал):

— Ты на самолете уже летала?

— Нет, — говорю, — не летала.

— Ну вот и развеешься немножко. В Сталинск слетаешь, помотришь там сельскохозяйственный техникум.

На минуту замолкает, чтобы поковырять в зубах. Покончив с этим важным делом, продолжает:

— Они там какие-то гнилые сионистские штучки затеяли! Присмотрись к ним хорошенько. Вернешься — отчитаешься. Оттуда еще в Николаевск-на-Амуре смотаешься. (Вообще-то это неблизкий путь!) Там русский сельскохозяйственный техникум посетишь. Посмотришь, чему у них поучиться можно, чтобы в нашем Амурзетском техникуме использовать. Главное, ознакомься там с их учебной программой для всех курсов. Сравни с нашей, сделай надлежащие выводы. И мне их в письменной форме.

— Хорошо, — говорю с изумлением, — но что я понимаю в сельском хозяйстве? Мне трудно рожь от пшеницы отличить... — заканчиваю уже совершенно растерянная.

И сразу слышу поток оскорблений (уже не в первый раз):

— Говорю же, свалил Либерберг на меня толпу дармоедов, ученых, профессоров... С партбилетами в кармане! Здесь работать надо, строить, а не по улицам шляться да романы читать! Не знаешь, чем рожь от пшеницы отличается? Это любой деревенский парубок знает! — И дальше: — Не раз говорил: на что партия деньги тратит?! Опять двадцать пять, партийный кадр! Профессорша, а не может свинью от быка отличить. Профессорша! Сколько тысяч государство на твое обучение потратило?

Орет во всё горло. Я стою как помоями облитая.

— Отчет — мне лично в руки!

Вокруг уже толпа собралась. Кто поближе, кто подальше. «Хавкин! — шепчутся. — Мозги ей вправляет! Вот так сцена, сфотографировать бы... Будет о чем посплетничать».

Дикштейн, секретарь горкома, верный слуга и любимчик Хавкина, стоит молча, с каменным лицом, руки по швам. Маленького роста, но вымуштрованный солдат, кавалерист, что заметно по специфически кривоватым ногам. Не зря его за глаза называют «денщик Хавкина».

Вдруг Хавкину надоедает меня воспитывать, он поворачивается и уходит. Дикштейн бежит следом. Униженная, я стою на тротуаре и кусаю губы. Хоть бы никто не разглядел выражения моих глаз!

В тот же день Хавкин сказал Либербергу: «Отправил я твою профессоршу куда подальше, чтобы наконец-то делом занялась. Хватит по Биробиджану болтаться!» Кстати, в облисполкоме, хотя именно он, а не партия, должен был послать меня в командировку, ничего не знали.

После каждой такой лекции Либерберг и Борух из всех сил стараются меня уговорить: «Не принимай близко к сердцу. Смотри на это проще, к строительству области это не имеет отношения. Ничего не поделаешь, придется нам всем помучиться».

И началась история: сперва секретариат облисполкома долго добивался от Хавкина, чего ж он желает, наш правитель. В конце концов всё прояснилось, и я, хотя мой отъезд и причинил немало вреда трем учреждениям, где я работала, полетела на Амур. Поездка оказалась интересной. Я много узнала про область, про могучую реку Амур, про старые русские дальневосточные города, про жизнь в советском еврейском совхозе. Но годится ли программа Николаевского сельскохозяйственного техникума для нас, я, несмотря на все усилия, так и не разобралась.

Всю дорогу я не могла забыть скандал, который Хавкин устроил посреди улицы. В ушах стоял его крик:

«Профессорша! Ученая! Видали мы таких!» Это мешало наслаждаться впечатлениями, по ночам спать не давало... Мысль, что я вернусь в Биробиджан и опять должна буду встретиться с Хавкиным с глазу на глаз, не оставляет в покое. А еще предстоит писать отчет о поездке и моих «достижениях». Возвращаюсь с тяжелым сердцем.

Пришлось изрядно попотеть над письменным отчетом о вещах, о которых я до сих пор имела очень слабое представление. Наконец пошла просить аудиенции у главы области, у Хавкина. Несколько раз являлась с отчетом в приемную. Каждый раз секретарша заглядывала к нему и, выйдя, разводила руками: «Не могу к нему подступиться, отсылает меня: “Потом, потом...” И так день за днем. А работа в трех моих учреждениях страдает: лекций не читаю, заседания Научной комиссии пропускаю, методический кабинет без присмотра. А как же иначе, если у товарища Шнайдерман приказ: отдать отчет лично в руки товарищу Хавкину!

Так я и ходила с этим отчетом не одну неделю, пока... однажды секретарша не вышла из его кабинета: «Он еле вспомнил, о чем речь. А когда вспомнил, только отмахнулся: “Зачем она с этим отчетом ходит ко мне, к первому секретарю области? Скажите ей, пусть отнесет куда положено. Сама, что ли, не знает, кому должна его отдать?”»

Я опять стою как оплеванная. Потом отношу отчет в облисполком, куда положено. Раньше я не могла этого сделать, Хавкин же ясно приказал. И на много-много дней и ночей остались обида и горькое чувство, что от работы меня оторвали нарочно. Но долго переживать не пришлось, потому что через очень короткое время обида была вытеснена новым плевком в лицо. Так мы и жили,

делали нужную работу от унижения до унижения.

Исключили из партии меня сразу после того, как из Москвы пришло известие об аресте Либерберга. Но вскоре пришла телеграмма из Дальневосточного крайкома ВКП(б): «Срочно приезжайте». Там мне вернули партбилет и сказали: «Мы не позволим разбазаривать национальные кадры». Но так как в Хабаровске арестовали Губермана, меня в Биробиджане опять исключили из партии и на V областном пленуме ВКП(б) нас с Либербергом вывели из состава обкома. Пленум состоялся 4 октября 1936 г. Когда и как в биробиджанской прессе написали про мое исключение из партии, точно не помню. Затем меня постепенно сняли со всех постов, и я не знала, чем занять себя, что делать пустыми днями и бессонными ночами.

И тут начинается череда бед и мучений. И вечером, ложась спать, я очень тщательно, аккуратно складываю рядом одежду: чтобы энкаведешники, когда придут меня арестовывать, не увидели меня раздетой. Кстати, эта привычка сохранилась у меня до сих пор.

Матвей Павлович Хавкин и Арон Волобринский

Еще до официального провозглашения Еврейской автономной области в еврейских кругах ходили слухи, что ЦК ВКП(б) ищет для нее подходящего хозяина.

Хозяин любой области — первый секретарь обкома. Тот, кого ЦК назначает на эту высокую должность, — абсолютный монарх, которому остальные крупные и мелкие начальники подчиняются беспрекословно, даже не

думая возражать или просто высказывать свое мнение, потому что их жизнь, как и жизнь любого гражданина, полностью в его руках.

Еврейская автономная область не была исключением и не могла быть. Более того, диктатура должна была принять здесь более уродливую форму, чем где-то еще. На то существовали особые причины.

Мы в Киеве с большой тревогой пытались угадать, на кого падет выбор Сталина. Мы хорошо знали, что будущий диктатор еврейской (в точности как и любой другой) области не сможет стать более чем марионеткой в руках московского правителя, но все-таки для советских евреев проблема личности стала очень важна. Гораздо важнее, чем была во время всей еврейской работы в центре страны до тех пор.

Способных, опытных, более или менее образованных еврейских партийных деятелей тогда хватало. И на Украине, и в Белоруссии, и в Москве были люди, прекрасно подходившие для этого высокого поста, которые могли бы вполне достойно представлять и для советских, и для иностранных евреев первую в мире еврейскую социалистическую автономию.

Но ни один из них не подходил из-за своего политического прошлого: почти все они, кроме Шимена Диманштейна и еще нескольких, когда-то состояли в еврейских национальных партиях. У ЦК компартии хорошая память, он им попросту не доверял. Поэтому там, наверху, искали и выбирали очень долго.

В конце концов партия нашла человека, не запятнанного национализмом: на высшую еврейскую должность был назначен Матвей Павлович Хавкин. Даже рассказывать стыдно, но это правда. Ни на кого другого, но имен-



М.П. Хавкин
Харьковский альбом

но на него — циничного, тупого самодура, толком не знавшего ни еврейского, ни русского языка, пал выбор партии. Только ему она доверяла.



«Смотри не забудь! Туда, где мы поставили тебя хозяином, без конца едут еврейские шовинисты. Надо как следует за ними присматривать, ведь они надеются, что вдали от центра им удастся то, что не удалось ни на Украине, ни в Белоруссии. Теперь они хотят превратить Биробиджан в националистическое еврейское гнездо...»

Не помню ни одного заседания, партсобрания или митинга, где Хавкин с омерзительным чванством не сказал бы, *когда* и *где* он получил этот наказ. Правда, каждый раз он по-новому приукрашивал, добавлял подробности, но суть оставалась та же самая.

Где же Хавкин получил этот наказ? В Москве, в ЦК ВКП(б), точнее — в кабинете секретариата.

Когда он его получил? Во время беседы, которую секретарь организационного отдела провел с Хавкиным перед его отъездом в Биробиджан, где он вскоре должен был стать «единогласно избранным» первым секретарем областной парторганизации.

Вот эти «когда» и «где» Хавкин всегда называл точно. Ни разу не перепутал.

Прошло уже больше сорока лет, а я до сих пор не могу избавиться от горького чувства, тогда угнетавшего и мучившего нас, близоруких. Тех, кто еще недавно, несмотря на постоянные сомнения, которые уже много лет точили ум и совесть, верил в добрую волю партии и всерьез воспринимал ее лицемерный политический спектакль под названием «Еврейская автономная область».

Центральный комитет не ошибся в Хавкине. Еще сегодня мое лицо пылает от стыда и отвращения, когда в

памяти всплывает образ этого человека, «представлявшего» Еврейскую автономную область. Этот безграмотный, недалекий парень со своим пренебрежением, со своим слепым недоверием и *ненавистью* ко всему, что имеет отношение к еврейскому народу, был выбран партией, чтобы исполнить ее приказ.

Хавкину прекрасно известно: чтобы победить врага, надо знать, чем он дышит. Поэтому он, хозяин, должен точно знать, что происходит там, внутри, в советско-еврейском культурном мире. Но этот мир ему дико чужд. Кстати, не менее чужд, чем русский или любой другой культурный мир. Хавкин обеспокоен: что у нее на уме, у немногочисленной говорящей по-еврейски интеллигенции с партбилетами и без партбилетов? Что она копошится, что суетится вокруг биробиджанских культурных учреждений? Некоторые из этих интеллигентов, совсем обнаглевшие, даже утверждают, что надо идишизировать область и бороться с тенденцией к русификации... Даже с ним, с самим Матвеем Павловичем, они разговаривают по-еврейски, хотя он с гордостью заявляет: «Я не знаю идиша!» И он всегда отвечает им на своем ломаном местечковом русском, с гортанным еврейским Р, звучащим у него как Х...

Партийная бдительность подсказывает ему: не зря там, наверху, в Москве, его предупреждали: не может быть, чтобы все они внезапно, без тайного умысла побросали в центре страны свои непыльные должности и отправились сюда, в далекую, дикую тайгу...

Хавкин не доверяет нам и ненавидит нас, особенно тех, у кого есть ученая степень, и «бывших», которые когда-то состояли в «контрреволюционных национальных партиях». Он не в силах скрыть свою ненависть. Где

только можно, он высмеивает и унижает нас. Но этого мало, он любит иногда якобы в шутку сказать, разумеется, по-русски: «Надо тебя хорошенько разжевать!» И в его наглой ухмылке каждый из нас ясно видит: Хавкин, местный царек, пытается скрыть чувство собственной неполноценности и моральную беспомощность перед нами — его жертвами, которые остаются для него загадкой.

Чтобы нас «хорошенько разжевать», ему нужен обученный персонал, в одиночку ему не справиться. Правда, он привез с собой целую свиту, которая выполняет его приказы, но от нее мало толку, потому что она слишком невежественна. Даже наиболее интеллигентные не разбираются в том, что делают «злые националисты». Поэтому лучше бы найти своего человека там, в самой еврейской культурной среде. Того, кто остается в ней до сих пор. И он стал искать.

Выбор пал на Арона Волобринского.

Кто же он, этот Арон Волобринский?

В анкетах он пишет, что он сын рабочего, родился в Минске в 1900 г. Минские переселенцы знали, что он учился в хедере и в ешиве, славился своими способностями, позже зарабатывал уроками древнееврейского языка.

До Октябрьской революции он был левым поалейционистом, печатал статьи в партийной прессе.

С 1922 г. он пишет антирелигиозные памфлеты, большевистские трактаты о языке и литературе для советских еврейских литературно-критических и филологических периодических изданий и сборников, а также для коммунистических и комсомольских ежедневных газет («Дер эмес», «Юнгвалд» и др.).

Волобринского считают хорошим и заслуживающим доверия переводчиком. Уже в 1924-м ему доверяют перевести с русского на идиш «Историю Российской Коммунистической партии» Григория Зиновьева. Тогда это был чуть ли не самый главный справочник по истории большевизма.

Еще через два года в переводе Волобринского выходит книга о роли зубатовщины и гапоновщины в российском рабочем движении.

Он хорошо разбирается в вопросах статистики, демографии и экономики. Под редакцией Волобринского (вместе с Гилелем Александровым) в 1929 г. в Минске издаются важные статистические и демографические материалы о еврейских местечках и еврейских колхозах в Белоруссии. Под их же редакцией в 1932 г. выходит знаменитый «Общественно-экономический сборник». Какое-то время Волобринский — член редакции минского еврейского литературного журнала «Дер штерн». Он автор книги «Историческое учение Карла Маркса», изданной Минским институтом еврейской культуры при Белорусской академии наук. Там он работает и оттуда же приезжает в Еврейскую автономную область.

Его прислали сюда на работу в Научную комиссию, которая должна постепенно вырасти в полноценный научно-исследовательский еврейский институт. (Я тоже там работаю.) Еврейская область нуждается в таких эрудированных ученых, как Волобринский. Очень быстро он становится одним из активнейших культурных деятелей, выступает с докладами о еврейской литературе, еврейской терминологии и общих языковых проблемах, о марксистско-ленинском учении и «контрреволюционном сионизме». Каждое выступление может служить об-

разцом большевистской бескомпромиссности, призывает к бдительности по отношению к врагам революции...

Арон Волобринский — способный человек с обширными знаниями и исключительной памятью, но со слабой волей. Совершенно бесхребетный. Всё его поведение говорит, что он очень хочет сделать общественную и научную карьеру. Вскоре он становится в Биробиджане образцом партийной бдительности, он всегда готов поймать вас на идеологической или, главное, националистической ошибке. Постоянно держит ухо востро. Люди дрожат, едва слышав его шаги. Всеми силами стараются его избегать. Мы знаем: он доносит Хавкину, передает каждое слово и еще от себя добавляет.

Почему Хавкин выбрал именно Волобринского. Потому что он и правда хорошо ориентировался во всех советско-еврейских проблемах. И только тот, кто знает всё, что происходит в советской еврейской культуре, литературе, искусстве, только тот в состоянии помогать успешной борьбе с нежелательными «националистическими» элементами, которыми переполнена область... В основном это сторонники Иосифа Либерберга, председателя облисполкома. Он или привез их с собой, или написал, добился, чтобы их прислали.

Главное, что требуется от помощника правителя, это умение бороться с такими элементами. Но это не единственное необходимое качество. Кроме умения, кандидату в помощники для такой «работы» нужны еще соответствующие черты характера...

И Волобринский обладает этими необходимыми чертами. А именно: трусливый от природы, он сильно напуган диктаторской властью Хавкина, его жестким обращением с еврейской интеллигенцией. Волобринский боит-

ся потерять свои научные и общественные позиции и стремится сделать большую карьеру. Он надеется, что не Бейнфест, сегодняшней председатель Научной комиссии, но он, Волобринский, за верную службу Хавкину станет главой будущего Института еврейской культуры. Бейнфест, не слишком образованный, но очень опытный и порядочный человек, с уважением относится к ученым. Он влюблен в область и честно отдает ей всю свою энергию. Он прекрасно знает, что Волобринский усиленно пытается очернить его в глазах Хавкина, но не хочет и не может отвечать свинством на свинство.

Невежество Хавкина для Волобринского не секрет, но он знает, что только благодаря невежеству своего хозяина он возвысился и может возвыситься еще больше. И он становится главным источником, фактически единственным, откуда руководитель Еврейской автономной области черпает сведения обо всем, что происходит в еврейской культурной среде.

В группе «ученых» помощников, которых Хавкин привез с собой, все функции строго распределены. В книжке Матвея Павловича, точнее, в подписанной его именем брошюре о Еврейской автономной области и «его» статьях и докладах, которые за него сочиняют, Арон Волобринский обязан вписывать абзацы о заплеванных еврейских традициях, о Бунде, сионизме и прочих националистических контрреволюционных напастьях... В этих вставках он должен доказывать, что это и есть главная опасность для существования Еврейской автономной области, поэтому каждый советский человек обязан во все глаза следить за биробиджанскими деятелями, которые раньше состояли в этих враждебных партиях...

Хавкин не отпускает его от себя. Приказывает часами напролет просиживать в приемной. Волобринский знает: он должен быть готов в любую минуту отчитаться перед хозяином о том, что пишут в еврейских газетах про Биробиджан, что происходит в областных еврейских культурных учреждениях. Рассказать какой-нибудь пикантный эпизод, сообщить о разногласиях в советской еврейской культурной работе. Бывает, правда, реже, что Хавкин хочет услышать от него что-нибудь о *прежней* борьбе в еврейской общественной и политической жизни до революции. По этим пикантным эпизодам Хавкин «изучает» отраженную в кривом зеркале историю русского еврейства.

Но глубокоуважаемый ученик капризен и нетерпелив. Он часто прерывает слишком сложные и длинные объяснения своего ученого раба и с раздражением приказывает: «Не надо мне этих красотостей! Говори коротко и ясно: где тут у них сионизм, а где простой еврейский шовинизм?!»

Ты улыбаешься, мой читатель? А мне до сих пор становится горько, когда в памяти всплывают боль и стыд, с которыми я воспринимала эти и похожие факты той ужасной действительности...

Времени у хозяина области предостаточно. В приемной люди ждут, пришли с важными проблемами? Не горит! Подождут! А когда он в конце концов принимает кого-нибудь из них, Волобринский знает, что сейчас надо обратиться из кабинета и ждать в приемной, пока Матвей Павлович не останется один и не позовет обратно.

Когда Хавкин в хорошем настроении, он любит похвастаться: «Меня не обманешь, у меня есть свой профессор по еврейским делам!»

Мы и оглянуться не успели, как Волобринский превратился в придворного шута. Его хозяин, как типичный неврастеник, часто чувствует себя подавленным. Надо его развлекать и веселить. Волобринский знает: господин любит еврейские анекдоты. У шута во внутреннем кармане всегда лежит записная книжка с шутками и анекдотами — на всякий случай... И Хавкин старается запоминать их наизусть.

«Как раз сегодня слышал от моего профессора анекдот...» — забавлял Хавкин партийцев, которые удостоились приема по какому-нибудь неотложному делу. И партийный деятель Еврейской области должен был слушать и вместе с хозяином давиться от смеха над антисемитскими байками, выставляющими евреев в неприглядном свете.

Бывает, среди ночи Хавкин приказывает: «Разбудить Волобринского! Ко мне его!» Матвеем Павловичем что-то не спится. «Прочитай-ка мне еще раз, что там подготовлено для моего завтрашнего выступления!» Волобринский покорно перечитывает опять и опять, предложение за предложением. «Матвей Павлович, всё в порядке!» Но хозяин недоволен: «Идиот! Неверно сформулировано!» Волобринский, настоящий автор, робко пытается возразить: «Но, Матвей Павлович, так сказано у товарища Сталина». Хозяин матерится. Слуга сидит, скорбившись, и делает вид, что исправляет «ошибки», а Хавкин теперь уверен: его завтрашнее выступление будет острым, злободневным и политически безукоризненным...

Хозяин успокаивается, и — смотрите! — он уже задремал. Обрадованный слуга встает с табуретки и тихо, на цыпочках, выбирается из спальни. Уже светает. Он еле доползает до дому, валится на железную койку и спит до полудня.

После таких ночей Волобринский является на работу в Научную комиссию, когда мы уже собираемся по домам. Вместо приветствия мы слышим: «Всю ночь работал с Матвеем Павловичем». Как пьяный, он садится за свой стол и трет виски, трет что есть силы, обеими руками...

Наверно, Волобринский не сомневается, что его поведение показывает нам: «Смотрите, какой важной политической работой я занимаюсь!» И: «Куда вам до меня!» Но только слепой и глухой не увидит и не услышит *прямо противоположного*, того, что он пытается от нас скрыть: «Ох, тяжела ты, моя рабская доля!»

И только два раза с Волобринским случилось что-то странное. Только два раза мы, все четверо, молча сидели и слушали, как он описывает свое ночное бдение — точно, с мельчайшими подробностями. Потом, придя в себя, он, наверно, пожалел, что так «глупо» разоткровенничался. А может, забыл про эту неосторожность? Ведь он нарисовал обе картины в очень странном состоянии, как под гипнозом.

Но мы — Бейнфест, Гольдфайн, Маркус и я — этих картинок так никогда и не забыли. Нередко то один, то другой из нас с жалостью и отвращением вспоминал их, иногда одним словом, а чаще короткой фразой: «Помнишь две его ночи?» Бейнфест и Гольдфайн уже на том свете. Если Маркус, секретарь Научной комиссии, уцелел и до сих пор жив, я уверена, что и он их помнит. А я? Я и сейчас помню измученный вид Волобринского, и сейчас слышу его отрывистые, но ясные слова, его голос — такой усталый, такой несчастный... Именно поэтому я и могу рассказать читателю о бдениях Волобринского более или менее так, как он сам нам рассказал.

На страхе держится огромный Советский Союз. Я не знала ни одного советского гражданина, который не был бы объят страхом. Я прожила там целых тридцать два года и, разумеется, тоже не была исключением. Но всему есть границы, всё можно измерить: существуют различные градации страха, которому был подвержен Homo sovieticus. Еще должен появиться великий психолог, который сможет исследовать эту важную черту советского человека.

Арон Волобринский был величайшим трусом, потому и пал так низко. Я ненавидела его и все-таки с жалостью наблюдала, как в нем день ото дня остается всё меньше человеческого, как он окончательно превращается в духовного раба у дегенеративного деспота.

Может, именно потому, что у него за спиной стоял не лишь бы кто, а «первый человек» в области, в каждом движении Волобринского чувствовалось скрытое беспокойство. Мне противно было смотреть, как именно тогда, когда он с апломбом вещает от имени партии, он наклоняет голову. И я отчетливо вижу: из-за толстых стекол очков в черной оправе он бросает быстрые взгляды, будто проверяя: «Какое впечатление произвела на них моя уверенная речь?» Не сомневаюсь, он знает, что мы замечаем его растерянность... Как же я могу оставаться равнодушна к страданиям этой несчастной души?

У него темные волосы, он часто небрит. И поэтому выглядит еще мрачнее. Он немаленького роста, еще довольно молод, но с тех пор как начал сутулиться, он кажется ниже и старше, чем на самом деле. Когда у нас в Биробиджане во второй половине 1936-го началась большая политическая суматоха, он стал всё глубже втягивать голову в плечи, будто боялся, что кто-то нанесет ему удар в спину.

Но больше всего меня шокирует, и, наверно, не только меня, его так называемая улыбка. На влажных, полных губах читается такая жалкая растерянность, что у меня невольно сердце сжимается от сочувствия к тому, кто даже не достоин моего внимания. И всё во мне протестует: боже, что они сделали из этого толкового парня?! Ведь в нормальных условиях он мог бы остаться ярким, порядочным и счастливым человеком!

И чем больше я наблюдаю, тем чаще во мне вспыхивает протест против «моей партии», на чьем знамени начертано слово «свобода»! Но читатель ошибается, если думает, что я хоть однажды взбунтовалась *в открытую*. На это у меня не хватало смелости. Я просто боялась последствий, к которым привело бы любое слово протеста. В этом смысле я ничем не отличалась от всех советских людей. Мне даже недоставало мужества для такого «геройского» поступка: Волобринский, здороваясь, подает мне холодную, потную ладонь, а я не отказываю в рукопожатии.

И только посмотрите, какая неразбериха может произойти в коммунистической партии. Меня, Эстер Шнайдерман, исключили из нее, в выступлениях и резолюциях обкома обвинив в том, что я, почти всегда находясь рядом с контрреволюционным шовинистом Иосифом Либербергом, много лет являясь его сотрудницей, его не «раскрыла». И к нам прилепили Арона Волобринского... То есть нас троих выбросили в один мусорный бак.

Эх, какая досада! До чего же неприятно было оказаться с ним в одной компании! Несмотря на то что после каждого такого устного и письменного разъяснения шансы быть арестованной становились всё больше и больше, в моей глупой голове оставалось место для горькой иронии: «Вот с кем тебя в одной яме закапывают!»

Еврейские культуртрегеры и еврейские школы

Чувствую, для ясности я сразу должна подчеркнуть, что здесь буду рассказывать не о фактических политических хозяевах области во главе с первым секретарем обкома Хавкиным, которых прислали сюда с четко определенным заданием: не допустить, чтобы область стала национальной еврейской, хоть бы и по коммунистической формуле.

Наоборот, речь пойдет об их противоположности, то есть о национально ориентированных активистах, которые приехали сюда только потому, что верили: в Еврейской области будут созданы все условия, чтобы не потерять, а наоборот, удержать позиции, уже занятые еврейским культурным строительством в европейской части СССР и, как читатель уже знает, оказавшиеся там в тупике. Они верили, что здесь партия и правда построит советскую еврейскую национальную область, где еще ярче, чем в центре, расцветет советская еврейская культура и где идиш, разумеется, станет государственным языком.

На первый взгляд это может показаться невероятным, но такова была реальность. Они, эти энтузиасты, еврейские культурные лидеры, здесь, в Еврейской области, как и раньше, в центре страны, отдавали своих детей не в еврейские, а в русские школы. Исключением не стал даже Иосиф Либерберг, который фактически возглавлял борьбу против принудительной русификации области. И энтузиасты из интеллигенции, которые стремились построить еврейский Биробиджан, тоже не были исключе-

нием. И даже добровольно приехавшие еврейские культурные деятели, которые в глазах партийного руководства являлись символом еврейского «контрреволюционного шовинизма». У всех у них дети учились в русских школах. В Еврейской области это еще сильнее, чем в центре, вызывало горечь и порождало у части населения недоверие к еврейским школам: если начальство не отдает в них детей, значит, эти школы точно хуже русских. Этот политический ляпсус не только нанес ущерб еврейскому школьному делу, но и в значительной мере навредил другим направлениям национального культурного строительства в области. Кстати, в еврейских школах, особенно в городе Биробиджане, тогда работали более квалифицированные педагоги, чем в русских. Это были выпускники еврейских педтехникумов, еврейских отделений пединститутов Украины и Белоруссии, а также учителя, приехавшие из-за границы, не говоря уже о том, что в средней школе города Биробиджана была группа эрудированных педагогов, авторов интересных работ. Но это не влияло на поведение еврейских активистов.

А у тех, кто относился к языковой проблеме, так сказать, *нейтрально* и приехал сюда просто с готовностью жить в еврейской языковой и культурной среде, интерес к ее сохранению и развитию постепенно сошел на нет.

Но явных упреков и возражений против этой опасной беспринципности было не слышно: борцы с русификацией Еврейской области, и я в их числе, молчали, никогда не выступали открыто. Если между собой, с глазу на глаз, заводили разговор об этой аномалии, то смущенно осуждали себя: наши дети и там, в центре страны, откуда мы приехали, учились в русской школе, они не знают идиша. И, кстати, это была правда...

Если вы сделаете вывод, что биробиджанские энтузиасты еврейской культуры лицемерили, потому что на самом деле считали, что еврейский язык — это для просто-народа, а не «для моих детей», вы ошибетесь. Не знаю, как у других, но у моих товарищей это чаще всего было результатом мелких домашних разногласий. Не у каждого хватило мужества идти против жены, далекой от его идей, и устраивать семейные ссоры. Многие из-за сильной занятости сбросили с себя бремя воспитания собственных детей, переложив его на жену, ассимилированную или стремящуюся к ассимиляции. Находились и те, кто вскоре почувствовал, что допустил фатальную ошибку, но было уже слишком поздно что-то исправить.



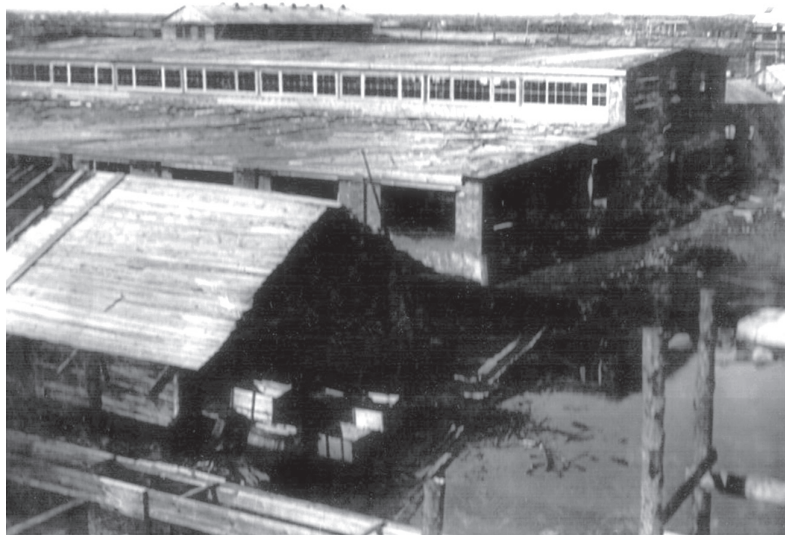
Наверное, стоит сказать, что на Украине, в отличие от Биробиджана, открытые протесты иногда бывали, особенно на собраниях рабочих и кустарей. Несколько таких случаев осталось у меня в памяти. Вот один из них. Шло собрание на Киевской швейной фабрике имени Смирнова-Ласточкина. Выступал любимец тамошних рабочих — профессор Иосиф Либерберг, в то время директор Научно-исследовательского института еврейской культуры. Как всегда, в тот раз Либерберг тоже агитировал за дальнейший рост еврейского культурного строительства. Несколько человек встали и разнесли его в пух и прах: «А как же ваша дочь? Почему вы отдали ее в русскую школу?» Народ поддержал эту претензию громким «браво». Реакция Либерберга: «Товарищи! Вы совершенно правы!» Бурные аплодисменты. Но на этот раз не Либербергу, а его противникам.

Раз уж я упомянула Киев, просится еще кое-что добавить. Кстати, я знаю, что тут поздновато рассказывать об этом грустном и поучительном факте (следовало сделать это в моем третьем томе), но все-таки расскажу сейчас, потому что боюсь, как бы он не забылся. А именно: в таком крупном еврейском центре, как Киев, только некоторые из еврейских ученых отдавали детей в еврейские школы. Среди них были известный еврейский филолог Нохум Штиф, две его дочки учились в еврейской средней школе №60; Иона Хинчин, историк, отдал дочь Эстерку и сына Шоломку в еврейскую школу №34. Хаимка, единственный сын Гершона Горохова (директора Института еврейской культуры) был учеником еврейской средней школы. Филолог Хаим Лойцкер отдал в еврейскую школу свою дочку Миреле. Если я кого-то забыла, прошу у него прощения.

Но вернемся в Биробиджан, чтобы сделать важное примечание. Пусть читатель не будет так наивен, чтобы думать: если бы горячие сторонники еврейской культуры отдавали детей в биробиджанские еврейские школы, это замедлило бы русификацию области. Фактически их беспринципность не оказала и не могла оказать заметного влияния. Решение об антинациональном характере области ЦК вынес сразу после ее рождения.

Маленькие радости

Пусть редко, но все-таки и у нас в области происходило что-то хорошее, иногда более, иногда менее важное. Некоторые из этих событий запечатлелись в моей памяти.



Швейная фабрика Биробиджана

Харьковский альбом

ти. Странно, но до сих пор, хотя я уже далека от всего этого, как небо от земли, мне приятно их вспоминать. Наверно, поэтому мне хочется рассказать о кое-каких маленьких радостях. Знаю, что получатся разрозненные картинки, наверно, не очень ценные для истории, но всё равно расскажу, не могу отказать себе в таком удовольствии.



В 1935-м заложили фундамент новой швейной фабрики. Приступили к возведению корпусов, где позже установили современное оборудование. Строительством руководят крупные специалисты, которые до приезда в Еврейскую автономную область уже построили важные

промышленные объекты в разных концах страны. Они рассказывали мне, как безобразно до сих пор велось строительство и как они, новые руководители, исправили все недочеты. Каждый раз, когда прохожу мимо, я останавливаюсь, как возле чего-то родного, и с радостью смотрю: работа продвигается, и ты забываешь обо всех мерзостях, которыми насыщена биробиджанская действительность. И сердце переполняется благодарностью к этим беспартийным энтузиастам.



Хотя это произошло в начале 1936-го, я до сих пор вижу сосредоточенные лица учеников биробиджанской еврейской средней школы. Школьники сидят в тесной детской библиотеке на вечере, посвященном Льву Квитко. И до сих пор чувствую удовлетворение, которое доставили мне тогда их радость и интерес к творчеству талантливому еврейскому детскому поэту. И сейчас вспоминаю, как наивно я тогда пыталась себя убедить: хотя партийное руководство Еврейской области этого не хочет, здесь растет новое поколение, воспитанное на еврейской культуре.



Радует, что, несмотря на атмосферу морального разложения, которая с каждым днем становится всё гуще, строительные работы в области продолжаются. Качество — хуже некуда, но все-таки улицы столицы становятся красивее. На месте старого барака с русской и еврейской

надписями «Станция Биробиджан» уже стоит новый вокзал, красивый и просторный. Мне приятно хоть на минутку заглянуть внутрь. (Про то, какими потом и кровью его построили, я расскажу немного позже.) Вокруг привокзальной площади была ужасная грязь, не просыхавшая девять месяцев в году. Теперь всё заасфальтировано и сияет свежестью. Даже Лазарь Моисеевич Каганович, самый высокопоставленный гость Еврейской области, почти ни в чем не упрекнул новый биробиджанский вокзал.



Наверно, вы подумаете: «Тоже мне, большое дело». Но тогда это было достижение: наконец-то настоящий городской автобус начал курсировать между городом и сопкой, которая до сих пор была отрезана от центра.



Стайки еврейских юношей и девушек с книгами под мышкой заполнили улицу Казакевича, которую мы называем улицей Просвещения. Они бойко разговаривают на разных диалектах идиша, для меня огромное удовольствие слышать от них наш родной язык. Здесь находятся педагогический и медицинский техникумы, строится еще один — горно-металлургический. Становится тепло на душе, когда я встречаюсь с его директором, вечно куда-то спешащим, нетерпеливым, влюбленным в свою работу Мойше Левитаном (братом Михла Левитана).



Хотя узкие тротуары почти на всех улицах до сих пор деревянные, скользкие от грязи и качаются под ногами, уже начали постепенно асфальтировать Октябрьскую улицу, там, где стоит столб с репродуктором и собираются биробиджанцы, которые хотят знать, что происходит в стране и в мире. Приходят, потому что большинство домов даже в городе еще не имеет радиоточек.

И как я могу не радоваться, когда вижу собственными глазами, что на месте, где всего год назад были густая тайга и болота, уже заканчивают несколько корпусов нового рабочего поселка при будущем военном обозном заводе?

И вот уже возвели леса вокруг электростанции, которая будет снабжать электроэнергией не только завод, но и его рабочих, и «лампочки Ильича» сменят керосиновые лампы в темных биробиджанских квартирах.

И как я могу оставаться равнодушной, когда вижу, что на улице Постышева вот-вот откроется новый книжный магазин? Старый до сих пор находится в маленькой избушке, оставшейся от бывшей станции Тихонькой, и чтобы до него добраться, необходима акробатическая ловкость!



Почти после каждой встречи с новыми переселенцами на душе становится всё тяжелее. Очень редко попадаете семья, которая не жалеет, что сюда приехала. Но, к счастью, из любого правила есть исключения. Иногда



Октябрьская улица Биробиджана

Харьковский альбом

встреча с простыми людьми может и порадовать. Помню, как совершенно случайно встретила группу биробиджанских старожилов. Все они родом из украинско-еврейского местечка Малин, куда я приезжала из Киева по работе. Оказалось, некоторые из них меня помнят. Они обрадовались мне, как старой знакомой. И я увидела: есть простые евреи, сильно привязанные к Биробиджану. Несмотря на огромные трудности, с которыми они сталкиваются на каждом шагу, им и в голову не приходит покинуть свой новый еврейский дом. Их спокойный оптимизм заразителен, и я ухожу от них воодушевленная. Становится немного легче на измученной душе.

Потом я расскажу подробнее об этих простых тружениках. А пока процитирую, что написали про них в «Биробиджанер штерн»: «43 малиновских столяра в 1930-м переехали в Биробиджан и создали артель, теперьнося-

щую имя Димитрова. 14 из них не выдержали — уехали. 17 остались в области, работают в разных местах, а 12 остались на фабрике. Среди них — Малинский, Патрешевский, Пикман, Звенигородский, Паневич, Кац — бывший малиновский кузнец, теперь директор и др.».

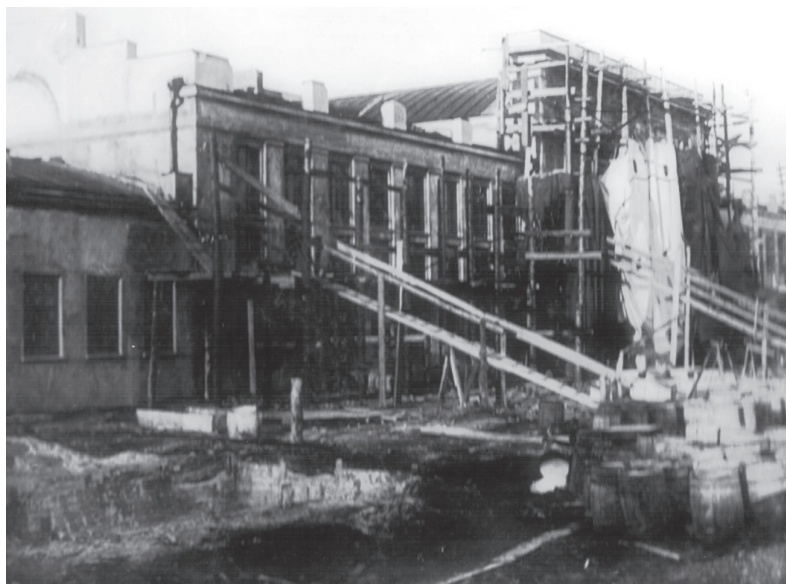
Были, разумеется, и другие радостные события, не в пример более важные, чем мелочи, которые я тут хаотично набросала, и о них я тоже расскажу. Но всё это — капля меда в огромной бочке дегтя.

Новый вокзал

Только две недели, как я стала жительницей Еврейской автономной области. Но уже немало знаю про всё, что тут происходит, уже не одну горькую пилюлю проглотила.

В первый раз сию на биробиджанском районном партсобрании. Оно происходит в конце мая 1935-го. На этом собрании мы выберем делегатов на первую областную конференцию. Это хорошая возможность познакомиться с теми, кто руководит областью. Мой круг знакомых партийцев всё еще узок, я плохо знаю, «кто есть кто».

Собрание идет на русском. «А почему не на идише?» — удивленно тарашусь на сидящего рядом Боруха Губермана. Он молчит. Меня шокирует ломаный русский, на котором выступает первый секретарь городского и районного парткома товарищ Дикштейн. «Идиш он знает еще хуже», — тихо говорит мне Борух. Дикштейн — такой маленький, такой несчастный, и его отчет — такой убогий, такой примитивный...



Строительство вокзала

Харьковский альбом

Только несколько человек выступают на идише. «Они не знают русского, — поясняет мой друг и добавляет: — Из-за границы приехали...»

На сцене появляется товарищ в длинной военной шинели, невысокий, но стройный, средних лет. Шатен с утонченным еврейским лицом. Народ замирает. «Слово предоставляется товарищу Гусину», — объявляет председатель.

И вот в притихшем зале звучит патетическая речь Гусина: «Для меня большая честь доложить вам, что именно сегодня, в семь утра, мы приступили к строительству нового вокзала в нашей столице. Мы строим его по проектам лучших архитекторов Дальнего Востока. Те, кто возводит этот современнейший вокзал, уполномочили меня пообещать вам, что они закончат его к Седьмому

ноября, и к восемнадцатому юбилею Великой Октябрьской революции совершится торжественное открытие нового биробиджанского вокзала!»

В зале раздаются голоса: «Какая радость!» Я и сама в восторге от этой важной новости, ведь то, что сейчас называется «Биробиджанский вокзал», — не более чем старый деревянный сарай, тесный, грязный, без удобств. Вечером его наглухо закрывают, а тех, кто ждет поезда, выгоняют на улицу. Гостиницы в городе нет, поэтому тем, кто приезжает сюда по делам, переночевать негде. В скудном вокзальном буфете даже блюдоц нет, не говоря уже о ножах и вилках.

И надо же, скоро мы избавимся от этого несчастного уродца, а на его месте вырастет современный вокзал, *еврейский* вокзал, построенный нашими еврейскими руками! На радостях я одариваю товарища Гусина громким «браво!»

И Борух Губерман аплодирует еще громче и демонстративно кричит: «Браво!» И я совершенно ясно понимаю: он старается, чтобы все увидели и услышали. Он смотрит на меня, чувствует мою искреннюю радость, толкает локтем в бок и шепчет на ухо: «Балда! Товарищ Гусин — начальник БАМлага¹. Еврейский вокзал строят рабы всех национальностей. И да здравствует коммунистический интернационализм!..» Последнюю фразу он произносит уже громче.

Так меня отрезвил мой киевский друг, бывший член партии «Поалей-Цион», который столько лет агитиро-

¹ БАМлаг — лагерь для заключенных, протянувшийся от бескрайнего озера Байкал до великой реки Амур. Подразделение БАМлага находится на территории Еврейской автономной области. (*Прим. автора.*)

вал за Еврейскую автономную область, активно трудился ей во благо, добровольно сюда приехал и стал здесь занозой для местного партийного руководства. Он прекрасно знает, что здесь исподтишка следят за каждым его шагом и делают всё, чтобы от него избавиться.

Бессонная ночь в Биробиджане

До сих пор здесь всё бурлит вокруг речи Сталина, хотя он произнес ее уже давно, 4 мая 1935 г. в Кремле перед выпускниками военных академий. Речь называлась «Кадры решают всё», и сказал он в ней буквально следующее: «Лозунг “Кадры решают всё” требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к “малым” и “большим”, в какой бы области они ни работали, выращивали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т. д.».

Здесь вокруг этого «эпохального лозунга» начался какой-то шабаш. Но давайте дадим слово газете «Биробиджанер штерн» от 9 мая 1935 г., чтобы быть ближе к первоисточнику:

«Газета ТОЗ¹ с речью товарища Сталина пришла в Биробиджан 8 мая вечером, именно тогда, когда на предприятиях города проводились закрытые партсобрания».

1 ТОЗ — сокращенное название газеты на русском языке «Тихоокеанская звезда», официального органа Дальневосточного партийного комитета, издающейся в Хабаровске. (Прим. автора.)

А теперь послушайте, что произошло: «Увидев эту речь в краевой газете, товарищ Аншин (второй секретарь обкома партии) прервал заседание и объявил со слезами на глазах (Да-да, со слезами на глазах! — Э. Р.-Ш.): “Товарищи, воссияло новое солнце! Сталин сказал! Вот его гениальные слова!” И тут же заседание началось снова — с повесткой дня: “Речь товарища Сталина”».

Вы пожимаете плечами. И что же в словах Сталина такого оригинального? Глубокого? Гениального? Такого, что благодаря им аж «новое солнце воссияло» над человечеством?

Если вы удивляетесь, значит, вы сталинских речей вообще не читали. Потрудитесь прочитать хотя бы несколько. Тогда вы перестанете удивляться и убедитесь, что так же содержательны все его выступления, в которых многомиллионный советский народ должен был увидеть новый путь к освобождению для себя и для всего мира...

Но давайте вернемся к той ночи и послушаем, что «Биробиджанер штерн» рассказывает о речи Сталина дальше.

«Никто из партийного руководства даже не подумал покинуть здание областного комитета...» Среди ночи во все концы темного, хоть глаз выколи, города отправили посланников: «Разбудить людей! Пусть явятся сюда сию же минуту!» Растерянные, напуганные, биробиджанцы переступали порог. И только поняв, что им ничего не угрожает, переводили дух.

У М. Бейнфеста, одного из первых энтузиастов-переселенцев, видимо, была потребность время от времени, зачастую просто так, без всякой связи с происходящим, рассказывать мне, новенькой, всякие истории о повседневной и политической жизни в области до моего

приезда. Бейнфест — мой официальный хозяин, заведующий Научной комиссией при облисполкоме, а я занимаюсь исследовательской работой. Он рассказывает мне, о чем не писали в «Биробиджанер штерн»: «В ту ночь весь Биробиджан не мог уснуть, все пребывали в тревоге, особенно семьи вызванных, их соседи, родственники...»

Прошло уже немало времени, но Бейнфест так ярко описывает политическую акцию, стремительно проведенную ночью с 8 на 9 мая 1935 года, после «эпохальной» речи товарища Сталина, что я вижу себя там, в зале, среди тех, кого только что вытащили из постели. На полном лице Бейнфеста ни тени улыбки, но вот я чуть внимательнее посмотрела ему в глаза и — поразительно! — разглядела в них скрытую насмешку.

Гершл Бриль тоже любит «позабавить» меня разными эпизодами биробиджанских ночей. Он тоже рассказывает о «патриотической» ночной акции, которую партийное руководство еврейской области так удачно и быстро провело... И делает это в своей хулиганской манере: рассказывая, сыплет, причем во весь голос, крамольными шуточками и поговорками.

«Самое приятное, — говорит, — было посмотреть на товарищей, которые напряженно думали: “Куда же девать сверток, который жена второпях сунула мне в руки на всякий случай?..”»

Только что еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться, а вот тут чувствую: сейчас расплачусь.

Он рассказывает об этом уже в своей хабаровской квартире, а не в Биробиджане, откуда Хавкин после больших политических скандалов выгнал его за «длинный язык» (об этом я расскажу в другой раз), а Лаврентьев, первый секретарь дальневосточного крайкома, принял с

распростертыми объятиями, как и всех выгнанных из Еврейской автономной области, и доверил важный хозяйственный пост в Хабаровске.

Теперь Гершл отпускает антисоветские шуточки далеко от Биробиджана, и слышат их только его русская жена Валя и их сиамская кошка, которые на идише ни слова не понимают. И все-таки я оглядываюсь по сторонам: стены имеют уши везде. Но его откровенность и смелость вызывают уважение и удивление. Потому что, хотя я уже избавилась от иллюзий, на такое я не способна. Не могу подняться на такую же моральную высоту, как Гершл Бриль. От иллюзий я освободилась, от страха — нет.

В ту «праздничную» биробиджанскую ночь с 8 на 9 мая 1935 года я сидела в международном экспрессе, и он мчал меня из Москвы в Биробиджан, чтобы я, засучив рукава, помогла строить первую в мире еврейскую социалистическую область, в которой многие такие же, как я, видели последнюю надежду на дальнейшее существование советских евреев как народа. Как все мои товарищи, я торопилась сюда, потому что здесь мы компенсируем то, что пропадает в центре страны. Здесь мы восстановим всё, что партия уничтожает там так продуманно, систематически, шаг за шагом. Здесь не может произойти то же, что там, потому что здесь так счастливо совпали национальные интересы советских евреев с жизненно важными интересами советского государства — заселить пустующие дальневосточные земли, превратить их в цветущие аграрно-промышленные территории. Поэтому здесь, в Еврейской автономной области, мы получим любую поддержку со стороны советской и партийной власти.

Кстати, эта ночная акция была только началом грандиозной работы, которая продолжалась до смерти Ста-

лина. Уже послезавтра, 10 мая, все заранее запланированные общественные мероприятия были отменены. Вместо них по всей области, в каждом уголке, для всего населения, включая учеников старших классов средней школы, партия объявила внеочередной день изучения «гениальной» сталинской речи. И этот спектакль повторялся каждый год.

Ох, до чего ж это было непереносимо, когда вся партийная машина Еврейской автономной области душила не только свободу, но даже любую самостоятельную мысль каждого гражданина, всех от мала до велика.

«Враг у ворот»

В биробиджанских сопках на каждом шагу — военные части. Еврейская автономная область находится на самой границе с Маньчжурией. Маньчжурия с давних пор — яблоко раздора на Дальнем Востоке. Полстолетия она постоянно переходила от одной державы к другой. До 1896 г. она принадлежала Китаю. В 1896-м ее оккупировала царская Россия. Но уже через девять лет, в 1905-м, после Русско-японской войны, Россия была вынуждена признать разделение Маньчжурии на две сферы влияния: русскую и японскую. А еще примерно через 25 лет (в 1931-м) вся Маньчжурия уже полностью находится под властью Японии и становится плацдармом для различных конфликтов. Только в 1945 году маньчжурская территория опять становится частью Китая. Высшие руководители постоянно подчеркивают, что область — военный форпост:

«Необходимо будет убедить в первую очередь *молодых рабочих, юношей и девушек, в важности строительства Еврейской области... И как можно скорее... Потому что нужно усилить нашу обороноспособность против японского империализма*», — вот ясный ответ, почему партия озабочена созданием Еврейской автономной области именно здесь, на границе с Маньчжурией. Так говорит Шимен Диманштейн, председатель Центрального совета ОЗЕТа, на четвертом пленуме Центрального совета ОЗЕТа в Москве в феврале 1936 г. («Дер эмес», 11 февраля 1936 г.).

Примерно через год, 7 мая 1937 г., Диманштейн опять усиленно подчеркивает эту главную цель, которую советская власть ставит при строительстве Еврейской автономной области:

«Вопрос о 100–150 тысячах евреев на территории области — важнейший вопрос. Этого требуют интересы советского государства, чтобы удержать дальневосточные земли и повысить их обороноспособность...» И добавляет: «Это соответствует интересам еврейских масс в Советском Союзе» («Три года Еврейской автономной области», Ш. Диманштейн, «Биробиджанер штерн», 7 мая 1937 г.).

И Еврейская автономная область действительно превратилась в прекрасно вооруженную базу советских погранвойск и погранвойск НКВД. И это наложило отпечаток на всю политическую, общественную, административную и хозяйственную жизнь области. Подробнее об этом — немного ниже.

Биробиджанский погранотряд

Уже в 1932 году был организован специальный Биробиджанский погранотряд как особое подразделение дальневосточных пограничных войск, и было официально заявлено, что этот отряд создан потому, что Еврейская автономная область расположена непосредственно у границы нашей Родины. Его цель — защищать область от «агрессивного японского империализма, чьи провокации с каждым днем становятся всё наглее и беззастенчивее».

Кстати, этот Биробиджанский отряд считался одним из лучших. Он занял второе место среди красноармейских пограничных частей на Дальнем Востоке по результатам инспекции, проведенной осенью 1934 года.

И в этом нет ничего странного: отряд комплектовался исключительно из сознательной молодежи, коммунистов и комсомольцев, из которых 60 процентов были рабочими (по статье И. Д. Борчанинова, посвященной 15-летию Дальневосточных погранвойск, напечатанной в «Биробиджанер штерн» 15 февраля 1936 г. И. Д. Борчанинов — начальник Биробиджанского погранотряда, А. Ф. Ратов — политический комиссар.)

Когда знаменитым Дальневосточным погранвойскам исполняется пятнадцать лет (в начале 1936-го), их поздравляют высшие начальники Красной Армии — Гамарник и Ягода (оба евреи, оба репрессированы и расстреляны). И здесь вы можете найти их высочайшие похвалы Биробиджанскому отряду, которому едва исполнилось четыре года.

Руководители Еврейской автономной области — Хавкин и Либерберг — в тот же день тоже публикуют по-

здравления Биробиджанскому погранотряду и благодарят его за защиту Еврейской области от агрессивного соседа. Частые гости в отряде — биробиджанские писатели Бузи Олевский, Гершл Добин, Эммануил Казакевич, Ихил Фаликман и другие. После каждого посещения в биробиджанских ежедневных газетах и областном еврейском литературном журнале «Форпост» появляются их восторженные стихи, очерки и рассказы. Эти произведения, полные любви и уважения к защитникам Еврейской области, переводятся на русский и печатаются в ежедневной газете «Тихоокеанская звезда» и других русских литературных изданиях. Как правило, потом они перепечатываются в стенгазетах, которые выпускаются на предприятиях и в колхозах области.

В 1935-м у Еврейской области уже есть своя гражданская авиация, лучшая на Дальнем Востоке. Несколько раз она получает премию за образцовую работу. Правда, пилоты — русские, но скоро сюда пришлют еврейских летчиков. Так нам обещают на партсобраниях.

Инциденты на границе

В прессе всё чаще появляются новости о поимке японских нарушителей границы на суше и в советских водах. Приводятся подробности о борьбе с японскими диверсантами на территории нашей Еврейской автономной области.

«8 сентября в 10 часов вечера наш погранотряд на берегу Уссури, в трех километрах от села Верхнее Михайловское, подвергся обстрелу из семи винтовок со сторо-



Литературный журнал «Форт» №1, 1936

nasledie-eao.ru

ны Маньчжурского селения Юнпадун. Пули пролетели над головами бойцов» («Биробиджанер штерн», 20 сентября 1936 г.).

Следующие новости:

«11 октября 1936 г. вооруженный отряд японцев (35 человек) перешел советско-маньчжурскую границу и продвинулся на три с половиной километра в глубь нашей территории... Обстрелял наши отряды... Стрельба продолжалась полчаса... Враг был силой отброшен на маньчжурскую территорию...»

«В тот же день произошло еще несколько нападений на различных участках нашей границы».

24 ноября 1936 г., накануне Всероссийского внеочередного съезда Советов, где должны были заслушать речь о проекте новой Конституции, и речь не кого-нибудь, а вождя всех народов — самого Иосифа Виссарионовича Сталина, в прессе по всей огромной стране появилась тревожная новость:

«Японско-маньчжурский отряд перешел нашу границу. После сражения на территории СССР у них было убито...»

Прошло всего три дня, и опять, 27 ноября 1936 г., похожая новость:

«В результате вынужденных столкновений среди советских военнослужащих есть раненые...»

Недалеко от погранзастав действительно время от времени слышатся выстрелы, и советская власть тут же заявляет протест в японское посольство. А японская сторона сразу делает то же самое: протестует против нападения советских войск, обстрелявших маньчжурскую погранзаставу...

Пойди пойми, кому верить.

Хотя все знают, что с обеих сторон много преувеличений и лжи, населению области от этого не легче.

А если вы примете во внимание, что даты, когда это произошло, совпадают с пугающей новостью, что Либерберг, глава нашего исполкома, пропал в Москве, вы поймете, как мы, «киевские», дрожали от страха.

Шпиономания

В сообщениях об инцидентах на границе и выступлениях всё настойчивее подчеркивается: «Мы должны искать врагов не только за границей, но и в самой области, среди ее жителей». Все рекорды официоза побила всесоюзная коммунистическая газета «Правда» в передовице под названием «Иностранный шпионаж на советском Дальнем Востоке». В тот же день передовица и раз, и другой, и третий от начала до конца прозвучала из репродукторов на всех улицах Еврейской области. И во всех ее уголках, даже самых заброшенных, тут же остановили работу и в великой тревоге погнали всё население на специальный митинг. В мертвой тишине статью опять зачитывают испуганным людям. Вот вкратце ее содержание:

«Граждане, не болтайте!

Япония готовится к войне на нашей территории, для чего собирает сведения о нашем Тихоокеанском флоте, о нашей Дальневосточной армии, о путях сообщения, о промышленных предприятиях, особенно о тех, которые имеют оборонное значение...»

И послушайте дальше:

«Их люди — не только те, кого они переправили к нам

через Маньчжурию, но есть они и среди *нашего* населения Дальнего Востока, среди служащих, среди коммунистов и членов партии. Они вредят незаметно, передают сведения. Осторожней, граждане! Присматривайтесь! Будьте бдительны! Доносите в НКВД на каждого, кто вызывает подозрение, кто расспрашивает вас о вашей работе, о вашей должности. Помните: враг маскируется! Берегите паспорта и профсоюзные билеты. Берегите комсомольские и партийные билеты как зеницу ока!»

Статью, разумеется, сразу перепечатали под жирным заголовком на первой странице «Биробиджанер штерн» от 27 апреля 1937 г.

Атмосфера всё больше накаляется день ото дня. Население охвачено паникой. Каждый боится: только бы не попасть в эту категорию — «японский шпион»! Шпионаж — тяжелейшее преступление, за которое грозит смертная казнь.

Но у четырех категорий биробиджанцев есть конкретные причины жить в постоянном страхе. Во-первых, это мы, те, кто работал с профессором Либербергом до приезда в Биробиджан. Теперь наша жизнь превратилась в настоящий ад, ведь Либерберг, первый председатель Еврейской автономной области, в конце 1936-го был арестован и расстрелян не только как «еврейский шовинист и троцкист», но и как «японский шпион» ...

Вторая категория жителей области, ожидающих, что в любую ночь их арестуют как японских шпионов, — это те, кто когда-то был близок к троцкизму или только в этом заподозрен.

Третья категория — те, кто когда-то состоял в какой-нибудь еврейской партии.

И последние, но не худшие, — это энтузиасты, прие-

хавшие строить Еврейскую область из-за границы, из капиталистических стран. Иностранцы попали у меня в четвертую категорию не потому, что у них было меньше шансов оказаться арестованными, чем у тех, кто попал в первые три. Наоборот, как читатель увидит дальше, в основном они и стали первыми жертвами красного террора в те дни.

Наш страх был оправдан. Шпионаж в пользу Японии действительно фигурирует как важнейший пункт во всех обвинительных актах моих уничтоженных биробиджанских товарищей. И наоборот, еврейские деятели, арестованные где-нибудь в центре страны, не удостоились этого пункта, и у них было больше шансов избежать смертного приговора, остаться в живых и когда-нибудь освободиться из лагеря.

И мне кажется, я не преувеличиваю, делая вывод: Биробиджан превратили в западню, предназначенную для физического уничтожения евреев, особенно приехавших добровольно энтузиастов.

Мешочки

Давайте снова вспомним суть официозной передовицы в партийной «Правде»:

«Гражданин Дальнего Востока! Помни, враг охотится за твоими личными документами! Береги свой паспорт! Береги свой профсоюзный билет! Храни комсомольский и партийный билет как зеницу ока! Помни: по твоим документам враг может проникнуть в наши учреждения, пробраться в любой уголок нашей Родины!»

Этот пламенный призыв взбудоражил всё население области, ведь у каждого человека полно документов: всякие справки, удостоверения, членские билеты... Сберечь эти «сокровища», чтобы они не попали в руки врагу, — для напуганных людей буквально вопрос жизни и смерти. Где найти подходящее место для этих бумажек? Народ пустился на всякие выдумки, кстати, и на те, что были известны еще нашим бабушкам и прабабушкам. Например, зашить документы в нижнее белье. Но у этого способа много недостатков, а главная опасность, что напечатанные на плохой бумаге документы легко могут порваться. Есть способ получше, причем тоже далеко не новый. Молодые и старые, мужчины и женщины пошили из тряпок мешочки и на простой веревочке, шпагатике, повесили их себе на шею. В этом мешочке надежно спрятаны мятые личные документы биробиджанского гражданина. Так немного спокойнее. «Сокровища» стали недоступны для врагов, которыми кишит наша область... А ночью? Тоже непростой вопрос, ведь враг всегда начеку. Поэтому биробиджанцы даже спят, прижимая мешочек к сердцу.

Чем гражданин активнее в общественной жизни, тем толще его мешочек. Только посмотришь на него, и сразу понятно, кто его владелец. Зимой мешочек скрыт под одеждой, но жарким биробиджанским летом бесстыдно выпирает на груди... Даже не знаю, то ли плакать, то ли смеяться.

Теперь об опасности предупреждают не только газеты. На каждой стене крупными буквами написано: «Гражданин, берегись шпионов!»

Я живу в Советском Союзе уже десять лет, но такого

напряжения, такого страха, что враг стоит у наших советских ворот, как здесь, в Еврейской автономной области, до сих пор не было.

Я тоже ношу свои «сокровища» в мешочке на шее. Что я, хуже других? И только мой муж Нисен, этот упрямый иностранец, никак не хочет смириться со всей этой вакханалией, которая разыгралась тут с таким пафосом, шитым белыми нитками. Нисен открыто отказывается участвовать в этом шабаше.

Но я прекрасно вижу: он часто хватается за грудь, проверяя внутренний карман блузы, не исчезли ли, не дай бог, его документы. Значит, и его коснулся психоз, хотя он мужественно борется с собой и якобы над ним смеется. Я молчу. Пусть думает, что я ничего не замечаю.

И все-таки, как назло, теперь документы теряются «чаще», чем раньше, до паники. Я взяла слово «чаще» в кавычки, потому что на самом деле многие (в том числе некоторые из моих друзей) потеряли какую-нибудь бесполезную бумажку уже давно и делали вид, что даже не заметили. А некоторые и правда не заметили. Но теперь страх перед наказанием перевесил, и они сами пошли скорее заявить о своем «преступлении».

В те дни, когда повсюду царил страх, в двух биробиджанских газетах всё чаще стали появляться тревожные сообщения нового сорта. Например: «Утерянный членский билет №150748 Профессионального союза советских служащих на имя Барана Мирона Цальковича считать недействительным» («Биробиджанер штерн», 27 апреля 1937 г.).

Вы скажете: и что тут тревожного? Обычное дело, ничего особенного. Но каких мук и страхов эти простые

слова стоили товарищу Барану! Это известно только тем, кто знал служащего облисполкома Мирона Барана и видел его в те дни.

Еще пример: «Похищенную печать областной артели, на идише и русском языке, считать недействительной».

Да-да! Не потерянную, даже не украденную, а именно так — похищенную!

И еще: утерян членский билет ОЗЕТа №... на имя... Нашедшего просьба отнести туда-то и туда-то...

Когда-то, в «спокойные времена», в центре страны за утерю документа получали максимум строгий выговор. А теперь? Только тот, кто присутствовал в Биробиджане хотя бы на одном таком истеричном, экстренно созванном собрании, может представить себе, в каком положении оказывался «виновный».

Собрание биробиджанского партийного актива, посвященное «внутренним врагам народа», среди которых уже была и я, длилось три дня (с 29 по 31 марта 1937-го), ни больше ни меньше. Хавкин взывал к тем, кому еще мог доверять: «Раз и навсегда искоренить идиотскую болезнь — беззаботность, которая смертельно опасна в условиях приграничной области».

И тут обязательно действует важнейший закон партии: не посторонние, которые вообще не знают или очень плохо знают виновного, нет, не они, но именно его самые близкие, лучшие друзья обязаны попросить слова, выступить и не только сказать, что виновный потерял коммунистическую бдительность, но еще потребовать, чтобы он, их друг, хотя бы намеком, а лучше ясно и понятно всё объяснил. А то «откуда нам знать, что ты не отдал японскому тайному агенту свой документ добровольно?» И в конце выносят предложение:

«Исключить! Вышвырнуть из рядов! Недостойн!»

Что ж, исключение из партии, комсомола, Осоавиахима, профсоюза — это еще полбеды. Но исключение — это только прелюдия, а дальше — арест, ссылка за шпионаж, в лучшем случае — за содействие врагу...

Добавьте к этому вой сирен — ложную воздушную тревогу, которую устраивали ежедневно, чтобы проверить боеготовность населения, и вы поймете, как мы жили тогда в Еврейской автономной области и почему биробиджанские граждане пуще глаза берегли мешочек на шее.

Принудительная русификация

Когда я приехала в Биробиджан, мне хотелось поскорее всё увидеть, всё услышать. Я использовала каждую возможность, каждый свободный час и нередко становилась незваным, а потом и нежеланным гостем везде, где только можно. Всюду совала нос. Хотела узнать, чем дышит мой новый еврейский дом. «Свои владения осматривает, — с горькой улыбкой говорили мои старые друзья и добавляли: — Не горит, успеешь еще!» И я чувствовала: им не очень-то по душе мое любопытство. И потом, точнее, довольно быстро я поняла почему. Просто они хотели, чтобы разочарование не свалилось на меня сразу, а пришло постепенно. Так мне будет легче с ним смириться.

Постановление от 29 ноября 1935 г.

«Перевести на еврейский язык работу во всех государственных и хозяйственных учреждениях и организациях Еврейской автономной области». Подпись: «Председатель облисполкома Еврейской автономной области Иосиф Либерберг». Может ли читатель представить себе, какую радость почувствовало всё мое окружение, прочитав этот указ?

А когда канцелярия Либерберга добавила пункт «Областному отделу образования предлагается организовать в г. Биробиджане и районах области курсы изучения еврейского языка, а также курсы бухгалтеров, счетоводов и секретарей», нашему счастью не было границ. Ведь людей, хорошо знающих идиш, действительно не хватало. И с сегодняшнего дня отговорка тех, кто враждебно относится к нашему языку — «Я вообще не знаю идиша!» — уже не поможет, у них не останется выбора. Хочешь не хочешь, а указ облисполкома надо выполнять.

А сколько гордости у нас, членов Научной комиссии облисполкома, вызвал пункт, что именно на нее возлагается обязанность в кратчайшие сроки разработать соответствующую официальную терминологию на идише!

А сколько радости доставил нам пятый пункт постановления, что «все отделы облисполкома обязаны вести работу на двух языках: идише и русском. При этом вся корреспонденция облисполкома и райисполкомов, учреждений и организаций, работающих на идише, ведется только на идише»!

В общежитии

Когда я из любопытства впервые пришла в общежитие для переселенцев, с удивлением увидела: все объявления, правила внутреннего распорядка, афиши и лозунги написаны исключительно по-русски.

За двумя столиками сидят руководители пункта приема переселенцев — Кот и Вендров. К обоим в две очереди выстроились озабоченные переселенцы, мужчины и женщины. Каждый со своими бедами, жалуются на родном еврейском языке. Но оба начальника отвечают на ломаном русском. Это было в июне 1935-го.

За два года ничего не изменилось. Можете увидеть это по заметке в «Биробиджанер штерн» от 16 мая 1937 г.:

«14 мая 1937 г. прибыло 35 переселенцев (11 семей и 2 одиноких). В столовой к буфетчице по фамилии, между прочим, Абрамович подошли двое переселенцев, хотели что-то купить. Заговорили с ней по-еврейски. Когда один из переселенцев спросил, почему она не отвечает на идише, Абрамович просто обругала его последними словами». Подпись — Р. Донской.

В учебных заведениях для взрослых

16 января 1936 г. ЦК ВКП(б) вместе с Центральным исполнительным комитетом СССР постановил, что к концу 1937 г. в Советском Союзе не должно остаться неграмотных. По всей огромной стране начали лихорадочно выполнять приказ. У нас в Еврейской автономной области для ликви-

дации неграмотности тоже поспешно организовали специальные школы. Для еврейских переселенцев родным языком был идиш, но почти во всех школах для неграмотных преподавали на русском. Вот что пишет школьный инспектор Анцевич: «Достаточно, чтобы в группе из двадцати с лишним человек было 2-3 русских, и вся школа работает на русском языке. Таково положение на швейной фабрике, у пожарных, в еврейском театре, на вокзале, в буфете и т. д.» («Биробиджанер штерн», 12 июля 1936.).

Та же политика принудительной русификации проводится во всех профессиональных училищах и на курсах для взрослых. Например: в Валдгейме существуют курсы трактористов. Почти все учащиеся — еврейские переселенцы из маленьких местечек. И всё равно преподавание только на русском. А колхозника из «Икора» на курсы не взяли, потому что он не говорит по-русски... Вот он, униженный, и уехал в родной колхоз.

Чтобы жены переселенцев могли полноценно работать, нужно срочно создать для их маленьких детей ясли. В конце 1937-го областной отдел здравоохранения открыл в Биробиджане шестимесячные курсы воспитателей. И здесь язык обучения — русский («Биробиджанер штерн», 29 ноября 1937 г.). Можете не сомневаться, что все местечковые девушки после курсов будут вести работу с детьми на ломаном русском.

В районных политшколах для комсомольцев тоже преподают на русском. Вот, например, заметка в «Биробиджанер штерн» от 23 апреля 1937 г.:

«Есть немало комсомольцев-евреев, которые плохо владеют русским языком и требуют, чтобы организовали политшколы на идише. Но райком комсомола Смидовичского района этого не делает. Нет в районе еврейских

политшкол, нет даже в Николаевке, где живет много еврейской молодежи. И, например, товарищ Хазин, комсомолец из Николаевки, вынужден посещать русскую политшколу, хотя он слабо владеет русским языком и на занятиях мало что понимает».

В конце 1936-го областная партшкола реорганизована в стационарную школу руководителей сельского хозяйства. Здесь учатся председатели почти всех колхозов области. Официально действуют две группы, еврейская и русская. На самом деле еврейская группа вообще не функционирует. Все занятия проводятся на русском языке.

Делопроизводство

Тот факт, что русификация, начавшаяся в первые годы существования области, систематически продолжается, находит отражение в прессе. «Бухгалтерия городской кооперации не принимает расписки и счета, написанные на идише. Но колхозницы из Валдгейма, у которых кооперация покупает продукты для своих столовых, не знают русского и пишут расписки и счета на идише. Начинается беготня, надо искать переводчика...» («Биробиджанер штерн», июль 1934 г.). И через три года: «Хотя 99% присутствующих на собрании уполномоченных промыслового союза были евреи, оно проводилось на русском языке». И дальше: «Вообще вся культмассовая работа в артелях и на предприятиях ведется на русском языке, несмотря на то что бо́льшая часть артельщиков его плохо понимает» («Биробиджанер штерн», 3 августа 1937 г.).

Под гору

5 декабря 1937 г. отмечают первую годовщину сталинской Конституции. На митинг сгоняют всё население города. И митинг проводится на русском.

Курсы идиша для служащих давно ликвидированы. 27 июля 1937 г. А. Перецман печатает статью о том, что все областные учреждения работают на русском, даже швейная фабрика, где 80% рабочих — евреи, ведет документацию на русском языке. В 1935–1936-м курсы идиша для служащих официально еще существуют. Но бóльшая часть записана для вида, на занятия ходит раз в сто лет. Чем выше должность «ученика», тем пренебрежительнее он относится к занятиям. У него перед глазами живой пример — руководители области. В «Биробиджанер штерн» печатают иногда заметку, статью об идишизации области, но никто даже не читает. Все знают, что за такой грех не наказывают.

В 1937-м кружки идиша для служащих ликвидированы окончательно. Даже в Бирофельдском колхозе и сельсовете, хотя там все жители евреи, у которых родной язык — идиш, и на всех заседаниях и собраниях они говорят только на идише, протоколы, отчеты и бухгалтерия с 1937-го — исключительно на ломаном русском, потому что этого требуют вышестоящие инстанции.

Приятная городская новость: на самых оживленных улицах «Союзпечать» выставила в витринах газеты на разных языках. У каждой витрины стоят любопытные прохожие. Патриоты области останавливаются, довольные: наш город постепенно приобретает настоящий сто-



Разноска свежей почты

Харьковский альбом

личный вид. Но вы напрасно будете искать здесь еврейскую газету, хоть сегодня, хоть завтра, хоть послезавтра. И в помине нет!

В единственном книжном магазине все-таки лежит несколько далеко не новых книг на идише. Почему? «Потому что переводы на идиш произведений Сталина и Ленина редко покупают...»

На почте

Из короткой заметки в «Биробиджанер штерн» за 10 июня 1935 г. вы можете узнать о начальнике почтового отделения Еврейской автономной области: «Он сам не

великий знаток русского языка и в грамматике спотыкается на каждом шагу. Но считает, что его основная обязанность — не допускать, чтобы на почте в столице Еврейской автономной области Биробиджане сотрудники говорили по-еврейски. “Я должен сделать вам большое замечание, — на днях отчитал Роберт “по-русскому” касира товарища Непомнящую. — Я слышал, как вчера вы разговаривали с вашей приятельницей, телеграфисткой, по-еврейски, когда у окошка стоял русский. Не смейте говорить по-еврейски, когда выполняете свои рабочие обязанности. Понятно?”» Подпись: Э. Ф.

Так было в 1935-м. В первой половине 1937-го, через два года, от моего киевского друга Шлойме Гитермана пришло письмо. Оно не одну неделю провалялось в том самом почтовом отделении, потому что адрес был написан на идише, и только слово «Биробиджан» — по-русски. И меня предупредили: «Напиши своим, чтобы больше так не делали. Что это за националистическая манифестация?» И я, исключенная из партии, безработная, ответила Гитерману: «Пиши адрес по-русски...»

Лицемерие

Когда говорят о национальной культуре, официально прокламируют прямо противоположное тому, что происходит на самом деле. Разумеется, так поступает и Хавкин. Его речи, как и речи других партаппаратчиков, отчетливо слышны на районных, городских и областных партсобраниях.

Что же он говорит о национальной культуре? Хав-

кин напоминает: Каганович указал, что Биробиджан должен стать центром еврейской пролетарской культуры. На собрании биробиджанской парторганизации Хавкин выступает и, кроме прочего, говорит о национальном культурном строительстве: «Перед нами стоят важнейшие задачи в области культурного строительства. Товарищ Каганович поинтересовался каждой мелочью в наших культурных учреждениях — школе, театре — и поставил перед нами задачу сделать Биробиджан центром еврейской пролетарской культуры. По его предложению в мае текущего года мы созываем конференцию по вопросу еврейской языковой терминологии. Наша культура должна цвести во всем своем многообразии, национальная по форме, социалистическая по содержанию» («Биробиджанер штерн», 29 марта 1936 г.).

На пленуме облисполкома 1 апреля 1936 г. Хавкин выступает в том же духе: «Мы должны энергичнее, чем раньше, проводить населе ленинско-сталинскую национальную политику, создавать еврейскую культуру (Создавать? — **Э. Р.-Ш.**), национальную по форме и социалистическую по содержанию. Это недопустимо, что до сих пор биробиджанский сельсовет не перевел делопроизводство на идиш, что в библиотеках Биробиджана, Валдгейма и других пунктов с преобладающим еврейским населением всё еще недостает еврейских газет и книг» («Биробиджанер штерн», 3 апреля 1936 г.).

У нас тогда были в ходу такие пословицы: Либерберг с сошкой, а Хавкин с ложкой, киевские построят — сталинские зароят и т. п.

После ареста Либерберга

После ареста Либерберга почти все заседания и собрания стали проводиться на русском. Поэтому исчезла и необходимость изучать идиш. Собрание биробиджанской районной партийной организации (14–16 мая 1937 г.) тоже проводится на русском языке. Кто его почти не знает, сидят и мучаются, и только двое или трое тех, кто посмелее, позволяют себе выступать на прекрасном, сочном идише. Вызывают специального переводчика, хотя в зале раздаются голоса (тоже тех, кто не робкого десятка): «Не надо! Мы понимаем!»

Эти храбрецы, которые раньше иногда выступали против насильственной русификации Еврейской области, после ареста Либерберга из страха стали помалкивать. Ведь Либерберга обвинили в еврейском шовинизме.

Их страх был совершенно оправдан, потому что поднялась волна арестов: всех, кто работал с Либербергом, забирали одного за другим. Среди них оказался и директор Биробиджанского горно-металлургического техникума Мойше Левитан. НКВД упёк его в тюрьму, потому что... «он махровый националист, который принуждал педагогов, слабо владеющих еврейским языком, читать на нем такие дисциплины, как горное дело, петрография и др., заставлял их выдумывать дикую терминологию. Разве это не прямая линия националиста Либерберга?» («Биробиджанер штерн», 18 октября 1937 г.). Ниже добавлено: «Многие студенты поддержали принудительную идишизацию Левитана», за что их надо решительно искоренить.

Когда сняли Хавкина (в 1937-м его тоже постигла печальная участь), малочисленные храбрецы, пока оставшиеся на свободе, опять попытались протестовать против принудительной русификации, но вскоре заплатили за это жизнью.

Итог

В Еврейской автономной области государственные и хозяйственные учреждения никогда не работали на идише. Небольшое исключение — кое-какая общественная деятельность да несколько учебных заведений, но и их работа с каждым годом постепенно сходила на нет, пока не была ликвидирована окончательно. И это была не случайность, а хорошо продуманный, последовательный процесс.

С самого начала, как только провозгласили Еврейскую автономную область, ЦК превратил ее идишизацию в фикцию. Я уже рассказывала: чтобы не допустить идишизации, в Биробиджан направляли такие силы, которые не позволяли энтузиастам заниматься «шовинистической» деятельностью.

Кстати, линию принудительной русификации партия постепенно проводит во всех советских республиках. Подробное научное описание, как принудительная русификация систематически проводится в Латвийской республике и как латыши сопротивляются и расплачиваются за это головой, читатель может найти в парижском польском журнале «Культура», номер 2 (295) за 1972 год.

Борьба с религией

В Биракане один переселенец, Шмуэл-Янкев Левин из Риги, печет для односельчан мацу. Против него начинается жесточайшая борьба. Организуют общие собрания, газета уделяет много места этому «скандалу». Левин оправдывается, что печет мацу только для глубоких стариков.

Решают устроить над ним открытый суд. Газета вопит: «Надо сорвать с врага маску!» А этот Левин, как назло, хороший колхозник и даже член МОПРа.

Перед Пейсахом в «Биробиджанер штерн» 17 апреля 1935 г. печатают передовицу под заголовком «Против святой контрреволюции»: «Рабочие и колхозники отвергнут “святую” контрреволюцию и в дни Пейсаха будут работать с еще большими усердием и энергией, чтобы к нашему празднику, Первому мая, добиться новых достижений в нашем социалистическом хозяйстве».

21 апреля 1935 г. «Биробиджанер штерн» публикует статью, как в Валдгейме женщины пекут мацу, чистят посуду, чтобы сделать ее кошерной для Пейсаха, и как с этим надо бороться, потому что, помимо прочего, в Пейсах многие евреи не выходят на работу...

«Наша область — переселенческая, сюда непрерывно стремятся люди со всех концов страны, а иногда и из капиталистического зарубежья, люди, принадлежащие к разным слоям, поэтому особенно важно вести серьезную антирелигиозную пропаганду».

«Пусть во время религиозных осенних праздников в области не останется ни одного человека, кто не вышел

бы на работу! На предприятиях и на колхозных и совхозных полях работа должна идти еще быстрее, еще лучше, именно по-стахановски» («Биробиджанер штерн», 17 сентября 1936 г.).

Передовица в «Биробиджанер штерн» призывает к бдительности, потому что «пережитки капитализма в сознании людей с религиозными предрассудками еще сильны... Особенно если взять так называемую “еврейскую среду”, откуда нам знать, что фашистская агентура еврейской буржуазии — сионизм — не надеется повлиять на еврейские массы именно с помощью религиозных предрассудков и попыток прислать мацу к Пейсаху?»

«Бундовцы вместе с сионистами кричат об уничтожении еврейской культуры и гонениях на религию в СССР. В проекте сталинской Конституции, этом величайшем историческом документе, среди всех великих свобод советского народа записана также свобода совести, свобода отправлять религиозные культы и свобода антирелигиозной пропаганды».

«Мы боремся с религиозными предрассудками в сознании людей не только преследованием, но и тем, что всё больше и больше развиваем социалистическую экономику и культуру, повышаем социалистическое сознание масс. Но мы должны бороться с этими пережитками также терпеливой и глубокой антирелигиозной пропагандой».

«В Еврейской автономной области мы запустили эту сторону коммунистического воспитания... Мы знаем случаи, когда в религиозные праздники некоторые не выходят на работу. Мы также знаем случаи, когда некоторые из секты так называемых субботников даже отказываются из религиозных убеждений служить в Красной Армии».

«Во время весенних религиозных праздников многие колхозники не вышли на работу», — сетует корреспондент «Биробиджанер штерн» 7 мая 1937 г.

10 июля 1937 г. «Биробиджанер штерн» перепечатывает передовицу из «Правды» за 7 мая 1937 г. под названием «Антирелигиозная пропаганда». Газета утверждает, что эту пропаганду ослабили, и оставшиеся попы, муллы и раввины поднимают голову, добиваются доверия недостаточно сознательных трудящихся. Приводятся примеры, когда сельский священник руководит культурной работой с молодежью, организует хор, устраивает вечеринки. Другой случай: председатель колхоза — одновременно церковный староста. Где-то священники собирают подписи под петицией открыть церковь, влияют на отсталых родителей, чтобы они отправляли детей в церковь и т. д. «Правда» призывает усилить антирелигиозную работу во всех областях советской жизни.

Когда на собрании Фабрики имени Димитрова обсуждали сталинскую Конституцию, некий Лонкин заявил: «Раввинов и попов, которые до сих пор занимаются этой “работой”, надо лишить избирательных прав».

Усиленная борьба ведется против субботников. Они тоже живут на 7-ой линии в поселке Партизанском под Биробиджаном. «Они агрессивны, ведут агитацию среди домохозяек, чтобы те проголосовали за их человека на выборах в советские органы...»

2 июля 1937 г. всем городским пропагандистам зачитывают доклад «Сталинская Конституция и задача антирелигиозной пропаганды». Лектор — Кузнецов, представитель Центрального совета Союза воинствующих безбожников. Через неделю этот же Кузнецов напечатал объемную статью, в основном о субботниках: об их молодежи, об

их сборищах, о том, что субботники отказываются работать, и перечислил методы, как с этим бороться. Хотя Кузнецов говорит, что надо вести разъяснительную работу, между строк читается спущенный сверху приказ провести аресты. И многие субботники действительно были арестованы. Об одном субботнике, который по субботам отказывается работать и влияет на других, печатаются отдельные статьи. Его фамилия Мащенко. Он работает в Биробиджане, высококвалифицированный строитель. Он добивается, чтобы ему и его людям разрешили работать в выходные дни (пять дней работать, один день отдыхать). Автор статьи возмущается: «Как руководство не понимает, что это контрреволюция?!»

В 1937 г., перед самыми выборами в Верховный Совет, прошли массовые аресты субботников.

История с обрезанием

Биробиджан ходит ходуном. Передают друг другу, кто и что сказал на экстренном всеобщем собрании писателей и учителей. Это же настоящая контрреволюция: оказалось, писатель Бузи Миллер сделал сыну обрезание! Миллер клялся, что это произошло без его ведома, когда его не было дома. Дельце провернули жена и тесть с тещей. А Миллер еще и комсомолец. Возник вопрос: исключить его или нет из обоих профсоюзов и комсомола?

Ведь он к тому же учитель еврейского языка и литературы.

«Уволить с работы!» — настаивают некоторые из его товарищей.

«Исключить из комсомола!» — стучат кулаком по столу другие.

Обвиняемому еще повезло, он как-то сумел доказать со свидетелями, что сам он чист. Все-таки выяснилось, что обрезание сделали еще на Украине, до переезда семьи в Биробиджан в 1936-м. Но Миллер всё равно получил строгий выговор по комсомольской линии и с тех пор перестал читать свои произведения на биробиджанском радио. Виновный еврейский писатель еще долго ходил с опущенной головой, стыдясь смотреть людям в глаза.

Борьба с сионизмом

Борцы с сионизмом выдвинули лозунг: «Биробиджан — маяк для еврейских трудящихся всего мира!» (передовица в «Биробиджанер штерн» ко второй годовщине образования Еврейской автономной области, 5 мая 1936 г.).

Посетив Еврейскую автономную область в феврале 1936 г., член Политбюро ЦК ВКП(б) Лазарь Моисеевич Каганович заявил: «Надо искоренить остатки бундизма и сионизма в Биробиджане». Борьбой с сионизмом в Биробиджане пронизана вся устная и письменная агитация. Протестуют, что евреи «помогают англичанам угнетать арабов». Каждый день приходят телеграммы, что справедливые арабские выступления против англичан и еврейского населения, занимающего арабскую землю, охватили «всю Палестину». Вывод ясен: будущее еврейского народа — только здесь, в Биробиджане.

28 февраля 1936 г. временно исполняющий обязанно-

сти редактора Финкельштейн печатает статью «Биробиджан — могила сионизма», где сказано: «Растет сильное влияние Советской России на мировой пролетариат и на еврейских трудящихся в капиталистических странах, особенно благодаря существованию Еврейской автономной области... Наш Советский Союз — могила для всего капиталистического мира, а Биробиджан к тому же — могила для сионизма».

Он приводит цитаты даже из самой палестинской прессы на иврите — из «Гаарец», «Давар», «Гапоэль гацаир», «Дегель гапоэль» — о безработице, эксплуатации, угнетении в Палестине, о том, что в «еврейский город Тель-Авив» съехались со всего света воры, взломщики, домушники, скупщики краденого, мошенники, фальшивомонетчики, насильники и альфонсы; он пишет о брошенных еврейских детях, ужасных жилищных условиях, чудовищном разрыве между богатством и бедностью, которая там царит... «Английская империалистическая колония со всеми ее признаками...» «В Палестине царят межнациональная ненависть, дикая эксплуатация, еврейский фашизм». «Там делается всё, чтобы приготовить пушечное мясо для английского империализма, чтобы отобрать свободу у наших угнетенных народов».

В той же статье Финкельштейн пишет: «Сионисты хорошо знают, как сильно евреи всего мира стремятся в Биробиджан, и ведут такую подлую, дикую, провокационную борьбу против Еврейской области». И далее: «Недавно вождь социал-фашистской палестинской еврейской “рабочей” партии МАПАЙ Бен-Гурион на встрече с журналистами в Иерусалиме заявил, что “после мировой войны против сионизма восстал новый враг — коммунизм”...»

Затем Финкельштейн пересказывает статью из «социал-фашистской» газеты «Давар» за 1 декабря 1934 г. и замечает: «Они якобы не против, чтобы евреи селились на земле в СССР, но с одной оговоркой: не Биробиджан — маяк для еврейского народа».

В своей антисемитской статье от 22 мая 1936 г. Финкельштейн договорился до того, что «арабские массы становятся огромной, непрерывно нарастающей силой, которая в конце концов сметет с дороги и сионистских колонизаторов, и английских захватчиков».

В поздравлении, которое Белорусская Коммунистическая партия и правительство прислали ко второй годовщине образования Еврейской автономной области, среди прочего сказано, что «Биробиджан — могила для сионизма, Поалей-Цион и Бунда».

В июне 1936-го появляются всё новые и новые статьи против сионистов и сионизма. Например: «В Палестине — волна самоубийств. Причины: безработица и голод».

С каждым годом борьба ужесточается. «Мы должны удесятерить свою революционную большевистскую бдительность и развить как никогда раньше безжалостную, непримиримую, истинно большевистскую сталинскую борьбу против всех врагов: троцкистских, буржуазно-националистических, сионистских и прочих предателей, вредителей, шпионов и подонков», — написано в передовице «Биробиджанер штерн» за 6 июня 1937 г.

Чем сильнее становится борьба с сионизмом, тем сильнее дрожат биробиджанцы: хоть бы не попасть в список подозреваемых в симпатии к сионистам...

Сарафанное радио

До нас с опозданием дошла страшная новость, что в Киеве закрыли Институт еврейской культуры. Об этом можно было догадаться и по газетам: писали о «контрреволюционерах» Хинчине, Горохове, Максе Эрике, называли их врагами народа...

Переписка с друзьями становится всё реже, сами письма — всё короче. Мойше Гутман-Каменштейн из Москвы вообще перестал мне писать. Но Мирьям Хмельницкая из Киева, моя подруга, проявляет отвагу и мужество. Пишет, намеками сообщает, что происходит в еврейском мире Украины. Очень горько. Она беспартийная, за ней следят не так пристально, как за членами партии. Думаю, только на ее невероятную преданность я и могу рассчитывать, только ей и смогу сообщить о себе, когда буду сидеть в лагере. Поэтому стараюсь как-то переслать ей свою записку — несколько сотен рублей. Понемногу посылаю ей свою лучшую одежду. Получив коричневый крепдешин, она делает вид, что невероятно счастлива, и пишет, что сошьет из него роскошное платье. Деньги, пишу ей, сохрани, мы на них вместе съездим на курорт следующим летом...

Гута Марголис из Москвы пишет глупые письма. Энкаведешники, которые контролируют мою переписку, должны быть идиотами, чтобы не догадаться, на кого она намекает, кого имеет в виду. А если взять в расчет, что те, кто вскрывает наши письма, прекрасно осведомлены о еврейской культурной работе и знают, что там и как, то ясно, что, читая письма Гуты, они прекрасно по-

нимают всё до мельчайших подробностей. Общение с друзьями из еврейских центров СССР становится всё реже.

И остается в те мрачные дни только сарафанное радио, которое сообщает всё более страшные вести. Немногочисленные друзья, еще оставшиеся на свободе, втайне передают их друг другу.

Друг увольняет меня с работы

Неожиданно всплыло в памяти одно событие, как мой хороший друг Исроэл Рабинович уволил меня с работы, и я осталась на хлебе и воде. Как читатель уже знает из моих предыдущих книг, Исроэл Рабинович, очень талантливый молодой человек, окончил аспирантуру нашего Киевского института еврейской культуры и стал директором Биробиджанского педагогического техникума. Я вела там курс педагогики, и на Рабиновича выпал жребий официально сообщить мне, что я, исключенная из партии, освобождаюсь от работы, потому что партия не доверяет мне преподавать такой идеологически важный предмет, как педагогика. Эти слова он зачитал по бумажке.

Мы стыдились посмотреть друг другу в глаза. Потом все-таки переглянулись, не сказав ни слова, ведь стены имеют уши... И вдруг Рабинович хватает мою руку и пожимает так крепко, так горячо, и при этом по-прежнему не произносит ни слова... Это длится одно мгновение. И я уже не знаю, кого тут надо пожалеть, — меня, приговоренную, или его, зачитавшего приговор. Никакой обиды на моего друга у меня, разумеется, не было. Ни капли.

Теперь такие случаи — обычное дело. Больше я не переступала порог его кабинета. Неэтично было бы подставлять друга и его жену Лизу Бородянскую. А он все-таки отваживался рискнуть, причем сильно рискнуть. Не раз, когда темнело, он пробирался ко мне домой, в мою тесную комнату. Его очередь подошла немного позже. Рабиновича забрали, и его след потерялся.

В биробиджанском НКВД

Приходит Биньёмин Гольдфайн, мрачнее тучи, и тихо говорит: «Эстер, сегодня в двенадцать ноль-ноль вы должны быть в новом деревянном здании НКВД, кабинет номер такой-то». Больше мы ни о чем не говорили. Он посидел немного и ушел, ссутулившись. В больших миндалевидных глазах — растерянность и тоска.

Еле дождалась Нисена. Вместе проверяем заранее приготовленный узелок с самыми необходимыми вещами, всё ли на месте, не забыла ли я чего-нибудь. Натягиваю валенки, надеваю самую теплую одежду. В подвалах биробиджанского НКВД ужасно холодно, несмотря на страшную тесноту.

Когда вызывают в НКВД, идти надо одному. Зачем привлекать внимание людей в штатском? Бывало, что провожатого тоже арестовывали прямо у входа. Поэтому Нисен меня не провожает. Чемодан очень тяжелый, с трудом затаскиваю его на второй этаж и оставляю у двери кабинета, куда меня вызвали. «Здесь точно не украдут, — думаю. — Себе дороже...»

Спрашивали в основном про Голду Лис, ее к тому времени уже забрали. Ведь она была единственной, кто пы-

тался меня защитить, когда меня исключали из партии. «Вы знаете ее по Польше?» — «Нет, по киевской трикотажной фабрике». — «Нам уже известно: она занималась там демагогией, выступала, призывала к забастовкам». Пытаюсь возразить: «Никогда от нее ничего подобного не слышала». Бесполезно: «Нам лучше знать!»

И под конец: «Мы надеялись узнать от вас что-нибудь важное о Голде Лис».

«А что такого важного я могу о ней сообщить?» — говорю.

Так, благополучно, заканчивается мой первый визит в НКВД.

Биньёмина Гольдфайна арестовали немного позже. Ему повезло: через короткое время его выпустили на свободу, вместе с Носеном Корманом.

Опустевшие фанзы

«Эстер влюблена в корейцев», — шутили мои друзья. Моя симпатия к этим обитателям нашей области действительно велика. Там, в центре страны, мне не довелось жить среди азиатов. Тут я впервые встретилась с ними лицом к лицу. Любопытство было сильно, и я использовала любую возможность увидеть вблизи их быт и нравы, с радостью принимала их приглашения, охотно посещала дома и школы.

Кто хотел узнать их быт, немного познакомиться с их историей, должен был первым делом поехать в большое, старое корейское село Благословенное по дороге из Сталинска в Амурзет.



Коресц, обрабатывающий табак

Харьковский альбом

Уже в начале осени добраться до Благословенного было очень трудно, потому что летние дожди превращали глинистую почву в кашу. И так до поздней весны, потому что чем больше тают пласты снега, образовавшиеся за долгую зиму, тем глубже увязаешь в липкой глине на немощенных подъездах к селу.

Корейское население разбросано по всему Дальневосточному краю. Когда я приехала в Еврейскую область, там во многих учебных заведениях преподавание велось на их родном языке.

У нас в Еврейской автономной области существовало четыре корейских сельсовета, семь корейских колхозов, одиннадцать корейских школ, корейские избы-читальни, драмкружок при кирпичном заводе «Кирпичики». По особому распоряжению облисполкома делопроизводство в корейских сельсоветах и колхозах требовалось как можно скорее перевести на корейский язык.

Корейцы — невысокие, физически слабые, робкие, очень сдержанные, тихие люди. Нечасто кто-нибудь из них покидал село, а на поезде они ездили совсем редко. Пока Советы не заняли Дальний Восток, корейцы батрачили на давно укоренившихся тут богатых землевладельцев.

Большинство корейцев, с которыми мне довелось общаться, не умели читать и писать и очень плохо говорили по-русски. И все-таки при каждой встрече с ними всё больше проявлялись их житейская мудрость, врожденная интеллигентность, благородство и чувство собственного достоинства.

Они живут в фанзах, построенных из глины и травы. Внутри просторно, стены оштукатурены. Полы сделаны из желтой глины вперемешку с песком и соломой и тща-

тельно выровнены. Посредине стоит печь для отопления и готовки. Печь сделана ниже уровня пола, чтобы ее затопить, надо спуститься на несколько ступенек. Пол покрыт красивыми циновками из рисовой соломы. На них спят. На одной из них лежит аккуратно сложенное постельное белье всей семьи. Сидят на низких табуретках за низким столиком. Чисто, уютно. Гостеприимство не знает границ.

Опытные рабочие завода «Кирпичики» — в основном корейцы. С 1934 г. директор — Рувен Штейн, еврейский переселенец из-за границы, кандидат в партию. Не может нарадоваться на свою надежную, спокойную работу. Среди рабочих — знаменитые ударники и стахановцы: Ким До Их известен на весь Дальний Восток. Тут работают также несколько китайцев, евреев и русских. В детском саду при заводе корейские детишки поют еврейские песни, а еврейские дети — корейские. Вместе танцуют удивительные корейские народные танцы.

Педагогический коллектив корейской средней школы в Благословенном не устают хвалить за его активную культурную работу в корейском колхозе «Ворошилов».

Корейцы гораздо лояльнее к еврейскому руководству области, чем другие национальные меньшинства. Кстати, от них никогда не услышишь каких-то антисемитских высказываний. Было и несколько смешанных браков между корейцами и еврейскими местечковыми девушками. На одну такую свадьбу даже начальство обратило внимание и одобрило. Жених — корейский рабочий, невеста — квалифицированный повар.

Посылают делегацию на торжество в честь второй годовщины образования Еврейской автономной области (10 мая 1936 г.) — в ее составе есть и корейцы. Партийное

начальство области доверяет им руководить учреждениями, колхозами и радуется, когда они становятся кандидатами в коммунистическую партию. Нескольким корейцам даже доверили выступить с докладом о семнадцатой годовщине Октябрьской революции.

В областных русских и еврейских радиопередачах вы можете услышать сообщения о том, как ответственно корейцы относятся к работе, и не только в их колхозах и на заводе «Кирпичики», где их большинство, но и на мебельной фабрике имени Димитрова, и вообще везде, где они трудятся.

Корейца Цан Чен Ли, который работает на «Кирпичиках», избрали членом биробиджанского горкома партии. Директор корейской школы имени Кирова в Благодненном — делегат первой областной партконференции (4 июня 1935 г.).

Активист Андрей Тэн из корейского колхоза имени Карла Либкнехта произносит пламенную речь на первом областном съезде ударников труда и 30 мая 1935 г. единогласно избирается членом биробиджанского горкома партии.

А когда корейца Хана, орденосца и почетного железнодорожника со станции Ин, делегата II областного съезда, приглашают занять место в президиуме, остальные делегаты одаривают его бурными аплодисментами. Это было в начале января 1936 г. «В новой сталинской Конституции, — с воодушевлением сказал тогда Хан, — каждая буква — словно яркая звезда». И еще: «Я работаю на совесть, с душой... Мой преданный труд — это лучшая благодарность нашей партии, нашему правительству, нашему дорогому товарищу Сталину за счастливую жизнь трудящихся корейцев в Советском Союзе...» Фото-

графии Хана помещают в обеих областных газетах — еврейской и русской.

Популярнейшего корейского партийного деятеля зовут Александр Эм. Он почетный делегат II областной партконференции, где в конце мая 1937 года его избирают членом обкома партии. В отличие от своих нетребовательных товарищей Александр известен смелостью и национальной гордостью. Он настаивает, чтобы равноправие корейского народа было не только записано на бумаге, но претворялось в жизнь. Вот суть одного из его выступлений.

1) В корейских колхозах родной язык мало используется официально. Это упущение надо немедленно ликвидировать.

2) На корейском языке почти нет учебников. Нужно создать их как можно скорее.

3) В областных и районных аппаратах должны работать служащие, знающие корейский язык.

Когда он взволнованно рассказывает, как на одном собрании ему не дали слова, потому что не было переводчика, из зала раздаются выкрики: «Это антисоветская выходка! Нужно разобраться и наказать виновных».



В 1936-м по приказу из Москвы во всей стране началась грандиозная компания: народ стал собирать свои трудовые копейки для участников гражданской войны в Испании, и у нас в Еврейской области особой щедростью отличились именно бедные корейцы. И не только взрослые. Голодные, полуголые детишки не отставали от родителей.

Разве смогу я забыть, как была тронута, когда прочитала письмо, которым корейские дети сопроводили собранные деньги, присланные в редакции еврейской и русской биробиджанских газет? Я бережно храню это письмо, и сейчас, когда переписываю его для читателя, у меня снова щемит сердце. Прочитайте! Я уверена, вы не останетесь равнодушны.

«Мы собрали деньги, которые накопили, чтобы купить себе тетради, перья, чернильницы, и просим редакцию, чтобы эти деньги, 16 руб. 50 коп., она как можно скорее переслала испанским детям. Теперь мы каждый день думаем о том, как испанские дети обрадуются нашему подарку и купят себе конфет, булочек, обувь и пальто на зиму».

Чувствуете ужасную бедность, в которой проходили детские годы этих благородных собирателей? И все-таки они не забывают добавить несколько слов о своем «счастлимом детстве», которым их наградил отец народов, и в конце письма обращаются к испанским детям:

«У нас, биробиджанских детей, всё есть... Мы питаемся хорошо...»

Да, так голодные корейские дети заканчивают свое письмо, до этого места совершенно искреннее: «Мы питаемся хорошо». Сколько же вынужденной лжи в этом последнем предложении! Но без него ни одна редакция письма бы не напечатала. И я прошу вас: не осуждайте корейских детей, не они виноваты в этой лицемерной приписке!

Незадолго до постигшей их великой беды, о которой речь пойдет ниже, с большой помпой провели специальное совещание, чтобы подчеркнуть достижения в работе с корейским населением. Совещание прошло в январе

1937-го не где-нибудь, а в обкоме партии, то есть в высшей инстанции Еврейской автономной области.

Вот несколько деталей, которые должны это подтвердить: с гордостью заявили, что на заводе «Кирпичики» более 50% процентов рабочих — корейцы, а в колхозе имени Карла Либкнехта корейцы — почти все колхозники (95%). Все корейские дети учатся на родном языке, и не только дети, но и взрослые корейцы избавляются от многовековой неграмотности. За время существования нашей Еврейской автономной области мы успели ликвидировать безграмотность среди значительного числа корейцев и кореянок, особенно среди тех, кто был принят в коммунистическую партию и комсомол. Есть корейская библиотека и даже драмкружок. Один из участников совещания берет слово и с гордостью рассказывает, что несколько дней назад он пережил волнующий момент: войдя в корейскую фанзу, увидел, как сын хозяина, еще недавно неграмотный, читает всей семье корейскую газету «Авангард»¹. Видели бы вы, какими бурными аплодисментами собравшиеся отреагировали на рассказ о таком достижении.

В резолюции, зачитанной в конце совещания, говорится: «Все достижения, которых добилось корейское население нашей области, стали возможны благодаря беспрестанной заботе коммунистической партии, и в первую очередь нашего вождя — товарища Иосифа Виссарионовича Сталина лично». Совещание заканчивается торжественно, все встают и с воодушевлением поют «Ин-

¹ Корейская газета «Авангард» выходила в столице края Хабаровске, но в Еврейскую автономную область попадала очень редко. (Прим. автора.)

тернационал». Выкрикам «Да здравствует Всесоюзная Компартия!», «Да здравствует вождь народов Сталин!» нет конца.

На самом деле и с экономическим положением, и с культурной работой у корейцев всё гораздо печальнее, чем у евреев и русских. Только слепой не видит, что на всем корейском населении лежит печать ужасной бедности. Приведу несколько фактов.

Корейские школы, как правило, находятся в очень плохих, совершенно неподходящих зданиях. У нас нет даже программы преподавания корейского языка. Школьные методисты и сами малограмотные.

Во всей области только одна-единственная неполная средняя корейская школа, и ученики, которые ее оканчивают, вынуждены продолжать образование в русских школах. Но слабые знания вообще и русского языка в частности не позволяют хорошо учиться. Многие корейские дети остаются на второй год. Руководство русских школ не хочет этого терпеть и создает всякие законные и незаконные препятствия, чтобы их не брать.

Стыдно сказать, но то, что на совещании назвали красивыми словами «У нас есть две (или три) корейские библиотеки», на самом деле означает несколько десятков политических брошюрок, никому не нужных и задвинутых куда подальше на полку.

А корейский драмкружок — это просто жалкая пародия.

Все эти убогие подачки корейцы принимают за чистую монету и при любом удобном случае выказывают преданность и благодарность своим опекунам.

Наверно, читатель думает: зачем автор называет так много корейских имен, описывает ментальность корейцев, их патриотизм и трудолюбие? Я поступаю так намеренно. Привожу множество подробностей, потому что,



Корейские фанзы на станции Ин

Xxxxxxxx

мне кажется, они подчеркнут бессмысленную жестокость ужасного преступления, совершенного против корейцев тем самым богом, которому они так искренне молились.

Это случилось во второй половине 1937 года. Среди бела дня внезапно опустели все корейские колхозы и завод «Кирпичики», где они, эти молчаливые, тихие корейцы, были основной рабочей силой. В тот же день неожиданно исчезло всё население маленьких корейских поселков и самого крупного корейского села Благословенного. Двери корейских школ накрепко заколочены, ни учеников, ни учителей...

В тот день остались пустыми побеленные фанзы. Никто не сидит на аккуратно расстеленных циновках, не встречает вас гостеприимной улыбкой. Вечером мы, случайные прохожие, пугаемся этой пустоты. Стараемся обходить темные фанзы стороной.

Вдруг на маленьком частном биробиджанском рынке, на его нестроганных, почерневших от дождя деревянных прилавках, тоже стало пусто. Нет больше корейнок, продающих овощи (редьку, лук, свежую морковку, чеснок, капусту), которые они выращивали, часы напролет сидя в огороде на низеньких табуретках. Наверно, вы думаете: «Овощи? Большое дело, что о них вспоминать?» Но без этой зелени биробиджанцы, особенно наши дети, страдали страшным недугом — авитаминозом, переходящим в цингу. И теперь всё это исчезло.

Что произошло? Куда в мгновение ока исчезло без следа десять процентов населения нашей области? Ответ состоит из одного-единственного слова: *депортация*. То есть в тот день всё корейское население просто-напросто изгнали из области.

Молодых и стариков, беременных женщин, которые не сегодня завтра должны родить, грудных младенцев, членов обкома партии, комсомольцев и малограмотных чернорабочих — всех без исключения посадили в эшелон, и проделали это совершенно без шума, втихаря. Прекрасно организовано... И переполненный поезд без гудка отправился на запад, как можно дальше от главного врага — Японии... Через день по Биробиджану разнеслись тревожные слухи: переполненный корейцами эшелон пустили под откос! Только машинист и его помощник успели выпрыгнуть из паровоза!

Сколько корейцев спаслось? Сколько нашло свою смерть под вагонами? Кто знает.

Кто в те дни не видел, как китайцы ходят, согнувшись втрое, тот не видел, что такое страх. В их испуганных глазах читалось: сегодня корейцев, завтра нас...

Советская пресса, как всегда, промолчала об этом пре-



Корейцы – продавцы овощей на станции Ин

Ххххххххх

ступлении властей. Нет, не точно. Тут она все-таки отреагировала, и даже не один, а два раза. В первый раз 29 ноября 1937 г. В газетах за тот день появилось сообщение, которое я процитирую слово в слово:

«В НКВД СССР. Японское посольство заявило Народному комиссариату иностранных дел протест в связи с переселением корейцев, проживающих в Дальневосточном крае. В ответной ноте Народный комиссариат иностранных дел решительно отверг этот протест, указав при этом, что не признает за японским посольством права вмешиваться в данный вопрос, поскольку эти корейцы — советские граждане» (ТАСС).

Это лицемерное заявление о чудовищном преступлении, которое здесь названо невинным словом «переселение», было напечатано в углу страницы, всего тринадцать строчек мелкими буквами, а о зверском убийстве «переселенцев», разумеется, ни слова.

А теперь прочитайте второе официальное сообщение об этом преступлении. В этот раз сообщение неслучайно заняло верхние строчки в многонациональной прессе страны, ведь оно описывало великий патриотический поступок советских граждан и исходило не от кого-нибудь, но от самого ЦК ВКП(б) вместе с Совнаркомом СССР:

«22 декабря 1937 г.

За образцовое и точное исполнение задания правительства на транспорте Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) объявляют *благодарность* начальнику управления НКВД Дальневосточного края товарищу Люшкову Г. С. и всему коллективу сотрудников управления НКВД Дальневосточной железной дороги, которые принимали участие в выполнении этого задания».

А лучших и к награде представят...

Читаешь такое, и из глубины души рвутся безмолвные проклятия подлым убийцам невинных людей.

Реквием



Создать лексикон и создать памятник

Думаю, надо создать лексикон погубленных биробиджанцев — тех, кто приехал туда из Советского Союза, и тех, кто приехал со всех концов света. Их имена нельзя забывать. Без особой надежды я желаю, чтобы в Иерусалиме установили памятник, который рассказывал бы, с каким энтузиазмом они ехали строить еврейское советское государство и как жестоко обманулись. И еще необходимо срочно создать организацию, которая будет собирать свидетельства тех, кто до сих пор находится среди живых.

Большое число переселенцев сразу, столкнувшись с ужасной действительностью, начало бунтовать и протестовать. Эти пали первыми жертвами. Они не смогли быстро сориентироваться. До них не дошло, что лучше молчать и не высовываться.

Отношение советских граждан к приехавшим иностранцам было примерно такое: ладно, мы все-таки кое-что успели, было несколько счастливых лет, когда мы верили в расцвет еврейской советской культуры. Немного, но факт: они были. Но вы, приехавшие с открытой душой

и засученными рукавами что-то здесь строить, чего ждете? Что с вами-то будет?

О судьбе некоторых переселенцев из-за границы — Хавы Мадлин, супругов Фукс, часовщика Шмидта, учителя Розина, Мендла Темпла и других — мой муж Нисен Розенталь (А. Бен-Дов) уже написал в своей книге «Еврейская жизнь в Советском Союзе» (Тель-Авив, И.-Л. Перец-фарлаг).

Значительное количество иностранных переселенцев было фанатично предано партии. Они не только приняли всё, что с ними произошло, но и готовы были помогать НКВД искоренять недовольных. Земляки боялись таких и старались держаться от них подальше.

Трудно запомнить всех обманутых иностранцев: разочарованных, озлобленных, запертых в советскую тюрьму. Там они нашли свою смерть; в лучшем случае — мрачные годы в исправительно-трудовом лагере, а потом, сломленные физически и морально, они так и не смогли прийти в себя.

Арестовали и сослали переселенца из-за границы Пейсаховича, закройщика швейной фабрики. Того самого, который, выступая по радио 9 августа 1937 г., сказал: «В Аргентине я даже не мечтал, что буду учиться. А здесь учусь в вечерней школе, а жена окончила педагогический техникум» («Биробиджанер штерн», 15 августа 1937 г.).

Потом Пейсаховича и еще нескольких иностранных переселенцев, кажется, выпустили.

Из той же группы был арестован рабочий фибролитового завода Фридман. После его ареста его жена родила двойню. Один из близнецов умер в больнице.

Обычно женам арестованных приказывали в течение нескольких дней после ареста покинуть Еврейскую авто-

номную область, ведь она расположена в приграничной зоне, и им, женам и детям «контрреволюционеров», не доверяли тут оставаться.

Арестовали Г. Вайнтройба, который приехал из Польши, окончил в Биробиджане педагогический техникум и потом работал в биробиджанской еврейской школе. Он был великолепным учителем. Через короткое время его освободили. Кстати, до ареста он писал смелые статьи против принудительной русификации области.

Другого переселенца из Польши, по фамилии Домб, посадили в тюрьму, а его жену выслали из области, и его следы потерялись.



Дальше я хочу немного рассказать о судьбе приехавших строить Биробиджан евреев из-за границы, которых я знала или о которых слышала.

Маркус

Симпатичный, надежный, эрудированный молодой человек с милой улыбкой и добрыми глазами. Был секретарем Научной комиссии при исполкоме Еврейской автономной области. Работать готов был день и ночь, никогда не жаловался на усталость. Родом из Польши, в Биробиджан приехал из Франции. Был арестован и сослан, его следы полностью потерялись. Оставил больную туберкулезом жену с двумя детьми. Через несколько лет жена умерла.

Электромонтер Зелик

Товарищ Зелик приехал из Риги примерно в 1934-м. Электромонтер по профессии, он работал в театре бригадиром осветителей. Забрали его в 1937-м или 1938-м. Больше Поля, его жена, его не видела. Наверно, он погиб в лагере. Поля была заведующей детским садом в Биробиджане, здесь у нее родились две дочки. Старшая болела туберкулезом. Из детского сада Полю уволили. Его русифицировали, а она недостаточно хорошо знала русский язык.

В 1948-м она с матерью вернулась в Ригу, устроилась в переплетную мастерскую. Когда мы с Нисеном в 1950-м были в Риге, встретиться с ней у нас не получилось. Она стыдилась перед нами своего тяжелого материального положения.

Вольф Хараш¹

Среди арестованных иностранцев был и Вольф Хараш, столяр. В 1931-м или 1932-м приехал из Аргентины, где состоял в компартии. Здесь, в Биробиджане, по какой-то формальной причине его в партию не приняли, что не помешало ему стать большим советским патриотом. Он везде это подчеркивал. Особой интеллигентностью не отличался.

1 Некоторые сведения получены у Мэри Вайнер-Эпштейн во время моего пребывания в Соединенных Штатах. (Прим. автора.)

Сначала он работал в Амурзете, потом на Фабрике Дмитрова бригадиром. Его избирают депутатом горсовета, и его радости нет границ. Он день и ночь борется за повышение производительности труда в области. В 1936-м какое-то время служит в Красной Армии вместе с двумя другими иностранными переселенцами: Оркушем и Пейсаховичем. 22 июня 1936 г. редакция «Биробиджанер штерн» печатает его письмо, как они там счастливы и как рады сталинской Конституции. Он не только активный рабкор. По заданию редакции ездит по Еврейской области и регулярно пишет корреспонденции. Время от времени выступает по радио с пламенными речами и призывами к стахановскому труду. Седьмого мая пишет восторженную заметку под названием «Почему мое сердце стало биться чаще», где рассказывает о том, как в праздничные дни гуляет с дочкой по Биробиджану и не может поверить своим глазам, видя красивые улицы, растущий город, новый вокзал. В статьях предьявляет претензии начальству, которое слишком толерантно к деятельности неких контрреволюционеров, и требует наказать и тех, и тех. Одна такая статья посеяла в области сильную панику.

Арестовали и сослали Хараша в 1937-м. Сразу после ареста его жена Мирьям отдала его одежду кому-то из друзей. Почему? Потому что бывали случаи, когда НКВД забирал вещи арестованного, если они хоть чего-то стоили. А у Вольфа Хараша еще с Аргентины осталось кожаное пальто...

Вольф Хараш оставил жену с маленькой дочкой.

Мойше Сикулер

Лично я его не знала. Поэтому пусть о нем расскажет Мэри Вайнер-Эпштейн, бывшая диктором на биробиджанском радио. Привожу ее рассказ, который я записала слово в слово.

Мойше Сикулер родился в 1908-м в городе Владимир-Волынский, тогда Польша. Был активистом «Гашомер гацаир». Мечтал уехать в Палестину, но из-за ограничения иммиграции вынужденно оказался в Бразилии. Там немного освоил столярное дело, работал у своих земляков. Ни в какой партии не состоял. В 1932-м приехал к матери в Америку. Там тоже работал столяром, по вечерам учился в Еврейском рабочем университете, чтобы восполнить пробелы в образовании, которое всё время прерывалось, потому что он переезжал из страны в страну. Мечтал стать учителем, также активно участвовал в рабочем движении.

В 1936-м он оставляет в Нью-Йорке мать и приезжает в Биробиджан как турист с надеждой получить гражданство и поселиться в области. Заразившись от новых товарищей и друзей всеобщим энтузиазмом, Мойше Сикулер с юношеским пылом погружается в работу на фабрике имени Димитрова. Становится ударником. Надеется продолжить учебу. Но неопределенность его положения как туриста делает это невозможным. Появляется опасность, что его вышлют из страны. И то, чего он боялся, случилось: ему вместе с другими иностранцами, юношами и девушками, в основном из Польши, отказали в гражданстве. В августе-сентябре 1936-го он с делегацией

отправляется в Москву, чтобы постараться получить разрешение остаться в области. Им это удается. Счастливые, они возвращаются и продолжают работать на благо области. Но в июне 1937-го ему опять отказывают в получении гражданства, и он вынужден покинуть страну. Он ужасно разочарован, но не сломлен. Опять едет в Москву, на этот раз один. Получает там временную регистрацию. Стучится во все двери, доходит даже до самого Калинина. Его настойчивость вызывает подозрения. В стране уже беспокойно, царит страх. Это начало бури, которая вскоре охватит страну и погубит лучших сыновей народа.

После двух месяцев в Москве, после безуспешных попыток ситуация проясняется: его арестовывают. Ссылают на пять лет в сибирский лагерь. От его московской хозяйки мы получаем короткое письмо: «Мойше болен, попал в больницу». Всё понятно. На первом письме, которое мы от него получаем, адрес: станция Тайшет. Мой брат Шмуэл Вайнер и муж Мойше Ахтерман посылают ему посылки — сухари. Находим для него немного сахара, растительного масла, несколько банок консервов...

Во Владимире-Волынском он оставил девушку, которую мечтал увезти в Биробиджан. Он пишет ей письма, надеется, что в Биробиджане они поженятся, создадут семейный очаг. Мойше был шатен, среднего роста, хорошо сложенный, широкоплечий, с приятными чертами лица, в которых читались доброта и благородство.

В 1942-м я получаю от него последнее письмо из лагеря. Его отправляют на фронт. И — долгая, бесконечная тишина, которую мы, его друзья, называем «смерть». Его мать в Нью-Йорке ждет письма от сына. Из Владимира-Волынского приходит письмо от его девушки: «Где мой Мойше? Неужели он меня забыл?»

Поняла ли владимирская девушка, столько лет ждавшая суженого, что с ним случилось? Кто знает.

Мэри известно, что у Мойше Сикулера где-то есть брат. Жив ли он? Знает ли о судьбе своего брата?

Ему было тридцать четыре года.

И. Файер

Развитый, культурный пролетарий; очень подвижный, энергичный, пергаментное лицо, голый череп. Член партии, слесарь. Переселенец из-за границы. Приехал из Уругвая или из Аргентины в начале тридцатых, к Советскому Союзу относится с энтузиазмом, к капитализму — с ненавистью. Никогда не устаёт ни трудиться по-стахановски, ни проявлять политическую активность. Пламенный оратор. Не переставая, говорит о величии ленинско-сталинской национальной политики, создавшей советско-еврейскую государственность, и призывает к бдительности. Например, его письмо в редакцию «Биробиджанер штерн» 4 апреля 1936 г., почему не меняют профсоюзные билеты: «Ведь мы знаем, что в профсоюзные ряды, к сожалению, затесались подонки, жулики и аферисты, которые вредят нашим мероприятиям. Ясно, что биробиджанские профсоюзы не свободны от таких элементов...»

Часто печатается его фото: Файер с горящими глазами и подпись: «Первоклассный рабкор». Ему полностью доверяют. Посылают делегацию в Хабаровск к первому секретарю дальневосточного крайкома партии в честь второй годовщины образования Еврейской области, и, разу-

меется, товарищ Файер — один из немногих делегатов, переселившихся из-за границы. Проводится грандиозное совещание рабкоров еврейской и русской биробиджанских газет — главная роль отводится активисту Файеру, и его выступление слово в слово цитируется в прессе.

Забрали его в конце 1937-го или в начале 1938-го. Обратно он не вернулся. Его жену Хаву Левину, переселенку из Польши, арестовали немного позже, беременную.

Вот что рассказала мне Шифра Лифшиц, бывшая преподавательница Биробиджанского педтехникума: «С женой Файера Хавой мы двенадцать дней провалились на тюремных нарах. Она была беременная третьим ребенком. Первый ребенок умер. Второго забрали в НКВД, когда их обоих арестовали. Сказали: “Вы недостойны воспитывать детей. Это сделает советская власть”. Встретились они — муж и жена, — когда в одну и ту же ночь их привезли на биробиджанский вокзал, чтобы по этапу отправить в Хабаровск. Тогда на вокзал доставили две партии заключенных: мужскую и женскую. Хава узнала мужа. Уже издали, находясь в вагоне, показала ему на живот: «Я беременна». Сидя в лагере, Хава долго искала мужа, отправила десятки запросов в другие лагеря, но не нашла. Решила, что его расстреляли. В лагере родила, заключенные дали ребенку имя Горик от русского слова “горе”. Он умер в лагере. Хава вернулась в Биробиджан где-то в сорок первом — сорок втором, совершенно сломленная. Ее дальнейшая судьба мне неизвестна».

Лейба Шуб

Коль скоро зашла речь об иностранцах-фанатиках, для которых всё, что делает партия, свято, а те, кто хоть на шаг отступает от линии партии, должны быть не только наказаны, но с корнем вырваны из советского общества, я должна хотя бы вкратце рассказать про Лейбу Шуба, переселенца из Ковенской Литвы.

Но давайте лучше дадим слово другим. Биробиджанский писатель Фаликман в первомайском номере «Биробиджанер штерн» за 1937 г. публикует очерк под названием «Люди и годы». Автор рассказывает о нескольких биробиджанцах, прославившихся героическим трудом. Про Лейбу Шуба он пишет: «На тридцать третьем году жизни Лейба Шуб стал учителем. Из шести лет, которые он прожил в Биробиджане, четыре года он учился: один год на подготовительных курсах педтехникума и три года как студент. Теперь (то есть 1 мая 1937 г. — Э. Р.-Ш.) он уже год как учитель. Помню, как Шуб, чернорабочий, пришел на подготовительные курсы. Немного странно: человеку под тридцать, и он впервые берется за книжку».

Дальше Фаликман предоставляет слово самому Шубу: «Я простой шорник. Мой отец всю жизнь был носильщиком. В 1922 г. я уехал на Кубу, откуда меня через пять лет выслали за участие в забастовке. Я вернулся в Литву, в свое местечко Ионаву. В 1929-м за участие в демонстрации меня посадили в тюрьму, я просидел полтора года. Тогда я был совсем неграмотным. Со мной в камере си-

дел студент. По ночам, чтобы не слышали надзиратели, он учил меня читать и писать. Мы ложились на койку, и он тихо объяснял мне буквы. Потом, когда я вышел из тюрьмы, я какое-то время ходил без работы, пока в 1931-м не уехал в Биробиджан».

Его постоянно вызывали в НКВД, держали там всю ночь. Домой он возвращался под утро. Об этом знала вся квартира. Он жил в коммуналке с одной кухней. В той же квартире жила семья Мэри Вайнер. Его глубокая вера, что любое отклонение может причинить вред советской Родине, была просто невероятной. Слышали бы вы, с какой ненавистью, с каким презрением он говорил о любом мало-мальски подозрительном человеке.

Продолговатое, аскетичное лицо, густой, черный, кудрявый чуб. В карих глазах — зеленоватый огонек. Когда Шуб произносил речь, этот огонек разгорался сильнее, а щеточки бровей топорщились, словно хотели заколоть обвиняемого... Он часто писал для «Биробиджанер штерн» антирелигиозные статьи, может, самые резкие, которые когда-нибудь где-нибудь печатались. Мы боялись его фанатизма, поэтому избегали Шуба и остерегались, как бы не сболтнуть при нем лишнего.

Большого друга советской власти трудно себе представить. Более верного раба, наверно, не было во всей области. И всё равно! Всё равно его арестовали. Сослали, и его следы потерялись. Были даже те, кто радовался, когда его забрали. Люди считали, что он сдал много переселенцев из Литвы, и ненавидели его. Он был женат на Шейнке Берман, бывшей вязальщице, тоже из Литвы. В Биробиджане она заведовала яслями. Ко всеобщему удивлению ее арестовали раньше. Во время ареста она была беременна. Просидела в тюрьме три месяца. Родила уже

после освобождения. Шуба арестовали еще до рождения ребенка, он его так и не увидел. У них была еще старшая дочка, лет пяти. В 1938-м НКВД приказал жене Шуба покинуть Биробиджан с обоими детьми. Она поселилась на Украине, в Белой Церкви, там младший ребенок умер.

Даже после того как Лейба Шуб на педсовете в еврейской средней школе, посвященном революционной бдительности, выступил с пламенной речью, требуя уволить с работы моего мужа Нисена Розенталя, потому что как иностранец он не заслуживает доверия, я не смогла освободиться от мысли, что Шуб действительно так считает, что он убежден в своей правоте. Со своего фанатизма он ничего хорошего не имел. Более того, прекрасно знал, какая ненависть его окружает. Он не был карьеристом. Я считаю его жертвой партии и советского общественного порядка. Он хорошо усвоил коммунистический фанатизм, который партия так заботливо насаждала в своих людях.

Находясь в Америке, я узнала от Мэри Вайнер-Эпштейн, что его постигла участь всех тех, кого он считал контрреволюционерами. Мне жаль его вдвойне, потому что, когда он оказался за решеткой вместе с теми, кого считал врагами народа, наверняка его разочарование было сильнее, гораздо сильнее, чем у тех, кто еще на свободе увидел чудовищную правду советской действительности.

И еще я думаю, что его положение в тюрьме наверняка было гораздо тяжелее, чем у других, потому что месть его жертв была бы естественным явлением. Такие, как Лейба Шуб, — не более чем продукт проклятой системы, которую построила коммунистическая партия.

И. Перецман

Его забрали 6 февраля 1938-го. В ту же ночь арестовали еще нескольких переселенцев из Латвии. Он не вернулся, жена Эйда и сын Джан больше его не видели. Ему было всего лет двадцать семь. Родился в Латвии, в бедной религиозной семье. Выпускник лучшей рижской еврейской гимназии. Там был арестован за подпольную коммунистическую деятельность. В Биробиджан приехал в 1932-м.

Молодой, стройный, красивый. Большие черные глаза, густые вьющиеся черные волосы. Генех Казакевич, тогда редактор «Биробиджанер штерн», помогал ему, обучал искусству настоящей журналистики. С 1935-го Перецман — штатный сотрудник газеты, ведет колонку о промышленности. Работает с колоссальной энергией и любовью к Биробиджану. Много ездит по области, не боясь ни тяжелых дорожных условий, ни жгучих морозов. Пишет заметки о природных богатствах Малого Хингана. Куда только не проникает. И в копи, и в шахты, и всё описывает с большой любовью. Добирается до золотых приисков Сутары и видит там, в каких ужасных условиях живут золотодобытчики. Пишет и о мебельной фабрике имени Димитрова.

Незадолго до его ареста в московском издательстве «Дер эмес» выходит брошюра Перецмана «Индустриальная база Еврейской автономной области» на идише и на русском.

Через годы после его смерти Высшая военная коллегия его реабилитировала...

Уничтоженные биробиджанцы

Количество
уничтоженных деятелей
Биробиджана велико,
очень велико.
Чтобы написать обо
всех, необходимо
провести огромное
исследование.
Я расскажу только
о некоторых,
и то очень кратко.
О Либерберге и
Губермане – первых
жертвах среди
биробиджанских
руководителей –
я уже написала.
Теперь – о других,
меньшего масштаба.



Б. Вельтман

Он портной. Всё воспринимает ужасно серьезно. Открытый, наивный, добрый, удивительно честный и доверчивый. С представлениями истинного бедняка. Состоял в Объединенной еврейской партии. Чем-то напоминает милого ребенка. Глубоко начитанный. Эмигрировал в Англию, вернулся в первые годы после Октябрьской революции. Вступил в легальную левую фракцию «Поалей-Цион». Был там инструктором. Потом стал коммунистом.

В Биробиджан приехал из Харькова, где был редактором многотиражки «Ройтэ нодл» (или «Штоленэ нодл») на швейной фабрике, на которой работали почти исключительно евреи. Там его уволили с этой должности из-за какого-то «националистического изъяна». В Биробиджане он становится сотрудником «Биробиджанер штерн». Пишет репортажи, фельетоны, руководит бригадой корреспондентов, которая ездит по провинции. Пишет просто, ясно, с юмором. Он автор пьесы под названием «Ножницы и уют» (Москва, «Централфарлаг», 1930, 67 стр.), поставленной в нескольких театрах.

Когда начались чистки, он ужасно растерялся. Его стало не узнать. Сердце разрывалось, на него глядя. Это было и грустно, и смешно. Он места себе не находил. Пытался пойти на сделку с совестью, но не получилось.

Какое-то время, исключенный из партии, ходил без дела. Арестовали его в 1937-м, может, в начале 1938-го. В ссылке много болел. Его родственник Борух Вайсман (Дер Алмойни) посылал ему продукты и одежду. Вельтман умер в ссылке. Добрые люди написали Вайсману о его смерти.

И. Шварцборд

Он выделялся врожденной интеллигентностью, утонченностью, способностями и глубокими знаниями. Вот его официальная биография, составленная в связи с его назначением на должность заведующего отделением агитации и пропаганды при обкоме партии Еврейской автономной области.

И. Шварцборд — пролетарий, сапожник. Родился в 1905 г. В 1920 г. вступил в комсомол, с 1925 г. в рядах партии. С 1925 г. на руководящей партийной и комсомольской работе. В 1927 г. секретарь райкома комсомола в первом еврейском национальном Калининдорфском районе. Затем — заведующий агитпропом райкома партии. Принят на обучение в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), созданный специальным декретом Ленина. (Университет должен был готовить коммунистических деятелей для всего мира. В КУНМЗ учились молодые люди из разных стран, белые и цветные. В 1935-м в Еврейской области уже работало тридцать бывших «западников», бóльшая часть — партийные деятели: выступали с докладами на разных предприятиях, в колхозах, работали в райкомах и обкоме партии, председательствовали в райисполкомах, производственных и культурных учреждениях. В 1935-м всех еврейских выпускников отправляют работать на Даль-

ний Восток, а в 1936-м КУНМЗ ликвидируют, большинство преподавателей и студентов арестовывают.) В 1932-м, после окончания университета, Шварцборда выбрали ответственным секретарем университетской парторганизации. На этом посту он пребывал до начала 1934-го, а затем ЦК перевел его в редакцию московского издательства «Дер эмес», с которым он активно сотрудничал до переезда в Биробиджан.

6 июня 1935 г. Шварцборда выбрали в президиум облисполкома. В 1936-м был редактором двух первых номеров биробиджанского еврейского литературного журнала «Форпост». Шварцборд ужасно страдал от разногласий, царивших в руководстве. Постоянно пытался найти компромисс. В конце концов не выдержал давления и трусливо начал выступать против арестованных «Либерберга и Губермана с их кликой», каялся, что сотрудничал с Либербергом. На районном собрании партактива (29–31 марта 1937 г.) Шварцборд берет слово и рассказывает о «вредительской, подрывной деятельности, которую вели в Еврейской автономной области враги народа, троцкисты Либерберг, Губерман и их приспешники. Они пытались создать группу против партийного руководства области, старались втянуть в эту антипартийную группировку разных людей со стороны». Шварцборд признает свою «грубую политическую ошибку», что связался с этой группировкой, и благодарит парторганизацию, которая вовремя его предупредила, со всей прямотой указала ему на его ужасные заблуждения, и он окончательно порвал с троцкистской бандой Либерберга... Так он вел себя всё время после ареста Либерберга, повторял это при любом удобном случае. Мы испытывали к нему одновременно и жалость, и презрение. Когда

его арестовали, его жена, учительница, осталась с маленьким ребенком.

В тюрьме он, видимо, стал смелее. Мэри Вайнер-Эпштейн мне рассказывала, что на допросе он швырнул следователю в голову чернильницу. Леопольд Трепер уже здесь, в Иерусалиме, рассказывал о пребывании Шварцборда в тюрьме. Вот что он пишет в книге «Красная капелла», стр. 79, о последних минутах Шварцборда: «Его посадили в тюрьму, где он почти потерял зрение. Однажды утром его вывели во двор и поставили к стенке. Перед смертью он выразил свою веру в революцию. И когда ружейный залп прервал жизнь коммуниста, из окон тюремных камер грянул “Интернационал”».

Я рассказала о Вельтмане и Шварцборде, потому что они оба могут служить примером того, как коммунистическая партия справлялась со своими и вынуждала их совершать аморальные поступки.

Михл Бейнфест

Из первых переселенцев. Уже в 1927-м — секретарь белорусского КомЗЕТа. 26 мая 1927-го как член делегации центрального КомЗЕТа выехал в Биробиджан. Это была первая официальная делегация, которую КомЗЕТ отправил исследовать, годится ли Биробиджан для еврейского переселения. Бейнфест с энтузиазмом помогал авторитетным ученым, вошедшим в ее состав. 8 марта 1928 года Бейнфест поехал в Биробиджан уже по приказу ОЗЕТа, чтобы организовать подготовительную работу.

Он бывший бундист. Уже тогда пожилой человек, или, может, мне так казалось. Полноватый, круглое, доброе лицо с крупными чертами, мясистый затылок. Весь его

облик говорит: «Дети мои, зачем ругаться? Без ссор на свете было бы так хорошо, так спокойно. Давайте жить мирно». Малоподвижный, склонный к апоплексии. Во внешности ничего пролетарского или коммунистического. Приятный, тихий человек, он напоминал скорее доброго еврейского дедушку, чем «стального большевика». Им все дыры затыкали. Заваливали самой тяжелой работой, а он никогда не отказывался. Он был ходячей энциклопедией еврейской области, знал в ней каждый уголок. Держал в голове множество данных, цифр, фактов о природных ресурсах области. Когда требовались какие-то сведения о географии, геодезии области, без Бейнфеста было не обойтись. Влюбленный в Еврейскую область, он без устали создавал, сотрудничал, помогал. Ездил по ней почти со всеми научными экспедициями, рассказывал много интересного об этих исследованиях, об ученых, которые в них участвовали. У него была богатейшая коллекция карт, минералов и фотографий области. Трудно представить себе изучение области без Бейнфеста. Даже не знаю, было ли у этого человека какое-нибудь систематическое образование. Он стоял у истоков работы с переселенцами. Знал со всеми подробностями историю каждого нового поселения, каждой приехавшей группы, помнил все успехи и неудачи в деятельности областных учреждений. Чистый практик, он с уважением относился к знающим людям. Всегда был готов помочь им в тяжелых условиях, с которыми они сталкивались по работе. Был первым руководителем Амурбирского совхоза, основанного в 1930 году. Этот совхоз находился в 70 км к югу от Тихонькой. Специализировался в основном на животноводстве. Потом там открыли производство сливочного масла.

В 1934-м Бейнфест — заведующий райздравом. 27

октября 1934 года, перед I съездом Советов, назначают новых людей, и оргкомитет Еврейской автономной области назначает Бейнфеста заведующим организационным отделом облисполкома. Бейнфест — член комиссии, которая должна провести подготовку к первому съезду советов Еврейской автономной области. Его избирают членом облисполкома на первом съезде советов области. В 1935-м облисполком с Иосифом Либербергом во главе организовал «научно-исследовательскую комиссию по изучению культуры и природных богатств Еврейской автономной области». Организаторы думали, что это будет началом института еврейской культуры в Биробиджане, такого, как в Киеве и Минске. Председателем комиссии назначили Бейнфеста, секретарем — Маркуса Чарного. В комиссию вошли также Волобринский и автор этих строк.

Хавкин издевался над Бейнфестом, относился к нему как к мальчику на побегушках, смотрел на него свысока. Бейнфест опасался Хавкина, тянулся к Либербергу, который, несомненно, был ему духовно ближе. От Бейнфеста, еврея до мозга костей, очень странно было слышать коммунистические слоганы. Ему больше подошло бы стоять в синагоге с талесом на голове, чем отчитываться на партсобрании, как он борется с националистами-шовинистами.

В начале 1937-го он секретарь парторганизации облисполкома. Его упрекают, что «его работа не на высоте», что «он страдает идиотской болезнью беспечности, и в отчете на собрании парторганизации, где он является секретарем, он не призывает как должно к борьбе с этой болезнью».

Забрали его в 1937-м или 1938-м, когда аресты были в

разгаре. Вернулся он, наверно, в 1940-м или 1941-м, совершенно больной. Прожил всего несколько месяцев. Его выпустили, чтобы он умер дома. На улицу он больше не выходил. После его смерти из близких осталась только больная жена, известная детская воспитательница Соня Либерман.

Гершл Бриль

Нас связывала крепкая дружба, которая началась, как только я приехала в Советский Союз, в марте 1926-го. Об этом я пишу во второй книге «На путях и перепутьях». В Биробиджане Гершл Бриль был представителем центрального КомЗЕТа.

Живые блестящие глаза, черненький, ловкий, быстрый — прекрасный оратор с железной логикой, способный организатор. И, главное, правдивый, из-за чего нажил немало врагов. Физически он был слабый, но мог работать, ездить, ходить, скакать на лошади с утра до ночи. Пропадал на несколько недель, мотаясь по районам. Сегодня — здесь, завтра — там. Еда? Можно перекусить на ходу, всухомятку. О горячей пище он совершенно забывал. В итоге заработал колит. Со своей ВалеЙ он ютился в комнатухе, в общежитии для переселенцев. Нет стульев? Можно и на ящиках сидеть. Нет стола, негде писать и обедать? Стол можно наскоро из досок сколотить. А одежда так и лежит в чемоданах.

Приведу здесь его биографию, как она была напечатана в «Дер эмес» в марте 1934 г.:

«Бриль — сын белостокского ткача. Родился в 1901, работать начал в 1912. В 1920 вступает в комсомол, в 1923 — в партию.

Приехав в Советский Союз, работает ткачом, потом — коммунистический деятель в Белоруссии, становится членом центрального бюро евсекций ЦК ВЛКСМ. Редактор журналов “Пионер” и “Юнгвалд”. В 1927 Бриль учится в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. Оттуда приходит на работу в КомЗЕТ, становится его представителем в Евпаторийском и Фрайдорфском районах Крыма. В марте 1931 становится сотрудником “Дер эмес” и заведующим культурным сектором. В сентябре того же года его назначают развивать в “Дер эмес” еврейское книгоиздание».

Энергичный и толковый, за время руководства издательством Бриль успевает выдвинуть его на первое место среди издательств, выпускающих литературу на идише. На это указывают и количество, и качество изданных книг.

Во всех статьях и выступлениях у нас в области Бриль бесстрашно критикует руководство. Показывает, как из-за легкомысленного отношения портится нужное, дорогое оборудование, растрачиваются государственные деньги и т. д. Он не выносит несправедливости и горой стоит за обиженных рабочих, из-за чего случается не один большой скандал. Хавкин его ненавидит, Либерберг ценит очень высоко. Бриль печатает статьи в «Дер эмес» и «Биробиджанер штерн». Редактор «Биробиджанер штерн» Генех Казакевич получает не один выговор за то, что публикует смелые статьи Бриля. Больше всего наделала шуму его статья «Где переселенцы?», которую Хавкин так и не простил ни автору, ни редактору Казакевичу за его, Казакевича, «недостаточную бдительность» (напечатана 17 февраля 1935 г.). Не менее острой оказалась статья Бриля «Печальный урок» («Дер эмес», 11 ян-

варя 1935 г.). Его статьи перепечатывала вся биробиджанская пресса, а ее было немало. Не забывайте, что в Еврейской области на еврейском и русском выходило две областных газеты, три газеты политотделов, одна транспортная и около ста пятидесяти стенгазет.

Но это продолжалось недолго. Хавкин добился, что Бриля просто выгнали из области. В Хабаровске его, как всех выгнанных из Биробиджана, приняли с распростертыми объятиями и дали важный хозяйственный пост.

Арестовали Бриля в Хабаровске. Ходили слухи, что его расстреляли.

Так сталинский аппарат сконцентрировал в одном месте еврейских культурных деятелей, дал им, на бумаге, официальную возможность показать свои национальные чувства, чтобы через несколько лет физически уничтожить.

Мойше Левитан

Семья Левитан происходит из старой еврейской колонии Надежная Екатеринославской губернии, где царская власть разрешила евреям селиться на земле.

Мойше Левитан был мощный, широкоплечий. Настоящий крестьянский сын. Входя, он заполнял собой всё помещение. Румяный, подвижный, всегда в хорошем настроении. Влюбленный в еврейский язык и культурные ценности. Либерберга он буквально боготворил. Беспартийный. Его старшего брата, известного еврейского культурного деятеля Михла Левитана, арестовали в Киеве, и его следы затерялись. Раньше Мойше Левитан был директором еврейского Харьковского машиностроитель-

ного техникума. За отличную работу дважды получал премии на всесоюзных конкурсах. К 1935 году успел выпустить двести техников, которые занимали ответственные должности на крупнейших машиностроительных заводах Советского Союза: на Луганском паровозостроительном заводе, Коломенском паровозостроительном заводе, Харьковском тракторном заводе, магнитогорских промышленных гигантах и др. В Харьковском техникуме обучалось пятьсот студентов. Педагогический коллектив состоял из тридцати двух человек, в основном высококвалифицированных инженеров.

Левитан загорелся идеей создать такой техникум в Еврейской области и с энтузиазмом взялся за дело. С начала 1935 года он строит техникум ускоренными темпами. 10 апреля 1935 года был заложен первый кирпич, а через год в техникуме уже шли занятия.

«14 и 15 марта 1936 г. в горно-металлургический техникум из Москвы выезжают двадцать шесть студентов» («Биробиджанер штерн», 1936 г.). «16, 17 и 18 марта 1936 г. в горно-металлургический техникум выехало восемьдесят студентов» (Телеграмма Сатановского, Москва). Сюда приезжают студенты со всех концов страны, некоторые из них раньше работали в тяжелой промышленности, стояли у станков и доменных печей. Это единственное в мире еврейское техническое учебное заведение такого рода. На следующий год будет около трехсот студентов, потому что по плану должно приехать еще сто двадцать переселенцев. На 1 сентября 1936 г. в техникуме учатся сто пятьдесят два человека, а в 1937-м — двести. Здесь семь факультетов: четыре старых и три новых, только что открывшихся. В техникуме десять квалифицированных педагогов, на днях должны прие-

хоть еще двое преподавателей-инженеров. Всем студентам предоставляется общежитие. Каждый получает койку, матрац, простыню и одеяло. Есть своя столовая. Техникум непосредственно подчинен такой богатой инстанции, как Народный комиссариат тяжелой промышленности, и финансирование по тем временам колоссальное — около двух миллионов рублей. Из них на строительство учебных корпусов — один миллион рублей, на квартиры для персонала — пятьсот тысяч рублей, на технические средства обучения — двести тысяч рублей и т. д.

В 1937-м о Мойше Левитане написали: «На собрании биробиджанского партактива городскому комитету комсомола поставили на вид, что до сих пор важнейшим учебным заведением руководит такой политически неблагонадежный человек, как Мойше Левитан, и там обучаются контрреволюционно настроенные студенты. Два дня продолжается общее собрание техникума, и выясняется, что директор, приспешник Либерберга, брат националистического контрреволюционера Михла Левитана, хозяйничает там на контрреволюционный манер».

Левитана и нескольких студентов арестовали. Где покоятся его останки, я не знаю.

Александр Заблудовский

Был основателем поалей-ционистской организации в Ломжинской губернии, в Польше. В 1920-м бежал с Красной Армией в Советский Союз. По профессии слесарь. В Киеве занимал высокие посты в еврейском коммунистическом мире. Какое-то время был редактором киевской еврейской газеты «Комфон». В Еврейской автономной

области был заведующим организационным отделом облисполкома, потом секретарем исполкома. Также был секретарем исполкомовской партячейки.

Когда арестовали Либерберга, пытался отмыться от своих «грехов и ошибок», от сотрудничества с «троцкистом», но тщетно. Его тоже арестовали, и его следы потерялись. После его ареста газеты подробно рассказывали о «вредительской деятельности троцкиста и националиста Александра Заблудовского».

Хаим Шиф

Бывший поалей-ционист. В Киеве некоторое время был редактором газеты «Комфон». Еврей до мозга костей. В Биробиджан приехал из Бердичева. Здесь был назначен прокурором. Пытался вести процессы на еврейском языке. Его исключили из партии как «троцкистского пособника Либерберга» и арестовали. Через короткое время выпустили. Он сразу вернулся в Бердичев, заведовал там еврейским отделением бердичевского музея. Погиб на фронте в Великую Отечественную войну.

Его невестка была активным общественным деятелем в Израиле.

Б. Копилевич

Преподаватель еврейского языка и литературы в Биробиджанском педтехникуме. Беспартийный. Окончил историко-филологический факультет в Одессе и литературно-лингвистическое отделение Белорусского государственного университета. В Биробиджан приехал

из Минска. Принимал участие в строительстве педагогического техникума, помогал чем мог: носил доски и кирпичи, в техникуме дневал и ночевал. Пользовался авторитетом у студентов и преподавателей, да и у всего населения. Когда в педтехникуме был первый выпуск (27 июня 1935 г.), в газете написали о Копилевиче: о его важной работе со студентами, его глубоких знаниях, даже напечатали его фото.

В мае 1935-го он выступает с докладом на первом совещании об унификации диалектов идиша, которое провела Научная комиссия совместно с ОБЛОНО и редакцией «Биробиджанер штерн». Без устали боролся за идишизацию области и чистый еврейский язык. Автор целого ряда книг и значительных филологических статей. Арестован в 1938-м. Умер в тюрьме еще до суда.

Аресты среди педагогов

Арестованы:

Озанков, бывший эсер, директор биробиджанской еврейской школы;

Ходос, директор амурзетской школы, «враг народа, троцкист, которого Либерберг превозносил до небес», согласно официальному обвинению;

Чен, директор венцелевской школы, «кулацкий сын, пьяница и вредитель», согласно официальному обвинению;

Голда Лис, учительница истории;



Биробиджан, школа№2

Харьковский альбом

Каплан, директор еврейской средней школы в Биробиджане;

Исроэл Рабинович, директор Биробиджанского педтехникума;

Носен Корман, директор Государственного еврейского театра и лектор педтехникума;

Биньёмин Гольдфайн, заведующий ОБЛОНО.

Арестованы **студенты техникумов**. Выше я уже назвала несколько имен. Среди них также Меламед и Пищиков. О них сказано: «Оба этих классовых врага долго орудовали в горно-металлургическом техникуме. Теперь они арестованы за свою контрреволюционную деятельность» («Биробиджанер штерн, 14 июля 1937 г.).

Арестованы **ученики старших классов, комсомольцы**. Среди них и неевреи — в Смидовичском районе и других местах.

Кто сможет упомянуть всех жертв еврейской трагедии, имя которой — Биробиджан?

Сорок четыре расстрелянных железнодорожника

Май 1937-го. Смогу ли я забыть страх в глазах биробиджанцев в те дни, когда были расстреляны сорок четыре железнодорожника? Как такое забудешь? Наверно, это воспоминание будет преследовать меня до конца жизни.

В рубрике «Хроника» всех газет однажды утром мы прочитали: «Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда Союза ССР рассмотрено в г. Свободном дело об участниках троцкистско-шпионско-террористической и диверсантской организации, действовавшей на железных дорогах Дальнего Востока под руководством и по заданию японских разведывательных органов». И перечислены фамилии сорока четырех человек, которые были «приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение» («Биробиджанер штерн», 12 мая 1937 г.). В списке встречаются еврейские фамилии: Авербах, Галкин, Панова-Шаргородская и др. Но у многих евреев нееврейские фамилии, поэтому мы не знаем точного количества расстрелянных железнодорожников-евреев.

Пять дней спустя официальный орган коммунистиче-



Бригада ремонтирует паровоз

Харьковский альбом

ской партии «Правда» напечатал передовицу об этом событии. Меньший формат дальневосточных газет не позволял перепечатать статью целиком, поэтому в тот день их формат увеличили, чтобы эту статью прочитали у нас как можно быстрее. И...

«Подсудимые признались в своих преступлениях». Они действовали «по заданиям резидента японской разведки, старого матерого шпиона Авербаха... Он получил от своих хозяев до 60000 руб. На Амурской дороге Авербах занимал должность начальника плановой части паровозной службы... Авербах заявил на допросе: “Японцы требовали, чтобы мы перешли к массовым диверсиям, выводили из строя станки, оборудование, поджигали предприятия и особенно активизировали диверсии...”

Они устраивали на Амурской и Дальневосточной железных дорогах крушения пассажирских, воинских и товарных поездов, поджигали предприятия, вредительствовали в паровозном хозяйстве, создавали умышленно пробки на железных дорогах. Они снабжали японскую разведку сведениями о количестве проследовавших в Хабаровск воинских поездов, о состоянии железнодорожных узлов. Они передавали японским разведчикам схемы станций, планы депо Хабаровска и др.»

Они также признались, что «чтобы искусственно создать недовольство среди рабочих, они устроили так, что стахановцы, ударники и честные рабочие получали меньше, чем лодыри, прогульщики и бракоделы». Они признались, что отравили парторга т. Федоркина, «когда он напал на следы их преступной работы». Яд они получили у резидента японской разведки Лежедко, начальника Куйбышевского отделения Амурской железной дороги.

Также «следствие раскрыло кровавые преступления, совершенные на Орджоникидзевской ж. д.». Там они орудовали по заданию «расстрелянного троцкистско-германского шпиона Лившица».

«Здесь орудовала шайка, которая ставила своей задачей, как признал обвиняемый Бурштейн, устраивать кру-

шения с наибольшим количеством человеческих жертв» (выделено в «Правде»). «В течение одного лишь января 1937 г. было устроено на Орджоникидзеvской дороге 17 крушений и аварий». Приводится подробное описание одного из крушений: «Сорок девять убитых, девяносто пять раненых». Как видите, даже с точными цифрами...

Заканчивается передовица так: «Врагам СССР мы житья не дадим!

За каждую каплю пролитой рабочей крови враги СССР расплатятся пудами крови шпионов и диверсантов!»

В статье редакция полемизирует с иностранной прессой, в частности, с органом английской Лейбористской партии, который выступает против несправедливости по отношению к расстрелянным. «Правда» честит английскую газету последними словами, но так советские граждане узнали, что за граница не промолчала, отреагировала на чудовищные лживые обвинения.

Пусть читатель не забывает, что после смерти Сталина, после XX съезда КПСС, все жертвы были *реабилитированы!* Да-да, реабилитированы! Значит, это ужасное убийство, как и многие другие, было заранее срежиссировано.

Другие грандиозные процессы до этих пор проходили далеко от нас, «враги орудовали» на западе СССР. Но трагедия с железнодорожниками случилась в сердце Еврейской области. Хотя у железнодорожников были собственные парторганизации, собственные суды, они находились в тесной связи с инстанциями Еврейской области.

И еще одно: железнодорожные узлы, находящиеся на территории Еврейской области, обращались в ОЗЕТ и КомЗЕТ, чтобы те готовили специалистов из переселенцев, поэтому обе еврейские инстанции были тесно связаны с расстрелянными «преступниками». Посудите сами:

сейчас еврейских переселенцев-железнодорожников, всего 158 мужчин и женщин, готовят на двух курсах в украинских городах Полтаве и Жмеринке. Работать им предстоит исключительно в Еврейской автономной области...

Началась волна арестов. Аресты прошли в депо на станции Ин, на других участках железной дороги, а также в прочих местах, потому что «здесь давно орудовали враги народа — троцкисты...»

Первого марта 1937 г. «Биробиджанер штерн» пишет: «В ряде населенных пунктов Бирского района, на Лондоковском известковом заводе, на железнодорожном транспорте и т. д. орудовали враги народа, японско-германские троцкистские агенты».

На швейной фабрике тоже прошли аресты, и против жен арестованных устроили такие подстрекательства, что их всех уволили с работы — хоть ложись и помирай с голоду.

В районах арестовали почти всех, кого заподозрили, что Либерберг с ним, когда-то дружески побеседовал; посещая район, зашел в дом выпить стакан чаю, погреться с мороза, высушить промокшую одежду.

Арестовали одного из руководителей областного КомЗЕТа Альтмана — «подонка, троцкиста, которого враг народа, японско-германский троцкист Либерберг всегда прятал под крыло...»

Каждый день с дрожью открываешь «Биробиджанер штерн»: новая фамилия еврейского деятеля, писателя — арестован, исключен... Троцкист... Шовинист... Сионист... Правда, московские газеты приходят гораздо позже, самолетом тогда газеты не доставляли, но «Биробиджанер штерн» печатает новости, переданные по телеграфу, в тот же день.

Представляешь ли ты себе, читатель, какие муки испытывали те сорок четыре человека, как их пытали в НКВД, чтобы добиться от них этой страшной исповеди? Инстинкт самосохранения подсказывает: «Беги! Спасайся от мучительной гибели!» И бежит каждый, кто только может. Но в Советском Союзе бежать некуда, ведь в каждом уголке огромной страны бдительность НКВД так велика, что спрятаться и думать нечего. И все-таки бежали, скрывались многие, очень многие. Обычно это делали очень тихо: был человек и вдруг исчез.

Страшно было читать в газетах, как люди, казалось бы, совершенно нормальные, поливают грязью близких, друзей и родственников, которых вчера арестовали. А завтра другие говорят о них то же самое, потому что они сами уже сидят. Это кошмар — наблюдать, как люди от страха за свою жизнь перестают быть людьми, теряют человеческий облик.

Так было в Биробиджане, когда в рождественскую ночь 1937 года мне удалось бежать отсюда.

Шум вокруг дела Абчука

В третьем томе «На путях и перепутьях» я рассказывала о советском еврейском литературном критике и прозаике Авроме Абчуке. Я рассказывала, что, несмотря на его стопроцентную пролетарскость и урапатриотизм, он всё же согрешил, и Дамесек из Минска напечатал статью, где обвинил Абчука в еврейском национализме, троцкизме и т. д. Тогда я уже жила в Биробиджане.

Здесь я хочу рассказать, как статью Дамесека и арест Абчука восприняли у нас в Еврейской области.

Уже не помню, кто принес в Биробиджан печальную новость о статье Дамесека против Абчука. Узнали об этом по сарафанному радио, потому что в то время почта из центра шла в Биробиджан добрых недели две. Статью мы ждали с большим нетерпением. Кто еще не понял, что случилось с Абчуком, мог узнать точно, прочитав этот пасквиль.

На этот раз в Биробиджанской областной библиотеке поторопились: статья Дамесека еще не пришла, а заведующий, не дожидаясь циркуляра от «нашего» цензора Гороховского¹, быстро убрал с полок не только «Гершла Шамаю», трэфную книгу Абчука, но и его остальные произведения. Из журналов вырвали страницы с его работами, а в содержании вымарали его фамилию и названия статей. Сделали в точности по официальному распоряжению «Как библиотеки обязаны поступать с запрещенными произведениями». Друзья Абчука, и я в том числе, ринулись к своим книжным шкафам и быстро бросили в печь все его книжки, мало того, что потенциально запрещенные, но многие еще с авторским автографом. О, сколько сотен тысяч книг, хороших и посредственных, с автографами авторов, было предано огню в Советской России! Вы думаете, это страусиная политика? Будто о дружбе киевских биробиджанцев с Абчуком и так не знали. Но инстинкт подсказывает: когда за тобой придут, пусть одним доказательством твой «антисоветскости»

1 О «нашем» цензоре, плюгавом подонке Гороховском, который, даже не стесняясь тех, кого он подставлял, сообщал в областной НКВД каждое подслушанное слово, я подробнее расскажу в другом месте. (Прим. автора.)

будет меньше. И иногда инстинкт действительно помог в час беды... Потому что кто-кто, но киевские прекрасно знали, что, если Абчук пока не за колючей проволокой, лагерь всё равно ждет его в ближайшее время. И, как читателям этой книги уже известно, мы не ошиблись¹.

Когда слух «Абчук арестован» дошел до далекого, захолустного Биробиджана, всего лишь слух, потому что наверняка никто из нас не знал, здесь кроме меня находились другие товарищи из Киева, которые с Абчуком дружили, учились и работали в Киевском институте еврейской культуры. Мы знали, что под Абчука уже давно копают, и это будет чудо, если он избежит беды, но все-таки недоумевали: фанатичного советского патриота посадят за национализм? До такого может додуматься только или дьявол, или сумасшедший.

Но мы уже привыкли и не к таким сюрпризам: кровавый тридцать седьмой уже начался. И у нас в Биробиджане террор разбушевался еще до того, как Сталин назначил главным палачом безмозглого убийцу Николая Ежова. Партийное руководство Биробиджана уже вело безжалостную борьбу против еврейских культурных деятелей, которые по своей наивности добровольно приехали сюда и требовали минимума: чтобы область была еврейской не только по названию, но и по партийному принципу – «интернациональная по содержанию, национальная по форме».

¹ См. статью «Презренные враги под маской литераторов» в минском журнале «Дер штерн» за октябрь 1936 г. Лейтмотив статьи таков: «Смерть контрреволюционным троцкистам, которые орудовали в еврейской литературе!» (*Прим. автора.*)

Киевский институт еврейской культуры, откуда приехала большая группа культурных деятелей, разгромили несколько месяцев назад (в апреле 1936-го), и мы понимали, что пожар распространяется и скоро доберется до нас.

Вождем «шовинистов» в Биробиджане секретарь обкома партии Хавкин считал, и не без оснований, Иосифа Либерберга — председателя Еврейской автономной области. (Как сказано выше, до приезда в Биробиджан Либерберг был основателем и директором Киевского института еврейской культуры при Украинской академии наук.) И он оказался среди первых жертв: его арестовали в конце лета 1936-го. И сразу Еврейскую область до самых удаленных уголков на долгие месяцы охватили наэлектризованные массовые собрания, где без конца исключали из партии и увольняли с работы всех, кто имел хотя бы малейшее отношение к «шовинисту и троцкисту Либербергу, подсланному японским правительством члену шпионской организации, цель которой — оторвать Дальний Восток от Советской России» (из протокола одного из бесчисленных собраний).

Слово «киевские» стало ругательством. Нас избегают лучшие друзья. У любого, кто приехал из Киева, земля горит под ногами. Мы боимся встречаться друг с другом, и одиночество, на которое мы сами себя обрекли, гнетет не меньше, чем страх ареста. Мы понимали, что наши дни сочтены, и каждую ночь ждали... Кто имел хотя бы малейшую возможность, тот сбежал: Квитный, Элиович, Хаим и Ривка Гусовские, Борух Вайсман — Дер Алмойни, его жена Поля, высококвалифицированный экономист Гутман и многие другие.

Меня уже исключили из партии с формулировкой «за



Хавкин Либерберг

Харьковский альбом

то, что потеряла партийную бдительность, что проявилось в многолетнем сотрудничестве с врагом народа Иосифом Либербергом, и что не раскрыла его троцкистско-шовинистической деятельности». Меня потащили в биробиджанский НКВД, я пошла туда в шубе, как медведь, хотя погода стояла теплая. И еще захватила корзину с теплым бельем, которое собрала заранее. Дома я корзину так и не распаковала, решила, что не надо. Так она и простояла до той минуты, пока я не вырвалась оттуда. Даже в вагоне я ставила корзину поближе. Вдруг снимут с поезда, так пусть будет под рукой. От волнения я ее забыла...

Жена Либерберга Ньюша Гольдштейн с их дочкой Тамарой успели заколотить досками дом и, дав кассиру на вокзале очень крупную сумму, благополучно уехать в

Киев. Выпускник Института еврейской культуры, мой хороший друг Биньёмин Гольдфайн, заведующий ОБЛОНО, не возвращается из отпуска. Скрывается где-то в Центральной Сибири, а Хавкин без конца вызывает к себе в кабинет его жену Валу: «Телеграфируй ему, чтобы немедленно возвращался, иначе ему же хуже будет».

Моего Нисена уже отовсюду уволили. Это произошло после двух летучек педсовета еврейской средней школы. Ведь он не только недавно приехавший иностранец, но еще и муж исключенной из партии Эстер Шнайдерман. И мы оба ищем способ поскорее сбежать отсюда. Сначала он, а за ним и я.

Кстати, на второй летучке вдруг открылась дверь, на пороге возник растерянный завхоз Розенберг и обратился к директору: «Товарищ Каплан, за вами пришли!» И два ожидавших в рекреации энкаведешника увели его навстречу гибели.

Экстренное собрание театрального коллектива. Повестка дня: «Повышение бдительности в театре». Слово берет еврейский актер Икс (которому, кстати, я помогала, когда он сюда приехал): «Пока такой человек, как Эстер Шнайдерман, пособница контрреволюционера Либерберга, остается на свободе, и речи быть не может, что еврейская культурная работа в области чиста от шовинизма!» А до смерти перепуганный директор театра Носен Корман молчит. Он понимает, в чей огород этот камень. Ведь он тоже из компании Либерберга: окончил аспирантуру в Институте еврейской культуры.

Такая атмосфера царил в Биробиджане, когда пришло известие об аресте Абчука. А он ведь не просто киевский, но еще и сотрудник ликвидированного Института еврейской культуры. «Один из этих», — бросил кто-то в

наш адрес, и фраза разлетелась. И наша жизнь стала еще тяжелее.

Однако это не значит, что семь кругов ада прошли только киевляне. Приехавшие из других мест разделили нашу судьбу. (Кроме тех, кого Хавкин привез с собой из Смоленска, и то до поры. На них тоже посыпались гонения и аресты, когда забрали Хавкина, Аншина и других начальников, присланных Центральным комитетом партии, чтобы не допустить в области «национализма».)



Всё, что я сейчас рассказала, — это лишь немногие факты, случайно пришедшие в голову, когда я писала про Абчука. Его имя фигурирует здесь как еще одно доказательство, что киевских уничтожали в первую очередь. Сначала огонь обратили против них.

Хочется добавить, что почти все биробиджанцы, которых я назвала, раньше или позже были арестованы — и порядочные люди, и непорядочные. И большая часть тех, кто успел бежать, тоже попала в лапы НКВД.

Через семь месяцев после ареста Либерберга была вскрыта «вредительская деятельность Хавкина в течение трех лет». Люди друг за другом выступали и рассказывали, что в области процветают подхалимаж, интриги, политический шпионаж, обман и банальное воровство, в котором замешан сам Хавкин. Его сняли с должности и арестовали вместе с его приближенными. В лагере он занимался портняжеством, шил одежду для начальства и их жен. Вышел и жил дальше как партийный пенсионер...



И вдобавок ко всем бедствиям, которые обрушились на меня в августе 1937-го, вдруг появляется статья с подробным описанием погрома в моем родном городе Ченстохове: погром был «прекрасно» организован польскими реакционными партиями, много раненых и ограбленных. Проходил погром под лозунгом «Евреи, прочь из Польши!». И еще в статье написано, что «сионисты, контрреволюционеры тоже поддержали этот лозунг».

Я очень волнуюсь: там живут мои родители, братья с семьями, моя многочисленная родня! Что с ними? Как о них узнать?

Но ведь я уже несколько лет как трусливо порвала с родными, написала: «Не пишите мне, я переезжаю в другой город и адреса еще не знаю».

И теперь, в конце лета 1937-го, я оказалась в западне! Моя свобода висит на волоске. Я даже мечтать не могу, чтобы написать им, спросить, как у них дела. На душе очень тяжело.

Уже вначале

Неверно было бы думать, что борьба с любой попыткой превратить Биробиджан в национальный еврейский дом началась, только когда приехал Хавкин. Еще до преобразования Биробиджанского района в Еврейскую автономную область идет энергичная борьба против «ев-

рейской угрозы» в Биробиджане. Чтобы в этом убедиться, думаю, достаточно познакомиться с речью Гуревича, предшественника Хавкина, тогдашнего хозяина, первого секретаря биробиджанской районной парторганизации. Гуревич произнес эту программную речь в начале января 1934-го на одиннадцатой партконференции Дальневосточного края в Хабаровске.

Хотя первое время партия может рассчитывать только на энтузиазм «бывших» и действительно этот энтузиазм использует, она уже тогда усиленно ищет кадры, не запятнанные этим грехом. И ставит перед ними задачу: «Будьте бдительны! Не спускайте с них глаз! Не позволяйте им распоясаться!»

«У нас, — говорит Гуревич, — руководство себя запятнало. В бюро райкома сидело много бывших бундовцев...» И дальше: «Когда бывшие члены других партий в большом количестве собираются вместе, да еще в еврейском национальном районе, ничего хорошего из этого не выходит».

Уже тогда партия не желает видеть в Биробиджане неассимилированных евреев. Она уверена: в каждом «бывшем» по-прежнему тлеет национальное чувство. И когда об этом заявили? Уже в январе 1934-го, когда в Биробиджанском районе насчитывалось всего-то шесть тысяч евреев. Столько же, сколько на одной-двух киевских улицах! Партии нужны руководители без еврейского национального общественного прошлого. Для которых Биробиджанский еврейский район ничем не отличается от любого другого района, где надо завести коммунистические порядки, чтобы колонизировать его для строительства коммунизма.

Но как назло в Биробиджан рвутся именно «бывшие»

с надеждой, что здесь они найдут для советского еврейства возможность сохранить национальную идентичность.

Только посмотрите, как партия боится, что мы соберемся в большом количестве!

И как вам нравится вранье Гуревича, что «бывшим членам других партий мы не припоминаем их прошлого, если они работают хорошо»?

Припоминали, еще как припоминали! На каждом шагу. И как же унизительно для «бывших» звучит, что «там, где они собираются вместе в большом количестве, ничего хорошего не выходит»! Можно ли представить себе больший плевок в лицо тем, кто душой и телом предан партии?!

Всё время мы, «бывшие», чувствуем себя людьми второго или третьего сорта, на которых смотрят с подозрением. В Биробиджане это приняло особенно уродливые формы. И изменило психику каждого из нас.

Нелегко нам было ходить с высоко поднятой головой. Любое ничтожество, любой малограмотный, зачастую морально разложившийся карьерист всегда имел преимущество перед «бывшим», даже будь он великим человеком, способным принести гораздо больше пользы, чем то ничтожество с «безупречным» политическим прошлым. Хамы из руководства, не стесняясь, говорили это нам в глаза, проповедовали на собраниях. А ты сидишь, опустив голову, скорчившись, и думаешь: «Господи, сколько можно рассчитывать на человеческую порядочность?»

Но давайте послушаем, что еще говорит биробиджанский властелин Гуревич: «Большое количество “бывших” — бундовцев и сионистов — находилось в Биробид-

жане на руководящих постах. Они считали, что ими руководит не крайком партии, а центральный совет ОЗЕТа. Эта организация — пролетарская, но я считаю, что в ее руководство тогда пробралось много бывших бундистов». И дальше: «Центральный совет ОЗЕТа собирался строить Биробиджан только для евреев и только еврейскими руками, поэтому у многих из них желание строить район теперь пропало».

Чем больше нас попрекали нашим «преступным» прошлым, тем больше мы, «нечистые», сближались друг с другом. Так что результат получился прямо противоположный. Разумеется, были среди нас трусы, которые избегали своих вчерашних товарищей. Отношение партии к «бывшим» негативно влияло на моральное состояние некоторых из них. Такие хотели доказать партии, что им напрасно не доверяют. А как это доказать? Очень просто, на практике: делать всё, что партия прикажет, и более того... А те, кто по-прежнему верил партии, обычно занимались «самоанализом»: не осталось ли во мне каких-нибудь остатков национализма? Сами себя наказывали, сами себя ругали: фу, как некрасиво!

«Теперь, — продолжает Гуревич, — мы уже избавились от бывших бундистов, либералов, сионистов... Теперь есть четкая линия, не бундистская, не сионистская, а большевистская».

Думаю, процитированного вполне достаточно, чтобы читатель убедился: борьба с любой попыткой создать национальный еврейский дом велась с самого начала существования Еврейской автономной области.

И еще одна цитата из речи Гуревича: «Сионисты, фашисты, бундисты и прочие подонки распространяют дичайшие слухи про Советский Союз и ленинскую нацио-

нальную политику нашей партии. Они пытаются доказать, что план Биробиджана полностью провалится». А ведь их мнение оказалось пророческим. И какими же глупыми и наивными были мы, которые туда стремились...

Нищий



Странный человек

Где-то в конце пятидесятых москвичи стали замечать на улице странного человека. Он сидел на голом асфальте возле Большой синагоги: еврей в лохмотьях, с растрепанной бородой и такими глазами, что людям становилось неловко, когда они встречались с ним взглядом. Рядом лежал молитвенник и валялось несколько брошенных прохожими монет.

Для московских улиц это что-то новое. Нищенство в Советском Союзе строжайше запрещено. Евреи интересуются у нищего: «Кто ты? Откуда? Где ты живешь?»

Нищий медленно поднимает глаза на любопытствующих и тут же опускает, упрямо храня молчание.

Новость о бездомном нищем около Большой синагоги разносится по еврейской Москве: жаль человека. Рано или поздно в милицию заберут, посадят. Непонятно, как, несмотря на закон, этого до сих пор не сделали.

Стали специально ездить к синагоге: может, этот несчастный откроет тайну, кто он такой? Тогда, может, и помочь ему получится?

А он всё сидит на том же месте, уткнувшись взглядом в молитвенник. Подойдет кто-нибудь, постоит рядом и уходит ни с чем.

Но однажды двое немолодых москвичей — мой близкий друг Янкл Кантор и, если не ошибаюсь, Ш. Блумберг — всмотрелись нищему в лицо и тут же узнали выражение его глаз. И в один голос воскликнули: «Ошер! Ошер Перельман! Это вы? Товарищ Перельман, вы нас не узнаете?»

Вместо ответа нищий вздрогнул всем телом, и мои друзья убедились, что не ошиблись. Да, это он! Ошер Перельман! Значит, освободился из лагеря...

Долго два бывших еврейских общественных деятеля не могли прийти в себя после такого открытия. Молча стояли, не в силах отвести взгляд от скорчившейся фигуры нищего. Вот что стало с человеком, которого они знали еще в начале тридцатых! Стоят, и молчат, и с места двинуться не могут.

Видимо, человек все-таки взял себя в руки, потому что опять медленно поднял глаза, задержался взглядом на Янкле Канторе, потом на Блумберге... И снова уткнулся в молитвенник. Напрасно они пытались еще раз поймать его несчастный, тяжелый взгляд. И ни слова от него так и не услышали.



Яков Кантор когда-то состоял в Объединенной еврейской социалистической рабочей партии. Один из первых руководителей евсекции при отделе образования в густо населенном евреями Киевском округе. Способный и активный публицист. Много писал для советской еврейской

периодики об образовании, экономических проблемах еврейской бедноты в Советском Союзе и о поселении евреев на земле. Автор популярных брошюр на русском и идише. Был убежденным атеистом, писал антирелигиозные брошюры и статьи. Кроме того, в Москве в 1934-м на русском вышла его объемная книга о национальном строительстве у евреев. В ней Кантор подводит итоги и с цифрами в руках показывает непрерывный рост экономической, социальной и культурной деятельности, которую советская власть осуществляет среди еврейского населения.

Ему повезло. Он избежал судьбы большинства советских еврейских культурных деятелей: его не посадили, и через несколько лет он умер в своей постели, окруженный заботой дочери и зятя.

Яков Кантор был надежным, верным другом, смелым человеком, насколько можно быть смелым в Советском Союзе: готовым даже рисковать постом, который он занимал в партии. Один из немногих, кто открыто поддерживал отношения с «неприкасаемыми» семьями наших осужденных друзей, помогал им в их ужасном материальном положении; кого-то поддерживал морально, не давая пасть духом в беде. Один из последних могикан, с энтузиазмом строивших советскую еврейскую культуру. Я очень ценила его за наивную порядочность, за доброе еврейское сердце. До моего отъезда в Польшу (1958) он оставался политически слеп, верил, что его партия когда-нибудь непременно покончит со своим антисемитизмом. Так он и ушел на тот свет — рыдая над судьбой советского еврейства.

Ш. Блумберг — беспартийный, человек высокой культуры. Работал секретарем Центрального совета ОЗЕТа в

Москве. Мы знали, он остается в ОЗЕТе по единственной причине: там он может узнавать, что делается в еврейском мире. Ведь туда через Главлит (цензуру) поступали иностранные газеты и журналы, в которых положительно отзывались о хозяйственном обустройстве евреев в СССР. Блумберга любили и уважали. Он позволял вам украдкой заглянуть в какой-нибудь иностранный журнал. Блумберг работал там, пока НКВД в 1938-м не разгромил ОЗЕТ и не арестовал его руководителей. Блумбергу очень повезло, он просидел недолго. Когда я потом встречала его в Москве, он работал в русских педагогических учреждениях.



Напрасно два бывших еврейских деятеля приходили к воротам синагоги. Попытки заговорить с нищим оканчивались ничем. Но всегда, когда нищий — Перельман — слышал свое имя, он реагировал так же, как в первый раз: не мог справиться с дрожью в изможденном теле, скорчивался, словно хотел стать еще меньше, но, видимо, через пару мучительных секунд любопытство брало верх: «Кто зовет меня? Кто меня помнит?» Он медленно поднимал тяжелую, будто налитую свинцом, голову, смотрел, но по-прежнему упрямо молчал.

Сердце разрывалось от этого взгляда... Немного придя в себя, оставляли на земле горстку мелочи, кусок хлеба, какую-нибудь одежду и уходили, погрузившись в тяжелые мысли.

Время делает свое: к фигуре нищего постепенно привыкли и перестали его беспокоить. Его дальнейшая судьба мне неизвестна. Я покинула Советский Союз.

Прошлое советского нищего

Но все-таки, кто этот нищий, который теперь, в конце пятидесятых, сидит у ворот московской синагоги, а зовут его Ошер Перельман? Кем он был раньше?

Чтобы узнать о нем хоть немного, читатель должен вместе со мной перенестись на родину Ошера Перельмана — в Польшу.

Когда, незадолго до бегства в Советский Союз, я стала часто заходить в Варшавский союз литераторов на Тломацкой, 13, чтобы выполнять там грязную работу — прятать за сценой большого зала запрещенную коммунистическую литературу, встречаться с разыскиваемыми дефензивой товарищами и совершать другие добрые дела, я иногда видела там журналиста «Момент» Ошера Перельмана. Естественно, как все мои товарищи, я смотрела на него свысока, с плохо скрытым презрением: «Мелкий журналист, прислужник еврейской буржуазии». В «Моменте» Перельман проработал почти пятнадцать лет — до 1934-го.

Он родился в Варшаве в 1895-м. Много лет был не чужд еврейского национализма — член центрального руководства Фолкспартей. Гордился, что популярный у польского еврейства Ноях Прилуцкий одаривает его своей дружбой. Входил в редакцию варшавского периодического издания «Дос фолк». Печатался в виленских и других еврейских изданиях.

Но когда коммунисты разных стран начали писать о строительстве национального еврейского дома «Биро-

биджан» (1928), Перельман сначала тайно, а потом открыто перенес свои симпатии туда, на красный Восток...

В июне 1934-го еврейская секция нелегальной Польской коммунистической партии, используя свое влияние на ужасно обедневшую еврейскую среду и часть еврейской интеллигенции, создала в Варшаве якобы беспартийное общество «Агройд» с отделениями в больших и малых городах. Официально обществом руководили вполне благонадежные с точки зрения польских властей беспартийные еврейские деятели. Но все они — кто-то более, кто-то менее тесно — втайне были связаны с евсекцией. Они симпатизировали не столько коммунизму, сколько Биробиджану, и преданно проталкивали решения евсекции в Польской коммунистической партии... Во главе общества «Агройд» стояли, кроме прочих, два еврейских журналиста, сотрудника ежедневной газеты «Момент» М. Суриц и Ошер Перельман.

Для властей времен Санации это означало, что «Агройд» ставит перед собой только две невинные цели. Во-первых, продуктивизировать еврейскую бедноту в Польше, во-вторых, разъяснять, всего лишь разъяснять, что есть возможность перевезти в Биробиджан хотя бы часть «нежелательных и ненавидимых» еврейских деклассированных элементов. Так дело было представлено реакционным властям.

Но фактически цель заключалась в том, чтобы не столько разъяснять, сколько *агитировать* за Биробиджан, из Польши отправлять туда переселенцев, собирать материальную помощь для автономной области и, самое главное, пробуждать симпатию к *коммунизму*.

Еще раньше во многих польских городах, в том числе в Лодзи и Ченстохове, существовали нелегальные проби-

робиджанские кружки. Тогда я уже находилась в Советской России. И только здесь, в Израиле, мой друг Либер Бреннер, много лет проживший в моем родном городе, рассказал мне, что в Ченстохове кружком, а потом отделением «Агройида» руководил бывший член «Гашомер гацаир» Йосеф Гейман.

Во Львове, который тогда принадлежал Польше, компартии удалось создать отделения «Агройида» в крупнейших еврейских профсоюзах пекарей, строителей, портных и др.

В конце 1934-го во Львове прошли массовые собрания, на которых выступали такие популярные профессиональные коммунисты, как Зыгмунт Йолес — на идише и симпатизирующий Компартии Пейсах Штарк — на польском. Представители всех слоев населения, всех партий бежали послушать их пламенные речи о том, что в Советском Союзе построен еврейский социалистический дом, и туда должны быть обращены взоры еврейских трудящихся Польши.

Зыгмунт Йолес — старый заслуженный коммунист, в социалистической Польше назначался на высокие государственные посты. Когда волна антисемитизма, инициированная партией, после Шестидневной войны докатилась до таких высокопоставленных чиновников еврейского происхождения, как Зыгмунт Йолес, его тоже сняли. Удар оказался слишком силен, и у бывшего еврейского оратора, горячо агитировавшего за Биробиджан, случился сердечный приступ.

Пейсах Штарк сейчас, когда я пишу эти строки, живет в антисемитской Польше. Он один из известнейших польских писателей, его литературный псевдоним —

Стрыйковский. В своих произведениях он уделяет заметное место ностальгии по уничтоженному польскому еврейству, по исчезнувшему польско-еврейскому местечку с его яркими еврейскими образами. В книгах Стрыйковский не скрывает своего глубокого разочарования коммунистическим режимом и особенно Советским Союзом.

«На собраниях, где выступали Зыгмунт Йолес и Пейсах Штарк, царил просто невероятный энтузиазм», — рассказывает мне уже здесь, в Израиле, госпожа Нелла Станик. Тогда она была комсомолкой и активно участвовала в деятельности львовского «Агрыйида».

Большой практической работы «Агрыйид» провести в Польше не успел. Мало кому удалось переселиться в Биробиджан.



После основания «Агрыйида», с 1933 г., в Варшаве выходил просоветский ежемесячник «Ибербой». Его основной тематикой были достижения в экономическом и национальном культурном строительстве у евреев в Советском Союзе. «Ибербой» агитировал польско-еврейского читателя помогать строить социалистический дом в Биробиджане. Кстати, с ежемесячником активно сотрудничал известный левый еврейский писатель Алтер Кацизне. Издание журнала требовало значительных расходов. Где взять деньги? Одним из энтузиастов-редакторов был Ошер Перельман. Он также сотрудничал с различными нелегальными коммунистическими изданиями, которые нерегулярно выходили в Кракове, Варшаве, Лодзи, Львове и других польских городах. Ему удалось заинтересо-

вать ежемесячником своего состоятельного тестя Кашера, тот вложил в журнал значительную сумму и вскоре ее потерял.

Сотрудники журнала «Ибербой» составили костяк общества «Агрыйид». Ошер Перельман был смелым человеком. Он напрямую связывается с Центральным советом ОЗЕТа в Москве. Приезжает туда как делегат «Агрыйида» на третий пленум ОЗЕТа, где в основном обсуждались проблемы Биробиджана. Перельман знает, что по возвращении в Польшу ему грозит арест, и все-таки добивается у советской власти разрешения посетить Биробиджан. Свои статьи о Еврейской автономной области Перельман публикует в еврейской прессе Польши и Аргентины. Книга, которую, вернувшись в Польшу, он написал о своей поездке в область, восхваляла всё, что ему там позволили посмотреть, и всё, что ему там нарасказывали. Статьи и книга Перельмана имели большой успех, после них в иностранных левых кругах многие начали симпатизировать Биробиджану.

Но давайте вернемся в Варшаву, куда Перельман приехал из Советского Союза и с новыми силами принялся агитировать за Биробиджан.

Очень быстро польское реакционное правительство спохватилось, что и журнал «Ибербой», и «Агрыйид» действуют исключительно в интересах Советского Союза и ликвидировало их. Чтобы не попасть в тюрьму, Перельман, редактор журнала «Ибербой» и автор книги «Биробиджан», вынужден покинуть Польшу.

Куда ведет путь гонимого убежденного борца за первое социалистическое еврейское государство, если не в Советский Союз? Перельману повезло, он получил разрешение приехать в Москву. Поселился там с женой Со-

פריין 30 גר.

Opłata państwowa załączona zryczałtem.

א י פ ט ר פ ו י



מ. כ. מ.

חודש-זשורנאל.

פאזיגנסט 1933

рой Кашер и сыном. Но вскоре после приезда происходит первое большое несчастье: ребенок попал под трамвай и погиб. Отцовское горе велико, и только немного утешения Перельман находит в интересной работе, которой он занимается в своем новом доме. Тогда в Советском Союзе была нехватка способных еврейских публицистов. Перельман сумел заслужить доверие капризного, строго и политически осторожного Мойше Литвакова, и тот берет его на постоянную работу в редакцию «Дер эмес». Одновременно статьи Перельмана печатает минский «Октябэр». Пока Хавкин не запретил его книгу в своем «еврейском царстве», Перельман печатался и в «Биробиджанер штерн». Продолжалось это недолго. Руки Ежова дотянулись до Перельмана. В 1937-м он исчез из Москвы.

Книга Перельмана и биробиджанский царек

Хозяин Еврейской автономной области сильно занят. Даже прессу читать у него не хватает ни времени, ни терпения, о книге или брошюре и говорить нечего. У него, «чистого» пролетария (до революции — простого портного-поденщика, после революции — красного милиционера, какое-то время — охранника Лазаря Моисеевича Кагановича) вообще нет таких «интеллигентских привычек». Книжки читать? На это у него слуги есть.

Это была задача Волобринского — пересказывать хозяину, что, когда и где говорят и пишут про Еврейскую автономную область, особенно на еврейском языке. Пе-

ресказывать новости, напечатанные по-русски, — на это Волобринский Хавкину не нужен. Для этого у него есть другие, «свои» люди, которых он сам сюда привез. И здесь я подхожу ближе к книге Ошера Перельмана про Биробиджан.

Когда эта книга попала в Биробиджан, Волобринский, как всегда, в первую очередь пересказал хозяину места, подозрительные с точки зрения политики. В этот раз это были страницы, где иностранный автор описывает одну из старых, дореволюционных, чисто русских казачьих деревень, которая теперь оказалась на территории Еврейской автономной области, но православные крестьяне до сих пор сохранили в ней свой жизненный уклад. И гость из Польши был поражен... как сыто они живут. Он удивляется, какие у них просторные, прочные дома. Мало того, Перельман рассказывает, какие необыкновенно богатые урожаи они снимают со своих хорошо обработанных полей...

Что ж тут плохого, если пишут, что хотя бы в одном уголке социалистического Биробиджана живут сыто и спокойно? К чему тут может придраться какой-нибудь не в меру бдительный Волобринский?

Беда, однако, в том, что Перельман пишет совершенно ясно: всё это благополучие тянется еще с *давних времен*, прочный фундамент своего хозяйства православные казаки заложили еще до революции...

Хавкин вышел из себя. И совсем взбесился, послушав, что еще доложил Волобринский: всего несколькими страницами ранее Перельман, кстати, очень деликатно, осторожно, намеками рассказывает о тяжелых условиях, в которых живут новые переселенцы. Например: «Ни водопровода, ни канализации в пункте приема переселен-

цев нет, за водой приходится ходить за несколько десятков метров» и т. д.

Хавкин ударил кулаком по столу: «Как эта клевета пробралась ко мне в Еврейскую область?!» А Волобринский, как всегда в такой ситуации, стоял перед хозяином до смерти перепуганный, будто это он, верный слуга, а не «контрреволюционный» автор книжки, совершил преступление против социалистической Родины...

Что еще такого Волобринский нашел в книге, что ему не понравилось, и донес об этом хозяину? А вот смотрите:

1. «Флаг на здании когда-то был красным, но теперь он серый: выгорел на жарком биробиджанском солнце».

2. «Деревянный тротуар на главной улице, протянувшейся от вокзала через весь город, разломан. Нужно несколько гвоздей, чтобы его починить, и всё будет в порядке».

3. Еще Перельману не нравится, что в жаркие летние дни немощеные улицы не поливают водой, чтобы пыль, которую поднимают грузовики, немного оседала и не попадала в глаза.

4. «Дома построены так, что, когда в одной квартире говорят, соседи в другой всё слышат».

5. «В столовых повара переводят продукты, еда очень невкусная».

Вы скажете: но ведь Перельман критикует недостатки, которые были раньше, до того, как у власти встал Хавкин. Верно, вот только тротуары до сих пор разломаны. И пыль до сих пор столбом поднимается на немощеных улицах и ест глаза прохожим, и в столовых всё та же беда...

Волобринский свое дело знает. Всего день прошел, но

теперь попробуйте взять в биробиджанской библиотеке книгу Перельмана. Нет ее! Пропала, и не только с полки, ни и из каталога. Правда, ни один цензор ее не запрещал, а ведь только цензор имеет право это сделать. И все-таки книга исчезла. «Ошибку» цензора исправили Хавкин с Волобринским.

«Ее же искать будут...» — уверяет меня испуганный директор центральной библиотеки И. Элиович (мой добрый друг еще по Киевскому институту еврейской культуры). Пусть это произвол, но книга Перельмана о Биробиджане биробиджанцам стала недоступна, никто из нас ее больше в глаза не видел.

Тут я должна еще раз подчеркнуть, что книжка Перельмана — тенденциозное восхваление всего, что он видел и слышал в области. Замеченные им бытовые трудности — это мелочи, которые вызывали у читателя только грустную улыбку: в крупнейших городах Советской России большинство населения в те годы считало такие условия нормальным явлением и даже не думало возмущаться. На самом деле жизнь в Еврейской автономной области была гораздо тяжелее и мрачнее, чем написано у Перельмана. Хотя я относилась к привилегированным, я испытала всё это на своей шкуре, когда здесь поселилась.



Сейчас, когда я пытаюсь восстановить в памяти события тех дней и задаю себе вопрос, могла ли незаконная конфискация книги Перельмана повлиять на арест самодура Хавкина, я не могу ответить. Наверно, его бы всё равно арестовали как бывшего иностранного гражданина. Такова была участь почти всех политических имми-

грантов. Суматошная выходка биробиджанского царька могла повлиять только на то, что арест произошел раньше, а приговор оказался суровее.

Шли годы, и немногие оставшиеся в живых друзья и знакомые начали забывать Перельмана, но вдруг его снова увидели у входа в московскую синагогу. И, как читателю уже известно, нищий, видимо, был не совсем в здравом уме...

Гостя из Москвы

«Приходите сегодня оба, у нас гостя из Москвы», — звонит нам в субботу вечером моя землячка Рута (жена еврейского коммунистического деятеля в Варшавском гетто Йосефа Левартовского, убитого немцами).

Мы с Нисеном в Варшаве почти два года, но получить живой привет из Советского Союза, где мы провели бо'льшую часть взрослой жизни и еле оттуда вырвались, — это мне всегда интересно.

«Сора Кашер приехала», — шепчет мне на ухо Рута, открывая нам дверь.

Сора Кашер? И у меня перед глазами сразу вырастает нищий у ворот московской синагоги, муж Соры Ошер...

Еще в Советском Союзе мы знали: когда ее муж сидел в тюрьме, Сора официально и открыто отказалась от него, раструбила на весь свет о своем «патриотическом поступке» и вышла замуж за какого-то военного в высоком звании. Сейчас она приехала в родную страну как туристка. И вот в доме №5 по Козьей улице сидит за накрытым столом и слащаво щебечет, какое ей выпало счастье — «жить в самой гуманной, самой передовой стране в мире».

Разодетая в кричащие, безвкусные тряпки, которых она успела закупить, бегая по варшавским магазинам, она не закрывает рта ни на минуту.

«У нас в СССР — высочайшие гуманистические принципы. Наша литература? Самая прогрессивная в мире! Советская педагогика? На высочайшем уровне! Атмосфера в обществе? Она в СССР гораздо чище, искреннее, чем в любой стране!»

Мы спрашиваем: «А как же миллионы погибших в советских лагерях?»

И слышим раздраженный ответ:

«В конце концов, коммунизм *важнее*, чем кучка людей, которых пришлось убрать с дороги, чтобы не мешали идти к высшей цели!»

С каждой минутой слушать эту чушь становится всё непереносимее, и не только нам с мужем, но и всем остальным за столом. Хотя все, кроме нас двоих, восстановились в Польской коммунистической партии, большинство испытало на себе, что значит быть политическим иммигрантом в Советском Союзе и не один год просидеть там в лагере. Здесь были Мариша Зорская — судья Варшавского суда, доктор Мария Прапорт, в девичестве Брун, ее сестра из Парижа — вдова министра иностранных дел Народной Польши Зыгмунта Модзелевского, Мойше и Сора Ледерман (все родом из Ченстоховы), а также Роза Сохачевская и Регина Таделис. Остальных не помню.

В Польше тогда, в начале шестидесятых, в своем кругу еще можно было вести разговоры о России. За столом разгорелся жаркий спор. Но никакие доводы на советскую гостью не действовали. Она их просто не слышала. Чтобы не начался скандал, все замолчали, сделав вид,

что сосредоточенно пьют кофе, и только гостья всё трещала и трещала...

Я не могла отвести глаз от ее намазанной самодовольной морды. Очень хотелось спросить: «Слушай, сволочь, а сколько раз ты случайно встречала на московских улицах своего несчастного мужа, которого твоя любимая партия так зверски мучила, что он сошел с ума?» Но разве можно оскорблять гостей в чужом доме? Только это меня и останавливало.

И вдруг поток ее красноречия прерывает голос моего мужа:

— Может, вы знаете что-нибудь про вашего Ошера? Помните, в 1935-м я был в Москве у вас в гостях. Ошер уже освободился из лагеря?

— Не знаю! — отрубает она и, никому не глядя в глаза, продолжает свою лицемерную песенку.

— Не знаете? А мы видели его у московской синагоги. Сидел там и милостыню просил! — бросил ей в лицо Ниссен и резко встал со стула.

Стало так тихо, что в ушах зазвенело. Но только на секунду.

Остаться тут дальше было уже невозможно. Люди, собравшиеся ради гостья из СССР, быстро разошлись. За неубранным столом остались только смущенная хозяйка и совершенно не смущенная московская гостья.

С.2

Национальная политика советского государства 1920–1930-х годов предусматривала открытие самостоятельных культурных и государственных учреждений на территории национальных образований. Это должно было доказать советскому народу, что коммунистическая партия уважает и поддерживает традиции и права этнических групп, входящих в состав Советского Союза. В эти годы национальная политика отличалась терпимостью по отношению к нерусским языкам и культуре и даже целенаправленно способствовала развитию «малых» языков. При этом в национальных республиках вводился славянский алфавит, осуществлялась русификация народов СССР. Вплоть до 1990-х годов национальная политика партии осуществлялась под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

С.2

Евсекция — название еврейских коммунистических секций РКП(б), созданных в советское время наряду с другими национальными секциями. Основным предназначением секций было распространение коммунистической идеологии, советизация национальных меньшинств на их родном языке. В 1926 г. Евсекция преобразована в Еврейское бюро. В январе 1930 г. все национальные секции были закрыты. Почти все бывшие активисты Евсекции были арестованы и уничтожены в 1937–1938 гг.

С.3

Михаил Иванович Калинин (1875–1946) — российский революционный, советский государственный и партийный деятель. Занимал должность номинального главы государства в РСФСР, а затем и СССР. Пятого августа 1923 года станица Михайло-Семеновская Амурской губернии встречала М.И. Калинина. Вскоре после этого визита именем Калинина назвали одну из улиц станицы. 7 мая 1934 года председатель ВЦИК Михаил Калинин подписал декрет «Об образовании Еврейской автономной области». 19 ноября 1935 г. улица Привокзальная в Биробиджане переименована в улицу Калинина. В 1950-е село Калинино появилось в Ленинском районе ЕАО.

С.5

Меламед (ивр. מלמד — учащий) — религиозный наставник, учитель в хедере и караимском мидраше.

С.5

Халуци́м — буквально «первопроходцы» (в Библии — передовой отряд). Активисты заселения и освоения Эрец-Исраэль. Понятие появилось в период первой алии (1882–1903). В Российской империи халуцианское движение возникло после революции 1905 г. **Молодежные халуцианские движения** стали появляться в разных странах во время Первой мировой войны и сразу после нее (в России — организация Гехалуц, 1918 г.).

С.9

В 1948–1949 гг., во время разгрома еврейской культуры в СССР, был ликвидирован Еврейский антифашистский комитет, закрыты еврейское издательство «Дер Эмес», литературные альманахи «Геймланд» (Москва) и «Дер Штерн» (Киев), московский ГОСЕТ и еврейские государственные театры в Минске, Биробиджане, Черновцах, Научно-исследовательский кабинет еврейской культуры в Киеве, еврейский отдел в Биробиджанском краеведческом музее и т. д. В биробиджанской библиотеке им. Шолом-Алейхема уничтожались еврейские книги. Однако в это время продолжала выходить газета «Биробиджанер штерн».

С.10

БУНД (с идиша — «союз») — всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России, социал-демократическая партия. Основан в 1897 г. В отличие от сионистов бундисты верили в возможность достижения национального и гражданского равноправия евреев в странах диаспоры. В РСФСР союз ликвидировался в 1921 г., в Польше действовал до начала Второй мировой войны.

С.11

«Поалей-Цион» («Трудящиеся Сиона») — политическая партия, сочетавшая идеи сионизма и социализма. Первые группы появились в России в конце XIX в. В противоположность бундистам, поалей-ционисты считали необходимым создание самостоятельного еврейского государства в Палестине (большинство), в Месопотамии или Уганде (меньшинство). В советских республиках партия самораспустилась в 1922 г., полностью прекратила существование в 1928 г.

С.11

Фарейникте — *Фарейникте идише социалистише арбетер-партей, Объединенная еврейская социалистическая рабочая*

партия — политическая группировка, недолго существовавшая в послереволюционной России и межвоенной Польше. Выдвигала лозунг «национально-персональной» автономии российских евреев.

11

Территориализм — одно из направлений еврейского национального движения начала XX в., призывавшее к созданию еврейского автономного поселения на значительной территории, где евреи составляли бы национальное большинство, занимались «продуктивным», в первую очередь сельскохозяйственным трудом. В отличие от сионистов, территориалисты не ставили своей целью создание политически независимого еврейского государства в Эрец-Исраэль.

11

ОЗЕТ — Всесоюзное общество по земельному устройству еврейских трудящихся. Существовало в СССР с 1925 по 1938 г. Ставило своей целью привлечение советских евреев к сельскохозяйственному труду, занималось сбором средств для осуществления этой цели.

11

КомЗЕТ — Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР. Создан в 1924 г. с целью привлечения советских евреев к производительному труду. В его ведении находились еврейские земельные поселения в Южной Украине и Крыму, а с 1927 года — в Биробиджане. В меньших масштабах КомЗЕТ действовал в Белоруссии, Узбекистане, Грузии, Дагестане, Азербайджане и на Северном Кавказе. Ликвидирован в 1938 г.

12

Хаим Житловский (1865, Ушачи, Витебская губерния — 1943, Калгари) — публицист, философ, общественный и политический мыслитель, теоретик социалистического автономизма и убежденный идишист. В Биробиджане видел воплощение своей идеи «свободы национального развития в многонациональном социалистическом государстве». Значительно обогатил научно-философскую лексику языка идиш.

12

Залман Рейзен (1887, Койданово, Минская губерния — погиб в период между 1939 и 1941) — еврейский филолог, журналист, лингвист, историк литературы, редактор, биограф, автор учебников. Писал на идише. Один из основателей ИВО. Самой важной

работой Рейзена стал «Лексикон фун дер идишер литератур, пресе се ун филологии» («Лексикон литературы, журналистики и филологии на идише») в 4-х томах, опубликованных в 1926–1930 гг. После вступления в 1939 г. в Вильно Красной армии Рейзен был арестован, вывезен в СССР и, по некоторым данным, убит по пути в лагерь, по другим — расстрелян в июне 1941 г.

12

Шолом Аш (1880 Кутно, Царство Польское, Российская империя — 1957, Лондон, Великобритания) — еврейский писатель, драматург. Писал на идише. Его самое известное драматическое произведение — пьеса «Гот фун некоме» («Бог мести», 1907 г.). Автор социальных романов «Мотке ганев» («Мотке-вор», 1916), «Онкл Мозес» («Дядя Мозес», 1918), «Уртейл» («Приговор», 1924), исторических романов «Кидуш ха-Шем» («Во славу Божию», 1920), «Мойше» («Моисей», 1951), трилогии «Фарн мабл» («До потопа», 1929–31) и др.

12

Рувен Брайнин (1862, Ляды, Могилевская губерния — 1939, Нью-Йорк) — еврейский публицист, биограф, литературный критик, деятель сионизма, писал на иврите и идише, стоял у истоков современного иврита. Основал журнал «Mi-Mizrah u-mi-Maarav» («С востока и запада», три номера вышло в Вене (1894) и один в Берлине (1899)). В 1909 г. в Нью-Йорке основывает еженедельник «Ha-Deveg» («Ласточка»). Написал биографию Теодора Герцля. Один из основателей Еврейской публичной библиотеки в Монреале (1914 г.), туда после смерти Брайнина был передан его архив.

12

«**Трибуна**» — журнал, печатный орган ОЗЕТа, издавался в СССР с 1927 по 1937 год. Освещал вопросы еврейского переселения, в том числе на территорию ЕАО. Оцифрован и размещен на сайте nasledie-eao.ru.

12

ИКОР — аббревиатура названия американской прокоммунистической еврейской организации помощи еврейскому землеустройству в Советском Союзе «Идише колонизацие ин Ратнфарбанд» (Еврейская колонизация в СССР). Основан в США в 1928 г. В марте 1929 г. Совнарком СССР заключил с ИКОРОм договор об оказании помощи еврейским переселенцам в освоении Биробиджана, согласно которому организация освобождалась от налогов и сборов при экспорте машин и инструментов в СССР. Как пишет В. Гуре-

вич в книге «О Еврейской автономной области — всерьез и с улыбкой»: «ИКОР переслал в Биробиджан свыше четверти миллиона долларов, много машин, инструментов. В автономии тогда появились первые автомобили, мотоциклы, тракторы, экскаваторы, детали стандартных домов, оборудование для электростанции и фабрики жести, компрессоры и многое другое, необходимое для строительства молодой области. В Биробиджан направлялись агрономы, инженеры, техники, другие специалисты, в которых так нуждалась Еврейская автономная область». В 1946 г. ИКОР объединился с «Амбиджаном».

12

Амбиджан — американский комитет по поселению иностранных евреев в Биробиджане. Действовал с 1934 по 1951 г. Передал ЕАО помощи на сумму около 85 тысяч долларов (по другим данным — около 5 млн долларов).

12

ПРОКОР — аргентинская организация содействия еврейскому землеустройству в СССР. Проводил кампании по сбору средств для поддержки еврейским сельскохозяйственным поселениям в СССР. Содействовал переселению евреев из Южной Америки в Биробиджан.

14

Возможно, автор имеет в виду **Иссака Рашкеса** (1881, Украина — 1938, Москва, «Коммунарка»). Исаак Моисеевич Рашкес — советский государственный деятель, член президиума Правления Центрального Совета ОЗЕТ. Был заместителем председателя комиссии по землеустройству трудящихся евреев (Далькомзет), созданной в 1928 г. для решения вопросов, связанных с еврейским переселением в Бирско-Биджанский район. С февраля 1932 до марта 1933 г. был председателем Биробиджанского поселкового совета. В 1934 г. вернулся в Москву, в 1938 г. арестован и расстрелян.

14

«Дер Штерн» — ежедневная газета на идише, выходила в Харькове с 1925 по 1941 год. Печатный орган ЦК Коммунистической партии (большевиков) Украины.

14

«Дер эмес» — («Правда») советская газета на идише, выходила с 1918 по 1939 г. Печатный орган ЦБ Евсекции вначале при ЦК РКП(б), затем при ЦК ВКП(б), с 1930 г. — орган Совета националь-

ностей ЦИК СССР.

14

«Октябрь» — ежедневная газета на идише, издавалась в Минске с 1925 по 1938 год.

14

«Гахшара» — название сельскохозяйственных центров в Европе и других странах, где сионистская молодежь приобретала профессиональные навыки, необходимые для их эмиграции в Израиль и последующей жизни в кибуцах.

14

Петр Гермогенович Смидович (1874, Рогачев, Могилевская губерния — 1935, Москва) — советский партийный и государственный деятель. С 1924 г. был председателем КомЗЕТа. Именно П.Г. Смидовичу вместе с М.И. Калининым принадлежала идея создания еврейской национальной автономии в СССР. В 1934 г. поселок Ин в ЕАО переименован в Смидович, центр Смидовичского района.

15

Следует читать **Борис Львович Брук** (1885, Украина — 1979, Хабаровск) — советский ученый, специалист в области сельского хозяйства, еврейский деятель, один из создателей ЕАО, доктор наук, профессор. Возглавлял экспедицию, предпринятую в 1927 году для исследования возможности еврейского переселения на Дальний Восток. В 1938 году переехал в Биробиджан, работал в Научной комиссии, преподавал в средней школе № 1. Первый директор Областного краеведческого музея в Биробиджане. В 2009 году Бруку посмертно присвоено звание Почетного гражданина ЕАО. В 2010 г. на здании музея ему открыта мемориальная доска.

15

Василий Робертович Вильямс(1863–1939) — русский и советский почвовед-агроном, академик Академии наук СССР (1931). Один из основоположников агрономического почвоведения. Автор около 450 научных работ. Участник экспедиции 1927 г. в Бирско-Биджанский район.

15

Иосиф Либерберг (1899–1937) — советский ученый, политический и государственный деятель, первый председатель исполкома ЕАО. Арестован в 1936 г., расстрелян в 1937-м. Реабилитирован в

1956. В 2014 г. Иосифу Либербергу посмертно присвоено звание Почетного гражданина ЕАО. Регалии вручены его внучке Ирине Новицкой. В этом же году на здании биробиджанской мэрии открыта мемориальная доска Иосифу Либербергу.

15

Борух Губерман — советский политический деятель. В 1935 г. жил в Биробиджане, работал в обкоме ВКП(б) ЕАО. В 1937 г. арестован и расстрелян.

17

Еще экспедиция 1927 г. под руководством Б. Брука предложила в состав территории Биро-Биджанского района, на которую может распространяться переселенческая деятельность КомЗЕТа, включить Михайло-Семеновский и Екатерино-Никольский административные районы полностью, а также отрезок железной дороги от станции Тихонькой до станции Облучье, лежащий в границах Хингано-Архаринского района. КомЗЕТ внес поправку в предложение экспедиции и ходатайствовал перед правительством России об отведении ему территории, расширенной на восток до г. Хабаровска.

17

Как отмечает А. Канторович в своей книге «Перспективы Биробиджана», изданной в 1932 году, к моменту первого съезда Советов Биробиджанского района октября 1930 г. на территории района национальный состав определялся следующими цифрами: русских — 27 250 чел. (71,6 %), украинцев — 3000 чел. (8,0%), корейцев — 3878 чел. (10,2%), евреев — 2672 чел. (7,2%), китайцев — 500 чел. (1,3%), туземцев — 700 чел. (1,9%). В соответствии с решением правительства СССР от 21 августа 1937 г. силами НКВД из Дальнего Востока, в том числе из ЕАО, в Среднюю Азию были насильственно переселены все корейцы и китайцы — опытные земледельцы, кормившие существенную часть населения области.

24

Мойше (Моисей Ильич) Литваков (1875, Черкассы — 1938(?), Минск) — историк еврейской литературы, критик, журналист, общественный деятель. Играл важную роль в создании партии «Фарейникте» в Киеве в 1917 г. С 1921 г. — член ВКП(б), главный редактор газеты «Дер Эмес». В начале 1920-х — руководитель еврейской секции при московском комитете РКП(б), заведующий

литературной частью ГОСЕТа. Преподавал на еврейском отделении МПИ. Один из основателей Культур-Лиги. В 1937 г. был включен в сталинский расстрельный список 7 декабря 1937 года (№ 48 в списке из 101 человека в Белорусской ССР) приговоренных к ликвидации Сталиным, Молотовым и Ждановым. По одним данным — расстрелян, по другим — умер в тюрьме.

26

Иосиф Хацкелевич Элиович (1903, м. Рафаловка Волынской губернии — 1943) — заведовал Центральным всесоюзным архивом прессы при Киевском Институте еврейской пролетарской культуры. В 1933 г. был послан в Биробиджан для организации и руководства библиотекой. В конце 1936 г. уехал в Ленинград, был заведующим еврейским отделом в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

26

Генех Львович Казакевич (1883, Еловка Черниговской губернии — 1935, Биробиджан) — еврейский советский журналист, публицист, критик, основатель и главный редактор первых советских еврейских периодических изданий — газет «Комунистише фон» («Коммунистическое знамя», Киев, 1919) и «Комунистише взг» («Коммунистический путь», 1921), литературного журнала «Ди ройтэ вэлт» («Красный мир», Харьков, 1924), ежедневной газеты «Дер Штэрн» («Звезда», Харьков, 1925) и др. Возглавлял УкрГОСЕТ. Первый редактор «Биробиджанер штерн». Имя Г. Казакевича было присвоено первому в Биробиджане звуковому кинотеатру (позже переименован), а также одной из улиц города.

26

Бузи (Сухер Ицкович) **Гольденберг** (1902, Бердичев — середина 1950-х) в Харькове после отъезда Генеха Казакевича в Биробиджан редактировал газету «Дер штерн». Он же стал редактором «Биробиджанер штерн» после смерти Г. Казакевича. Летом 1938 г. был арестован, в 1940 г. освобожден из-под следствия. Участник Великой Отечественной войны. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За оборону Советского Заполярья», «За освобождение Белграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», Орденом Красной Звезды, Орденом Отечественной войны II степени.

27

Менахем Кадышевич (1895, Бобр Могилевской губернии — 1937) — публицист, сотрудник киевского Института еврейской пролетарской культуры, ОЗЕТа, газеты «Дер Штерн». В 1928 г. прибыл с группой переселенцев в Биробиджан. Написал серию очерков, книгу «Биробиджан — страна больших возможностей», брошюру «Биробиджан сегодня». Автор монографии «Биробиджан в литературе. Материалы к истории Еврейской автономной области», первый историк Биробиджана. В 1936 г. репрессирован, в 1937-м расстрелян.

С.31

Янкев Глатштейн (1896, Люблин, Царство Польское, Российская империя — 1971, Нью-Йорк) — поэт, новеллист, литературный критик. Писал на идише. Один из основателей литературного движения «Ин зих». В романах «Вен Яш из гефорн» («Когда Яш уехал», 1938) и «Вен Яш из гекумен» («Когда Яш приехал», 1940) раскрылся как мастер прозы. Автор более десяти стихотворных сборников. Стихотворение «А гуте нахт дир, велт» («Спокойной ночи тебе, мир», 1938), в котором Глатштейн предсказал большую катастрофу, надвигающуюся на мир, особенно на еврейский народ, вызвало многочисленные комментарии в еврейской прессе.

Леелес (1889, Влоцлавек, Царство Польское, Российская империя — 1966, Нью-Йорк) — еврейский поэт, драматург и журналист. Настоящее имя Арон Гланц.

Лейвик (1888, м. Игумен, Минская губерния — 1962, Нью-Йорк) — поэт и драматург, писал на идише. Настоящее имя Лейвик Гальперн. Один из выдающихся поэтов в мире, писавших на идише. В Тель-Авиве в 1970 г. был открыт Дом Лейвика, где находятся офисы Ассоциации еврейских писателей и журналистов в Израиле, Издательского дома Х. Лейвика и Израильского центра для культуры идиш.

Шмуэль Нигер (1883, Дукор Минской губернии — 1955, Нью-Йорк) — один из авторитетных критиков литературы на идише, публицист, редактор. Настоящее имя Шмуэль Чарни.

Янкев Гордин (1853, Миргород, Российская империя — 1909, Бруклин, Нью-Йорк) — еврейский писатель, драматург. Писал на русском и идише. Сыграл большую роль в истории еврейской драмы и театра. Автор свыше 70 пьес.

Авром Рейзен (1876, Койданово Минской губернии — 1953, Нью-Йорк) — еврейский прозаик, поэт, драматург. Писал на идише. К 1929 г. собрание сочинений Рейзена насчитывало 24 тома. На его стихи еврейские композиторы писали музыку, многие из этих произведений стали народными песнями.

С. 33

«**Искатели счастья**» — советский фильм 1936 года (режиссер — Владимир Корш-Саблин). Рассказывает о жизни евреев, которые переехали из-за границы в Еврейскую автономную область, в Биробиджан. В картине звучит музыка Исаака Дунаевского. Главные роли исполняют Мария Блюменталь-Тамарина и Вениамин Зускин (1899 — 12 августа 1952 г.).

С.33

Летом 1934 года ЦС ОЗЕТА совместно со Всекохудожником командировали в ЕАО бригаду художников «для отображения в живописи новых социальных и производственных явлений, произошедших в этой далекой окраине Дальневосточного края в связи с еврейским переселением и образованием Еврейской автономной области» («Трибуна» № 7-8, июль-август 1934). В состав бригады вошли художники Е.А. Львов, М. Горшман, Гершаник, Л. Зевин, М. Штейнер, Б. Розенблит, И. Зисман (подробнее о нем читайте в «Биробиджанер штерн» № 10 от 11.03.2020). Результаты труда этой творческой группы — пейзажные зарисовки, индустриальные мотивы и сценки из жизни переселенцев — экспонировались в Москве в феврале 1936 года.

С.44 районы

Постановлением Президиума ВЦИК от 20 июля 1934 г. ЕАО вошла в состав Дальневосточного края и была разделена на пять административных районов: Биробиджанский (поселок Биробиджан и район), Бирский (ныне Облученский район), Блюхеровский (затем переименованный в Михайлово-Семеновский, позже — в Ленинский район), Инский (ныне Смидовичский район) и Сталинский (в настоящее время Октябрьский район). При этом в ЕАО были включены не входившие до этого в состав Биробиджанского района населенные пункты Хингано-Архаринского района — Облучье с поселком и Пашковский сельсовет. Это те земли Бирско-Биджанского района, которые в 1928 году не были переданы КомЗЕТу для заселения еврейскими переселенцами.

С.60

Шимен (Семен Маркович) Диманштейн (1886, Себеж Витебской губернии — 1938, Москва, «Коммунарка») — советский еврейский коммунистический деятель, ведущий теоретик национальных проблем в СССР. В январе 1918 г. Диманштейн был на-

значен главой Еврейского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей, возглавляемом И. Сталиным, участвовал в создании первой советской газеты на идише «Дер эмес» и был ее редактором в 1918–1919 гг. В октябре 1918 избран председателем центрального бюро Евсекции. Один из основателей КомЗЕТа. Возглавлял Центральный комитет ОЗЕТа, был редактором журнала «Трибуна». Принял деятельное участие в организации Еврейской автономной области. В 1936 г. вошел в состав редакции литературного альманаха «Форпост». В 1937 г. репрессирован, казнен. Посмертно реабилитирован.

Яков Аронович Александровский (1890, Херсон — ?) — советский государственный деятель, первый прокурор Еврейской автономной области (1934–1935 гг.), был членом президиума горкома и пленума исполкома ЕАО.

С.25

Нохум Штиф (1897 или 1879, Ровно — 1933, Киев) — филолог языка идиш, лингвист, литературовед, переводчик, редактор и общественный деятель. Языки творчества — идиш, русский, украинский, немецкий.

с.74

Григорий Савельевич (Гирш Зуселевич) Бриль (1901, Белосток, Польша — 1938, Хабаровск) — с марта 1934 — представитель КОМЗЕТа в Биробиджане, затем председатель «Лесхимсоюза» ЕАО. Позже — председатель Хабаровского промсоюза. Арестован в 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Хабаровске 26 мая 1938 г. Реабилитирован в 1958 г.

С.83

Р. Донской — вероятнее всего, псевдоним Р. Кардонского. **Кардонский Рафаил Исаакович (1909–1980)** приехал на Дальний Восток в 1932 году. В №42 «Биробиджанер штерн» от 26.10.2016 были опубликованы воспоминания его дочери Эсфири Кардонской. «Мне неизвестно точно, где и кем работал отец. Все документы, фотографии, блокноты, тетради, записные книжки были изъяты во время обыска после его ареста. С его слов знаю, что в 1932 году он работал корреспондентом газеты «Биробиджа-

нер штерн»... В конце 1939 года отцу объявили приговор: осужден сроком на 5 лет по статье СОЭ (социально опасный элемент)». **В 1943 г. Р. Кардонский освобожден из Нижне-Амурского ИТЛ НКВД. Оставлен на работе в лагере по «вольному найму». Реабилитирован в 1960 г.**

90

«**Гаарец**» — старейшая ежедневная израильская газета, выходит на иврите и английском. Основана в 1918 году.

«**Давар**» — израильская газета, выходила на иврите с 1925 по 1996 год. С 2016 г. выходит под названием «ДаварРишон» как онлайн-издание профсоюзной федерации Гистадрут.

«**Гапоэль гацаир**» — журнал одноименной партии, впервые опубликован в апреле-мае 1907 г. В 1930 г. стал официальным периодическим изданием партии МАПАЙ. С 1968 г. — основное издание Лейбористской партии. Закрыт в 1970 г.

С. 29

Эли Гершевич Спивак (1890, Васильков Киевской губернии — 1950, Москва) — советский лингвист и литературовед, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН УССР (1939). Ведущий специалист в области языка идиш, первый в СССР доктор наук с этой специализацией. Автор учебников и хрестоматий, тематических словарей. Заведовал филологической секцией Института еврейской пролетарской культуры.

С.34

Гершон Бенционович Горохов — многолетний сотрудник Наркомата просвещения, директор Института пролетарской культуры (Киев). Подписан к расстрелу по сталинскому списку «Украина — Киев» от 27 февраля 1937 года.

С.91

Эрик Макс (1898, м. Сосновице Люблинской губернии — 1937, Ветлошанский лагерь, Сибирь) — литературный критик и литературовед. Писал на идише. Настоящее имя — Залман Меркин. Преподавал историю еврейской литературы. Заведовал секцией литературоведения и критики в Институте еврейской пролетарской культуры АН Украины. В 1936 г. арестован, умер в сибирском лагере. Его литературное наследие до сих пор не собрано.

С. 47

Сталинск — центр Сталинского (ныне Октябрьский) района ЕАО. Селение возникло на месте хутора Бутылкино (скорее всего, по фамилии одного из первопоселенцев), построенного казаками на берегу Амура. Располагался между двумя казачьими станицами — Нагибово и Доброй. В 1928 году сюда приехали первые еврейские переселенцы. Село переименовали в Сталифельд (Сталинское поле). В июле 1934 года Сталифельд станет, по постановлению ЦИК, Сталинском и приобретет статус центра новообразованного Сталинского района. В 1934 г. была открыта воздушная линия Сталинск — Блюхерово — Биробиджан. В конце 1934 года центр района перенесен в с. Амурзет (основано в мае 1928 года евреями-переселенцами при помощи КОМЗЕТА). Наводнение 1951 года разрушило Сталинск.

Копилевич — см. стр. 113

С.41

В 1930 г. группа переселенцев из украинского местечка Малин организовала артель (затем преобразована в фабрику) по производству гнутой мебели (первоначально — венских стульев). «Оторвали кусок тайги на берегу Биры и в один месяц построили большой цех для производства гнутой мебели (стульев). Через два-три месяца выросли вокруг главного корпуса вспомогательные цехи: парная, гнутарная, сборочно-полировочный цех. Затем в октябре в три дня пустили электростанцию. Выросли дома для рабочих» («Тихоокеанская звезда», 28 марта 1931 г., № 68). С 1936 по 1937 год на средства ОРТа (Общество по распространению ремесленного и земледельческого труда среди евреев, основано в Петербурге 1880 г.) была проведена реконструкция фабрики им. Димитрова — полностью переоборудован цех гнутой мебели, для цеха корпусной мебели за границей приобретено 14 станков, что позволило фабрике стать одним из крупнейших механизированных мебельных предприятий того времени. В настоящее время — Биробиджанская мебельная фабричная фабрика (с 1994 г.).

с.57

Бейнфест Михаил Азрайлович (1885, д. Хотоля Витебской губернии — 1943, Биробиджан) — советский государственный деятель, уполномоченный ЦС ОЗЕТ по ЕАО, председатель Научной комиссии при облисполкоме ЕАО. Арестован в 1938 г. Осужден на 5 лет ИТЛ. За несколько месяцев до окончания срока освобожден по состоянию здоровья и вскоре умер. Реабилитирован в 1989 г.

С.58

Первым учебным заведением Биро-Биджанского района стал **сельскохозяйственный техникум**. Его открыли в декабре 1930 года в селе Екатерино-Никольском, официально он назывался техникумом социалистического земледелия. Размещался в небольшом здании бывшей военной комендатуры. В 1933 г. был построен новый корпус. Некоторое время сельхозтехникум находился в Сталинске. В последующие годы техникум переезжал в Биробиджан, в село Бабстово. Сегодня техникум вместе с вошедшим в его состав местным профессиональным училищем готовит специалистов сельского хозяйства в районном центре — селе Ленинском.

С.60

Матвей Павлович (Мордух Тевельевич) **Хавкин** (1897, Рогачев — 1980, Москва) — советский партийный и государственный деятель. В 1934–1935 гг. — первый секретарь Организационного бюро Дальне-Восточного краевого комитета ВКП(б) по ЕАО. В 1935–1937 гг. — первый секретарь Областного комитета ВКП(б) Еврейской автономной области. В 1938 г. арестован, в 1941 г. осужден на 15 лет ИТЛ. В 1950 г. освобожден досрочно.

С.60

А. М. Волобринский (1900–1938) — инструктор обкома ВКП(б) ЕАО, перед арестом — бухгалтер кирпичного завода. Арестован 01.10.1937, приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 13.04.1938 в Хабаровске. Реабилитирован в 1958 г.

С.68

Иона Хинчин (1892–1940) — декан еврейского отделения Киевского педагогического института, сотрудник исторической секции.

С. 69

Хаим Лойцкер (1898, Канев — 1970, Киев) — советский еврейский и украинский образовательный деятель, писатель, языковед, литературовед, переводчик, педагог, филолог. Автор еврейско-украинских и русско-еврейских фундаментальных словарей и учебников для высших учебных заведений. Репрессирован в 1948 г. Реабилитирован в 1955 г.

С.70

Горно-металлургический техникум — открыт в первые дни 1935 г. Специально для него на улице Казакевича (теперь Советская) построили двухэтажный деревянный барак. Директором техникума стал выходец из Польши Михаил Лейбович Полгон (репрессирован в 1937 г. как «иностранный шпион», приговорен к 10 годам ИТЛ). Учиться на горняков ехали выпускники школ из соседних областей и краев. В ЕАО надеялись в ближайшие сроки начать разработку месторождений железных руд, построить металлургический комбинат. Но в Дальневосточном, а потом Хабаровском крае, куда входила область, эти планы посчитали нереальными. В 1939 г. горно-металлургический техникум преобразовали в железнодорожный. После войны его сократили до школы машинистов, а потом не стало и школы.

21 августа 1935 г. вышло постановление облисполкома ЕАО «Об организации медтехникума в г. Биробиджане». У нового учебного заведения не было своего здания, и для подготовки будущих медиков выделили две аудитории в здании педагогического техникума. В постановлении было предложено облздраву начать строительство учебного корпуса и общежития для студентов. Первый набор составил 50 человек, причем половина студентов были переселенцами из западных и центральных областей страны. В 1974 г. были построены новый корпус техникума, ныне ставшего Биробиджанским медицинским колледжем, просторное общежитие для студентов и дом для преподавателей. Сегодня здесь обучается более 400 студентов — будущих медсестер, фельдшеров, акушеров, зубных техников. Большая часть медработников среднего звена области — выпускники колледжа.

Айзик Симонович Дикштейн (1900, Гомель — 1938, Хабаровск) — советский партийный и политический деятель. Прибыл в Биробиджан в 1934 г. Был первым секретарем Блюхеровского райкома ВКП(б) ЕАО (ныне Ленинский р-он), затем первым секретарем Биробиджанского райкома ВКП(б) ЕАО. Перед арестом — председатель Облпромсоюза ЕАО. Арестован 20.10.37 г., казнен 13.04.38. Реабилитирован в 1957 г.

С.76

Ян Борисович (Яков Цудикович) **Гамарник** (1894, Житомир — 1937, Москва) — советский военный, государственный и партийный деятель, армейский комиссар 1-го ранга. Застрелился накануне возможного ареста по «делу Тухачевского».

Генрих Григорьевич (Генах Гершенович) **Ягода** (1891, Рыбинск Ярославской губернии — 1938, Москва, «Коммунарка») — российский революционер, советский государственный и политический деятель, один из главных руководителей советских органов госбезопасности, нарком внутренних дел СССР (1934–1936), первый в истории «генеральный комиссар государственной безопасности». В 1937 г. арестован НКВД. 15 марта 1938 года расстрелян.

С.77

Бузи Олевский (1908, Черняхов Волынской губернии — 1941, Белоруссия) — еврейский прозаик, поэт, журналист и переводчик. Писал на идише. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Творчество Давида Гофштейна» (1932). С 1935 года жил в Биробиджане, работал в «Биробиджанер штерн», был ответственным секретарем журнала «Форпост». Автор книг «Биробиджанэр лидер» («Биробиджанские стихи», М., 1938), «А нахт афн Амур» («Ночь на Амуре», рассказы, М., 1939), «Аф биробиджанэр эрд» («На биробиджанской земле», 1940). Участник Великой Отечественной войны. Лейтенант, командир пулеметной роты. Погиб на фронте.

Гирш Добин (1905, Жлобин — 2001, Ришон-ле-Цион, Израиль) — еврейский писатель, журналист. В Биробиджан приехал в 1932 г. работал в «Биробиджанер штерн», в радиокомитете. Свидетельства первых еврейских переселенцев в Биробиджан, записанные Гиршем Добиным в 1935 г., хранятся в Госархиве ЕАО. В 2004 г., в переводе с идиша Елены Беляевой, эти воспоминания были опубликованы в серии «Библиотека общины «Фрейд», в 2019 г. вышли в сборнике «Люди биробиджанского поколения», где также опубликована повесть Гирша Добина «На Амуре» в переводе Валерия Фоменко. Пьеса Добина «Биробиджан», опубликованная в литературном альманахе «Форпост», вошла в репертуар Биробиджанского ГОСЕТа. В 1938 г. Добина арестовали как «японского шпиона». Освободили в 1940 г., после чего он с семьей вернулся в Белоруссию. Во время войны попал в Минское гетто. Был членом подпольной партийной организации Минского гетто. В 1942–1944 гг. — бойцом партизанского отряда, действовавшего в Минской области. В 1944 года мобилизован в ряды Красной Армии, демобилизован 6 августа 1945 года. Основной темой вышедших в послевоенные годы произведений стало изображение партизанской борьбы во время Великой Отечественной войны, героизма узников гетто. Репатриировался в Израиль в 1992 г., продолжал работать, публиковаться на идише и в переводах на русский язык.

Эммануил Казакевич (1913, Кременчуг — 1962, Москва) — писатель и поэт, переводчик, киносценарист, писал на идише и русском языке. Сын Генеха Казакевича. В 1930-е гг. жил и работал в Биробиджане. Сотрудничал в «Биробиджанер штерн». В 1932 г. издал первый сборник своих стихотворений на идише «Биребиджанбой» («Биробиджанстрой»). 18-летним юношей был назначен председателем Валдгеймского колхоза. Строил биробиджанский Дом культуры, который позже передали БирГОСЕТу. Стал организатором и первым директором этого профессионального коллектива. Именно он сагитировал приехать в Биробиджан из Москвы весь курс выпускников театральной студии Соломона Михоэлса. Автор пьесы на идише «Милх ун һоньк» («Молоко и мед»), поставленной в БирГОСЕТе в начале 1940 года Моисеем Гольдблатом. Поэма Казакевича «Шолэм ун Хавэ» («Шолом и Хава», 1941), посвященная Биробиджану, до сих пор не переведена на русский язык. В 1939 г. выпустил второй поэтический сборник «Гройсе велт» («Большой мир»), в котором были собраны биробиджанские стихи. Автор книг «Биробиджан» (совместно с Давидом Бергельсоном, 1939) и «Дэр взг кейн Бирэбиджан» («Дорога в Биробиджан», 1940). В начале войны ушел на фронт. Прodelал путь от рядового бойца ополчения до помощника начальника разведки одной из армий, штурмующих Берлин. Первое произведение Казакевича на русском языке — военная повесть «Звезда» (1947) стала известна не только в СССР, но и за рубежом, была дважды экранизирована. В этом же году повесть была опубликована на идише под названием «Грине шотнс» («Зеленые тени»). Возможно, автор работал над обеими книгами одновременно.

Ихил Фаликман (1911, Любар Волынской губернии — 1977, Киев) — еврейский писатель. Писал на идише. В 1932–1933 гг. жил в Биробиджане, работал в «Биробиджанер штерн». Здесь начал писать очерки и рассказы. Дальневосточные впечатления легли в основу его книги «Цвишн сопкес» («Среди сопок», Киев, 1937). Во время Великой Отечественной войны был редактором армейской газеты «Патриот Родины», фронтовой газеты железнодорожных войск, печатался в газете «Эйникайт». Событиям военных лет посвящены книги Фаликмана «Либе ин дер файер» («Любовь в огне», 1943) и «Менчн фун майн ланд» («Люди моей земли», 1945; авторский перевод на русский язык «Гроза над Тишайший», 1957). Автор романа о восстании в Варшавском гетто «Ди шайн кумт фун мизрех» («Свет приходит с Востока», 1948, 1951; в русском переводе — «Обреченные берут оружие», Москва, 1959; украинский язык

— Киев, 1962, 1973). Роман Фаликмана «Дер шварцер винт» («Черный ветер», 1968), как и предыдущий, рассказывает о событиях Холокоста, о еврейском антинацистском сопротивлении. Был членом редколлегии журнала «Советиш Геймланд».

С.79

Иосиф Либерберг был арестован 20 августа 1936 г. в Москве, куда был вызван на совещание. 9 марта 1937 г. «Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Либерберга Иосифа Израилевича к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества...» Приговор приведен в исполнение вечером 9 марта 1937 года. Похоронен на Донском кладбище. В этом же году жена Либерберга, Нина Гольдштейн, как член семьи изменника Родины была осуждена на 8 лет ИТЛ. Отбывала срок в Акмолинском лагерном отделении. Освобождена в 1945 г.

С.98

Нам не удалось найти информацию, подтверждающую или опровергающую эти слухи.

С.107

Борух (Барух) Мордехай Вайсман (1887, Словечно, Украина — 1966, Боярка, Украина) — еврейский писатель. Писал на идише и иврите. В 1933 г. переехал с семьей в Биробиджан, преподавал в педагогическом техникуме, был сотрудником «Биробиджанер штерн». Во второй половине 1930-х гг. вернулся в Киев. Вел дневниковые записи на иврите, которые тайно переправлялись в Израиль. Часть их, без указания авторства, опубликовала газета «Давар», часть была издана отдельными книгами (1957 г. и 1973 г.). Дер Алмойни (с иврита — «Некто», «Неизвестный») — псевдоним писателя. В 1957 г. арестован, осужден на пять лет лагерей за сионистскую деятельность. В 1960 г. освобожден по старости и болезни.

С.113

Беня (Бендет) Яковлевич Копелевич (1891, м. Солы близ Минска — 1941) — педагог, лингвист, публицист. Приехал в Биробиджан из Минска в 1932 г. Преподавал в педагогическом техникуме, работал главным методистом при ОБЛОНО. Был редактором газеты «Биробиджанер штерн», в которой публиковал статьи по вопросам педагогики и методики преподавания еврейского языка в

школе, работал над составлением учебника языка идиш в русских школах. В 1935 г. в издательстве «Дер эмес» вышел учебник Копелевича «Русский язык в еврейской школе». Последней работой Копелевича был «Русиш-идиш вертербихл фар дер онфанг-шул» («Русско-идиш карманный словарь для начальной школы», М., 1941), который вышел под ред. Э. Фальковича. В 1940 г. Копелевич был репрессирован. Приговорен к 8 годам ИТЛ. Скончался в лагерной больнице. Реабилитирован в 1957 г.

117

Авром Абчук (1897, Луцк Волынской губернии — 1937) — советский еврейский писатель и поэт, критик. Писал на идише. В 1931 г. окончил аспирантуру литературной секции Института еврейской пролетарской культуры при ВУАН, работал там научным работником. В 1928–1932 гг. был одним из редакторов журнала «Пролит», а затем журнала «Фармест». 27 сентября 1937 г. арестован, обвинен в троцкизме. 10 октября 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

С.90

МАПАЙ — рабочая партия, создана в 1930 г. в подмандатной Палестине. Одним из ее лидеров был Давид Бен-Гурион (1886–1973) — израильский политический и государственный деятель, крупный деятель сионизма, лидер еврейского рабочего движения в Палестине, первый премьер-министр Израиля.

34

БирГОСЕТ — открыт 11 мая 1934 г., закрыт в декабре 1949 г. Первый директор — Эм. Казакевич. Только за первый год театр показал 93 спектакля. Артистами театра были Иосиф Гросс, Макс Рейнгольд, Яков Розенфельд и его жена Шелли Мирецкая, Любовь Яновская, Яков Рубин, Михаил Шейн, Яков Абрамович, Моисей Жолковер, Шура Басихер, Ефим Гельфанд и другие. В 1937–1939 годы театр возглавлял заслуженный артист РСФСР, один из виднейших мастеров Московского еврейского театра Моисей Гольдблат. С его именем связан наиболее творческий период в жизни театра. В 1947 г. театр переведен на хозрасчет. В 1948 подготовил 213 концертов (помимо спектаклей). Художественный руководитель, а после главный режиссер театра Ефим Гельфанд за 14 лет поставил 21 спектакль. В 1948 г. поэт Перец Маркиш (1895–1952) предложил театру трагедию «Восстание в гетто». Одной из последних работ БирГОСЕТа стал спектакль по пьесе местного драматурга и писателя Бузи Миллера «Эр из фун Биробиджан» («Он

из Биробиджана»). В период разгрома Еврейского антифашистского комитета Миллер был репрессирован, спектакль отнесен к разряду националистических и запрещен. Вместе с автором за ключей проволокой оказались писатель и драматург Гешл Рабинок, журналист Наум Фридман, актер Файвиш Аронес, бывшие директора театра Михаил (Носен) Корман и Натан Вайнгауз, поэт и журналист Исроэл Эмиот, поэтесса Люба Вассерман, писатель Бер Слуцкий и многие другие.

121

Лев Наумович Гуревич (1902, д. Михайловка Минской губернии — 1938, Хабаровск) — советский партийный и политический деятель. С июля 1933 г. секретарь Биро-Биджанского РК ВКП(б). В августе 1934 г. вошел в состав оргкомитета ЕАО, однако прибывший в Биробиджан в октябре 1934 г. секретарь оргбюро ВКП(б) ЕАО Матвей Хавкин приложил усилия к тому, чтобы прежние руководители района Гуревич и Мирон Борисович Геллер не вошли в руководящее звено ЕАО. Гуревич уезжает работать в Бикинский район ДВК. 21 августа 1937 г. арестован. На него давал показание А. М. Волобринский. 14 апреля 1938 г. Гуревич приговорен к смертной казни. Реабилитирован в 1957 г.

125

«Момент» (*«Дер момент»*) — ежедневная газета на идише, выходившая в Варшаве в 1910–1939 гг. Основана Ц. Х. Прилуцким (1862–1942). Была наиболее злободневной и популярной еврейской газетой. С 1933 г. в «Моменте» регулярно публиковал свои статьи В. Жаботинский. Издание газеты прекращено в сентябре 1939 г. с началом нацистской оккупации Польши.

125

«Дос Фолк» — еврейская неперидическая газета, выходившая в Польше и во Второй Польской Республике в 1917–1922 гг., в 1925 г. и 1930 г.

126

«Гашомер гацаир» (ивр. — «юный страж») — одна из сионистских всемирных молодежных организаций. Движение основано в 1916 г. по инициативе и при поддержке Еврейского агентства (Сохнут) с целью подготовить еврейскую молодежь к переселению в Эрец-Исраэль и к жизни в кибуцах. В СССР деятельность движения была запрещена в 1927 году, значительная часть его активистов репрессирована. Во время Второй мировой войны представи-

тели движения участвовали в Сопротивлении в Польше, Венгрии, Румынии, Литве и Словакии. Членом этой организации был Мордехай Анилевич, который возглавил восстание в Варшавском гетто.

126

Юлиан Стрыйковский (1905, Стрый, Королевство Галиции и Лодомерии, Австро-Венгрия —1996, Варшава) — польский писатель, журналист.

Содержание

Почему именно Биробиджан

Биробиджанский след в жизни Эстер Розенталь-Шнайдерман.....	5
Загнанные в угол	12
Националистические рецидивы и наивные фантазии.....	31
Прямо «Тысяча и одна ночь»!	53
Пятна на солнце.....	58
Секция биробиджановедения	64
Терминологическая комиссия	69

В Еврейской автономной области

Есть чему радоваться.....	74
Двенадцатитысячный митинг в Нью-Йорке.....	75
Мне подыграла судьба	81
«От воздуха Биробиджана умнеют...».....	82
Буханка хлеба, щепотка соли и прочие мелочи... ..	87
Так и живем.....	92
Семена	98
В сталинском совхозе	100
Охота.....	102
Мое хобби	103
Школы, детские сады, педагоги и униженные книги	106
Нас ненавидят	118

Из жизни в Биробиджане

Первый прием.....	128
На областном съезде учителей.....	128
Меня отправляют с поручением	129
Матвей Павлович Хавкин и Арон Волобринский	133
Еврейские культуртрегеры и еврейские школы.....	147
Маленькие радости.....	150
Новый вокзал	156
Бессонная ночь в Биробиджане.....	159
«Враг у ворот»	163
Биробиджанский погранотряд	165
Инциденты на границе	166
Шпиономания.....	169
Мешочки.....	171
Принудительная русификация	175
Постановление от 29 ноября 1935 г.....	176
В общежитии	177
В учебных заведениях для взрослых.....	177
Делопроизводство	179
Под гору	180
На почте	181
Лицемерие	182
После ареста Либерберга.....	184
Итог	185
Борьба с религией.....	186
История с обрезанием.....	189
Борьба с сионизмом	190
Сарафанное радио	193
Друг увольняет меня с работы	194
В биробиджанском НКВД.....	195
Опустевшие фанзы	196

Реквием

Создать лексикон и создать памятник.....	210
Маркус.....	212
.....	213
Электромонтер Зелик.....	213
Вольф Харапш.....	213
Мойше Сикулер.....	215
И. Файер.....	217
Лейба Шуб.....	219
И. Перецман.....	222

Уничтоженные биробиджанцы

Б. Вельтман.....	224
И. Шварцборд.....	225
Михл Бейнфест.....	227
Гершл Бриль.....	230
Мойше Левитан.....	232
Александр Заблудовский.....	234
Хаим Шиф.....	235
Б. Копилевич.....	235
Аресты среди педагогов.....	236
Сорок четыре расстрелянных железнодорожника.....	238
Шум вокруг дела Абчука.....	243
Уже вначале.....	250

Нищий

Странный человек.....	256
Прошлое советского нищего.....	260
Книга Перельмана и биробиджанский царек.....	266
Гостя из Москвы.....	270